Другая книга

Алексей А Ковалёв

Алексей Л. Ковалёв

ДРУГАЯ КНИГА

- У меня с годами окупаемость книг падает. Что с книгами? - спрашиваю я себя...

- Это правда, у меня тоже. Но я думаю, что-то со мной.

- Да я знаю, что это как раз со мной. Но не признаваться же в этом!

Из обмена репликами в Facebook.

Часть I
Stabat Omnes Vigilantis *

"…fac me tecum plangere…"
«…позволь мне плакать с тобой...»
Stabat Mater

1.

Лихие пророки, бодрые мальчики и девочки авангарда и деконструктивизма, объявили, что история человечества завершена, и все её законы действовать перестали, что парадигма большого искусства и великого художника отработана и более не понадобится, и уповают на «интуитивное обретение вертикального измерения бытия». Но, кажется, и они чувствуют, что земля под ногами дрожит всё-таки на свой особый лад, не по-модернистски, потому и пробалтываются заплетающимися от сотрясения языками о каком-то грядущем новом мифе, о принципиально ином Гильгамеше...

Бог с ними. Смешно, конечно, что проповедуют они как раз тому человечеству, которое, по их утверждению, полностью деградировало как вид и не имеет больше права на существование. Все мы слегка деградировали, но слушать их неинтересно, и не им же сдавать наши права на существование.

Они веселы и полны энтузиазма – мы печалимся и недоумеваем. Они экспериментируют с новыми комплексными формами – мы отошли в сторонку и призадумались. И, поразмышляв, осторожно рискнём назвать то, что они провозглашают концом человечества, рождением нового Мирового Сюжета.

С некоторых пор человек ищет в истории черты индивидуальной жизни. Для понимания мертвых форм ему служит математический закон, а для уразумения форм живых он решил использовать аналогию и, находя в истории много похожих ситуаций, объединил её периоды в повторяющиеся циклы, видя в них рождение и завершение отдельной жизни. Увы, смысл индивидуальной жизни не сводится к аналогиям. Чтобы постичь его, надо бы говорить о судьбе, которая залегает много глубже повторяющихся циклов. И как в жизни отдельного человека, в такой судьбе есть нечто необратимое и окончательное. С такой точки зрения, можно и в самом деле увидеть в истории последовательность персональных судеб, в основе которых лежит определённый сюжет. Но такая индивидуальная жизнь неизмеримо богаче и длиннее легко улавливаемых эпох и аналогий, её судьба разворачивается тысячелетиями. Угасая, она оставляет за собой кое-какое вещественное наследство и память, а её метаболические процессы замедляются и останавливаются, жизненный дух из неё уходит и более не в состоянии творить новые формы, пока таинственным образом в недрах остывающего и разлагающегося тела не зародится биение сердца нового Мирового Сюжета.

Теперь признайтесь: что у вас перед глазами? Надо было бы по старинке сказать – в руках, но в руках у вас, скорее всего, ничего нет. Возможно, одна скользит пальцем по

---

* *Название этой части – «Все стояли и смотрели» – парафраз старинного латинского песнопения, начинающегося строкой "Stabat Mater Dolorosa" – «Стояла мать скорбящая...». В музыке, которую Джованни Перголези написал к Stabat Mater, нет траура – это надежда, смирение и величайшая любовь ко всему человечеству.*

матовой пластинке или занята жукообразным предметом – что помогает передвигать строчки. Или всё-таки обе держат чрезвычайно сложное плоское приспособление, где вы храните всю свою библиотеку. Раньше это называлось «книга». Впрочем, может, и сейчас кто-то рискнёт так назвать.

Книга или не книга, но что-то привело вас к этим строчкам. Наверно, хотите встретиться с какой-то историей, и это будет не первая история, которой вы обогатите свою память и воображение. Стало быть, прежних не хватило. Возможно, вы вспоминаете об удовольствии – и это какое-то особое удовольствие, непохожее на большое разнообразие остальных. Не огорчает ли вас жизнь? И не зная, как её исправить, вы ищете какие-нибудь примеры. А может, наоборот, решили ещё раз убедиться, что судьба незнакомого вам человека – особенно такого важного, о котором пишут в книгах, ничем не легче вашей. Или мечтаете, следуя за его судьбой, попробовать для развлечения прожить другую, не выпавшую вам от природы жизнь. И раз вы особенно чувствительны к слову, испытать знакомство с новой, завораживающей речью автора.

Если вы ещё молоды, я, согласившись, что любая из этих причин весома и оправданна, спешу вас предупредить о возможном разочаровании, поскольку эта книга, вероятно, не удовлетворит ни одно из перечисленных ожиданий. И предлагаю вам на время отложить наше знакомство, обратившись к любой другой книге – классической или современной, заслужившей признание читателей. Они обеспечат вам истинное пиршество ума и чувств, ибо в их основе по-прежнему лежит тот или иной Великий Мировой Сюжет. Не стоит и повторять, что вы непременно получите вышеупомянутое удовольствие. В добрый путь.

Для представителей своего поколения у меня есть другое признание.

Нам не так легко стало поднять глаза на новую строку. Осторожно присматриваясь к незнакомым именам, мы всё ещё способны развлечься, но об откровении не может быть и речи.

Доверительно или бесцеремонно, спокойно или громогласно автор вводит нас в обстоятельства истории, в которой нам предстоит пребывать некоторое время, знакомясь с её персонажами, их внутренним миром и развивающимися отношениями. И мы должны погрузиться в этот особый мир, чтобы приобрести доселе неизвестные знания и представления о жизни, а если повезёт, ещё раз испытать чувство грусти, может быть сопереживание радости или гнева в связи со счастливыми или горькими судьбами героев.

Но сколько же таких, в сущности напоминающих одна другую, историй мы можем вместить? Со временем решимость отдать этому занятию своё внимание, время и силы слабеет, шансы познакомиться с чем-то действительно неведомым сокращаются. Обернувшись на свою собственную жизнь, частью которой стали уже и все прочитанные истории, понимаешь вдруг, что коль суждено встретиться с неведомым, то, скорее всего, в самой жизни. А если она не предоставит такой встречи, то, пожалуй, хватит на наш век и того, что уже стряслось.

Но так было не всегда.

Нет слов, что-то изменилось. И не только в нас. Есть подозрение, что перемены начались в самой глубине глубин, но, видимо, надо было выскоблить до дна очередной мировой сюжет, чтобы испытать смятение и предчувствие неведомого.

Может быть, вам известно и неприятное чувство, когда трудно просыпаться. Сознаёшь при пробуждении, что тебя возвращают в вязкую, тяжёлую действительность,

время которой как будто прошло. Сама она, конечно же, об этом не знает, у неё большой запас инерции, как у любого весомого предмета. А тебе некуда деться, и единственное место, где не чувствуешь себя насильно влекомым, это сонное забытьё, в котором действительность пропадает. Её движущая сила – это, по-видимому, и есть прежний мировой сюжет – всем миром усвоенная притча существования, история о противостоянии человека природе и победе над ней. Всё это уже случилось. Если попробовать описать общее ощущение, к которому мы пришли, не найти более справедливых и горьких слов, чем потеря доверия к действительности, тоска по утраченной связности.

В этом мы не одиноки. Первым нечто подобное пришлось лет сто назад пережить учёному братству, которое в течение долгих двух десятилетий мучительно расставалось с надёжным миром классической механики. Их отчаяние осталось по большей части от нас скрытым, но для понимавших, что происходит, это были поистине тяжкие годы. Остальной мир, как усталый литератор, неспособный покинуть излюбленный предмет изображения, продолжает сочинять новые варианты прежнего сюжета, но даже в предвидениях будущего повторяет лишь его улучшенные формы.

Новый Мировой Сюжет эту инерцию останавливает.

Будь то Провидение, подарившее человеку разум, или разум, открывший ему неведомое прежде направление – новый способ существования порывает все ощутимые связи с исчерпавшим силы прежним. Так что мы окажем себе неоценимую услугу, удержавшись от предсказаний. Это не значит, однако, что нам совсем нечего сказать о предполагаемом новом мировом сюжете. Мы догадываемся, как рождались и сменялись предыдущие, да и сама мысль о Мировых Сюжетах не случайно пришла на ум. А вместе с ней и память о двуликом Янусе, встречающем человека у каждого порога и глядящем в обе стороны. Он необщителен, но тот его взгляд, что устремлён вперёд, взывает к мужеству, и за робость он нас не похвалит.

Поскольку строить этот сюжет, по всей видимости, придётся уже не нам, наш долг прежде всего проводить и оплакать сюжет завершающийся. Будущие поколения всем ему обязаны, он приготовил их к новой жизни, и без него не наступил бы этот судьбоносный миг. По крайней мере, он может дать нам ясное представление о том, чего в новом сюжете не будет. Но и обманываться не стоит – отныне память о прошлом начнёт сокращаться. Творение нового сюжета потребует много сил. Надеюсь, он того заслуживает...

* * *

Такой отрывок появился в одной из социальных сетей под анонимным аватаром «Автор». Он вызвал несколько не слишком заинтересованных откликов, и на этом обмен мнениями прервался. Однако судьба фрагмента продолжила развиваться необычным образом, так как вскоре в сети появился документ под названием «Книга», и некоторым из тех, кому пришло в голову в него заглянуть, представилась возможность стать участниками особого сообщества, уже независимого от какого-либо из известных и переполненных форумов.

* * *

- Кажется, нельзя было придумать бога молчаливее, чем ваш Янус.

- Ну вот. Моё желание избавить молодых современников от наших сентиментов оказалось тщетным. Вы, стало быть, не склонны прислушаться к совету?

- Я жду, что вы намекнёте на какую-нибудь новую историю.

- Напрасно. Именно от этого я вас и предостерегал. В любом случае, если до того дойдёт, сочинять свои сказки вам придётся самим.

- Ничего такого я не умею.

- А не спешите. Вы ещё и не пробовали. Прежние сочинители тоже научились не сразу. Как только почувствуете, что вам без них не обойтись, они и явятся.

- Но надо же с чего-то начинать. А от всех предыдущих историй вы разом отмахнулись. По-вашему, их следует просто забыть?

- Как вам сказать... Наверно, какие-то забудутся сами. Но ведь их так много. Я думаю, вы даже и не заметите пропажи. Те же, что сохранят способность напомнить о себе, отдохнут наконец от тяжкого бремени, которое мы на них возложили, и охотно вернутся к своей лёгкой цели – напоминать о вечной красоте и пробуждать веселие нового творчества.

- Мы что же, плохо с ними обращались? Требовали от них чего-то такого, что они не могли нам дать?

- Да ведь и теперь вы просите рассказать вам историю по той же причине. Мучаете своё воображение в усилиях представить себе этот новый мировой сюжет и спешите обратиться к мифам, выпестованным сюжетом прежним. Но всё, что они в состоянии сделать, это удержать вас в своих утешительных объятиях. И чем неожиданнее покажутся их откровения, чем ближе они, как вы решите, к новой жизни, тем лукавее обнаружится их тормозящая сила. Я, пожалуй, пойду вам навстречу, но только с тем, чтобы убедить, как тщетны надежды на прежний опыт. Известно ли вам, что шестой подвиг Геракла – очищение знаменитых Авгиевых конюшен – был знаменателен вовсе не сам по себе, а как непредвиденная причина рождения Олимпийских игр?

Узнав, что следующим заказом Эврисфея будет чистка конюшен ленивого царя Авгия, спутник героя разгневался на посланца.

«Не стоит оскорблять глашатая, – строго оборвал его Геракл. – Не думаю, чтобы Эврисфей хотел только оскорбить меня, заставив убирать навоз. Тут скрывается что-то другое. Увидим».

Авгий владел несметными табунами прекрасных лошадей, которые паслись в плодородной долине реки Алфей, но конюшни, годами не чистившиеся, были полны навоза. Геракл пришел в Элиду и сказал Авгию: «Если ты отдашь мне десятую часть своих коней, я очищу конюшни в один день».

Авгий засмеялся. Он считал, что конюшни вовсе нельзя очистить. «Десятая часть моих табунов твоя, Геракл, но только если завтра утром все конюшни будут чистыми».

Геракл потребовал, чтобы ему дали лопату, и Авгий велел её принести. «Долго же тебе придется работать этой лопатой!» — сказал он. «Только один день», - ответил Геракл и пошел на берег Алфея. Полдня он усердно работал – запрудил русло реки и отвел ее воды прямо в царские конюшни. Стремительный поток уже к вечеру унес весь навоз из конюшен, а вместе с навозом и стойла, и кормушки, и даже ветхие стены.

«Не взыщи, царь, - сказал Геракл, - я очистил твои конюшни не только от навоза, но и от всего, что давно сгнило. Я сделал больше, чем обещал. Теперь ты отдай мне обещанное».

Авгий был жаден, и отдавать коней ему не хотелось. Он велел двум своим племянникам напасть на Геракла из засады и убить его. Но двое простых смертных, конечно, не могли справиться с сыном Зевса, и засада им не помогла – оба пали от руки Геракла. Возмущение коварством элидского царя было велико. «Нельзя, карая орудие преступления, оставлять безнаказанным виновника,- подумал Геракл.- Пусть люди знают, что призвание мое – в очищении земли от всякого беззакония и в зверином, и в человеческом образе».

Разогнав дворцовую стражу, Геракл в честном поединке убил Авгия. Жители Элиды стали просить победителя занять трон и стать их царем. Но Геракл отверг эту просьбу с негодованием. «Я сразил Авгия не для того, чтобы завладеть его царством, - сказал он, - У него есть сын, ни в чем не провинившийся перед богами. Пусть он правит вами. Я же, прежде чем уйду, хочу принести благодарственную жертву Зевсу Олимпийскому и учредить в его честь игры. Пусть отныне и до скончания веков каждые четыре года атлеты со всей Эллады собираются здесь на состязания. И пусть, пока идут Олимпийские игры, мир царит на земле».

Что же внушает нам сей миф?

При том, что способ очищения постройки довольно неожидан, он ещё и открывает глаза на скрытую истину – давно запущенные дела создают сопутствующие проблемы и иногда исправление всем очевидной ошибки сопровождается избавлением и от более основательных повреждений, вплоть до полного обновления. Но и на этом откровение не останавливается. Следующие события, благодаря свежей творческой воле героя, приводят к вовсе непредставимым результатам – Олимпийским играм. Здесь как будто веет ветер открытий, небеса просветляются, и нас переполняют предчувствия новизны.

Но мы забываем, что неожиданный в пределах самих событий результат – всеобщие спортивные состязания и даже их миротворческое значение находятся целиком в рамках текущего мирового сюжета. Это по-прежнему – соревнования, и по-прежнему – временное перемирие. Разве что масштаб вырос. В связи с новым Мировым Сюжетом о подобном стиле воображения нужно забыть.

- И чем он должен нас удивить, этот ваш новый мировой сюжет?

- Об этом, я надеюсь, пойдёт речь впереди. Пока как будто понятно одно – ему суждено восполнить пустоту, которая явилась неожиданным результатом сюжета прежнего. Вероятно, какие-то события должны были бы отметить его начало, но какие именно приметы нашей жизни обозначают этот порог, нам пока увидеть не дано – как раз потому, что мы не сумеем их по-настоящему оценить. А может быть, и ходить далеко не надо. Смотрите – все ваши сверстники разошлись, вы задержались. Это могло быть и простым любопытством, но может быть и чем-то ещё... Вообразите, что мы уже находимся внутри нового сюжета. Мне известно о нём не больше вашего. Чем он обернётся – в какой-то мере зависит от нас самих.

- Пустовато как-то. Ни опоры, ни равновесия. Так, пожалуй, и голова закружится.

- Да ведь речь идёт не о зримых вещах, не о событиях, а об их подоплёке, о том, что их определяет. У вас есть наверно друзья, родственники, какие-то обязанности и планы. В этом смысле жизнь не опустела и не остановилась. О равновесии же вот что я вам скажу. Мне кажется, что сильнейшее искушение равновесия и опоры – это как раз один из признаков сюжета завершающегося. Практический человек так долго трудился над идеалом золотой середины, что почти погасил в себе творческую чувствительность. Но её символ отнюдь не середина, а «золотое сечение», которое само не слишком определённо.

Посредственность – вот синоним бессильной середины. Живой сюжет мироздания всегда смещён к гармонии золотого сечения. Неустойчивость, незавершённость – естественное, здоровое состояние человечества, как и всего Творения, на первый взгляд уравновешенного. А что голова кружится – это хорошо, это с непривычки, и это пройдёт.

- Ладно, понятно. Хотите знать, почему я задержался? Узнать решил – это один из старых трюков, чтобы читателей заманить или вам всё же что-то известно. Теперь мне бы в самый раз уйти, но вы меня разозлили. Я, может быть, несвязно буду говорить, потому что тороплюсь, есть причины, потом объясню. Вы что же, думаете, мы не знаем, что всё давно отыграно? Можно и попроще об этом сказать.

2.

- С самого начала вы о себе не думали. Всё – об орехах, о грибах и ягодах, о звере, которого нужно поймать и съесть, о женщине, с которой приятно жить, о детях, которых надо вырастить, о соседе, который – неизвестно кто, но немножко похож на тебя и может позариться на твои грибы и ягоды, а то и на женщину с детьми.

Потом соседей становится больше, с некоторыми оказывается можно жить в ладу и сотрудничать, а от остальных легче вместе обороняться. Вы оглядываетесь вокруг и удивляетесь разнообразию. Заодно обнаруживаете в себе неизвестные раньше способности – оружие смастерить, инструменты, всякую утварь, построить крепкие жилища, вырастить злаки, овощи и фрукты, приручить полезных в хозяйстве животных, а то и нарисовать или вылепить какие-нибудь фигуры. Или спеть и отбарабанить приятную мелодию. Но надо как-то схватить всё единым взглядом, и приходится вообразить, что за общим разнообразием стоят невидимые могучие силы, с которыми надо считаться и в соперничество не вступать. А здесь, на земле, эти силы явно представлены теми, кто побогаче и посильнее, вождями, умеющими управлять. Понимать друг друга становится легче, и сошлись вы на том, что созданы были этими силами, чтобы жить на Земле, как особое многочисленное племя, и что предоставлена она вам для удовлетворения своих потребностей и желаний. А что ждёт впереди – знать не дано, да и не так это важно, поскольку жизнь оказалась прекрасной, хотя и непростой, раз не всегда удаётся жить в согласии друг с другом.

Вот вам Первый Мировой Сюжет – зародился и развивается. Где тут у меня ошибки, папаша?

Дальше. Чувство частного, родового или племенного превосходства было знакомо вам с самого начала. Но национальная исключительность, избранничество – это открыли иудеи с их Заветом Авраама. Позже оно ещё много раз аукнется всем вам в разных вариантах, хотя уже христиане спохватились и попытались избавиться от этого дикого наследия, предложив веру в единого Бога всему человечеству. Но радикально новым в этом Завете было как раз представление о Едином и Единственном, отношения с которым оказались важнее всего остального. И тогда родился новый, Второй Мировой сюжет. И будет ещё уточняться и очищаться от всяких неясных обстоятельств. Придётся осваивать угрюмое Средневековье с благородным рыцарством, повеселиться в Возрождении, опять упереться в Протестантизм, потом очистить мозги Просвещением... И всё это время вы пытаетесь определить своё положение по отношению к Творцу. Правда, попутно и образ личности немножко укрепляется. Вот это представление о «я» и «ты», которое тоже называет себя «я» и говорит тебе «ты». Но пока «ты» – это единственная всеобъемлющая и всевластная сила, с которой, как утверждал Авраам, человек заключил договор. И теперь

остаться без её опеки и покровительства означает испытать чувство одиночества. Раньше вы его не знали, потому что всегда было к кому обратиться. Даже если потребуются новые жертвы, их можно было вытерпеть, но сама возможность поискать другого бога не оставляла места одиночеству.

Потом являются научный переворот Бэкона и Ньютона, индустриальная революция и всякие новейшие умозрения. Интерес перемещается с Творца на ваши отношения с природой – органической и социальной. Пока, однако, это всё тот же сюжет, поскольку Творец остаётся в поле зрения, как созидатель всего мироздания и в том числе – Природы. А вот последние открытия в физике частиц знакомят вас с совершенно новым способом организации и природы, и мышления, и это уже не совпадает с текущим мировым сюжетом. Вы больше не в состоянии получить никаких новых знаний, не учитывая собственного рукоприкладства. Приходится взглянуть на самого себя и растеряться. То, что вы представляли себе как высшую творящую силу, проявляет себя, оказывается, главным образом через вас самих. А о себе вам мало что известно.

То есть, вы как бы узрели существование того, кто должен быть вашим Создателем – потому что больше неоткуда было вам взяться; излазили этот сюжет по всем углам, а убедительного подтверждения такого своего происхождения не нашли. Вернее, окончательно запутались в том, где кончается человек, и где начинается Бог. И теперь надо со всем своим долгим опытом двух мировых сюжетов начинать сначала и покончить наконец с сомнениями насчёт того, кем же, собственно, человек является.

Вот тут и пошатнулось само доверие к действительности – раз невозможно узнать, что она собой представляет и чего следует от неё ждать. И есть подозрение, что мучаетесь вы не от недоверия, а от своей доверчивости. Действительность-то сама по себе нейтральна, к человеку равнодушна, и нелепо ждать от неё каких-то человекоподобных проявлений, способных вызвать доверие. Так что предметы усиленного внимания предыдущих мировых сюжетов – и мир, полный чудес, и Бог или Природа, и общество – рождали необоснованные и неоправдавшиеся надежды.

Ну? Есть у вас что к этому добавить?

А я добавлю: если ваш следующий Мировой Сюжет возьмётся решать проблему доверия к действительности, вы обнаружите, что это ни больше ни меньше как вопрос доверия к человеку. Настоящего, полного и устойчивого доверия искать больше негде. Понятие «ты», которое называет себя «я», приняло совершенно буквальные черты соседа – мои, например, или ваших предполагаемых читателей.

Он, человек, станет главным действующим лицом и основным предметом внимания. Если до сих пор речь шла о том, как люди взаимодействуют с миром, Создателем, обществом или природой, а взаимодействие друг с другом было вторым по значению и подчинялось главной задаче – выжить, овладеть природой и общественным устройством или установить приемлемые отношения с Творцом, теперь общим сюжетом станет взаимодействие друг с другом, чем вы в прежних сюжетах пренебрегали. Там всякие «ты» не всегда предусматривали собственное «я», и, в случае чего, их можно было просто устранить. Между прочим, тут, возможно, прячется и решение проблемы одиночества.

Так, что ли?

По-моему, мы составили стройный дуэт. Я бы сказал, что вы вынудили меня делать за вас вашу работу. И что теперь? Я подозреваю, что ждать тут действительно больше нечего.

3.

- Мой дорогой юный друг... Вы прирождённый сказитель. Как это я сразу на вас наткнулся? Чудеса. Мы с вами, глядишь, и в самом деле могли бы найти общий язык.

Смех – да не вырвется из одной лишь груди.

Слёзы – да не прольются из одних лишь глаз.

Проклятье – да не слетит ни с одних уст... – Как вам такой запев для новой сказки, вдохновлённый вашим впечатляющим описанием?

У меня нет путеводителя по новому сюжету. Я угадываю его приход и полон любопытства. Потому и рискнул воззвать к помощи. Как видите, мои надежды оправдываются – вы сами и поспешили откликнуться, предложив довольно оригинальное развитие событий. Теперь нас двое. И если мы наберёмся терпения, возможно, узнаем невероятные вещи. Впрочем, если вы не рассчитываете услышать ничего примечательного, вполне возможно, что и не услышите. Вы как будто в высшей степени оснащены интуицией – может быть, вам хватает собственных догадок. Вам ведь есть куда вернуться, и вас ждут, наверно, важные дела...

- Не знаю. Вы потребовали внимания, но по своей прихоти поместили нас перед чистой страницей, то есть – неизвестно где. Ни мне, ни своему поколению вы пока ещё ничего не предложили. Придумайте какие-нибудь условия, и я попробую им соответствовать.

- Какое это блаженство – чистая страница... Не познакомить ли нашего молодого современника с музыкой?

- Мы непременно это сделаем, но, может быть, в другой раз. Сейчас у него, кажется, и времени больше нет. Вы ведь не забыли, что мир ещё не справился с вирусом. А вас как будто ждут вполне определённые обязанности...

* * *

Пол откладывает планшет и оставляет его заряжаться.

Что это было?

Ему знакомо похожее ощущение, когда ложишься спать очень усталым и всё же решаешь прочесть несколько страниц, а потом не замечаешь, как задремал, потому что во сне продолжается диалог, начавшийся в книге. Но сейчас он вроде не засыпал и не просыпался. Именно ему было адресовано предложение отказаться от книги, которым он сначала пренебрёг. Теперь же по какой-то причине послушался. Сна ни в одном глазу, усталость прошла. И не вполне ясно, кто от его имени участвовал в беседе. Это могли быть и его собственные слова, хотя он не подозревал в себе подобного красноречия, и ему никогда не приходило в голову к кому-то с ним обратиться. Но главное – где и когда происходило это собеседование, отчёт о котором он только что прочёл? И почему он ничего этого не помнил, пока не взял в руку книгу?

Галлюцинации начались?

Он не был дома уже неделю, ночуя прямо здесь, в клинике. Нельзя рисковать жизнью отца с матерью. Да и у самого не остаётся желания шевелиться после двенадцатичасового дежурства в интенсивной терапии.

Какие мировые сюжеты? Вот сюжет – как раз в тот момент, когда будто бы догадались, что наступает «время обнимать», Провидение подстроило всем карантин –

ситуацию, требующую от объятий уклоняться. Как совместить эти знамения?

В отделении есть четыре аппарата искусственной вентиляции лёгких. Тяжёлые больные поступают непрерывным потоком. О том, что никто не побеспокоился заранее снабдить больницы этим оборудованием, рассуждать поздно. Это ему сейчас предстоит решать, кого ставить на ИВЛ – то есть, кому дать возможность выжить. Кому же?

Матери-одиночке троих детей или уважаемому врачу, с которым он работал рядом всю прошлую неделю? Мужчине средних лет с медицинскими осложнениями и плоскими шутками, который напоминает ему отца? Его отцу? Наверно, алкоголику, который заплёвывает его и коллег, когда они пытаются помочь. Может быть, всё-таки бездомному, который живет на углу улицы, каждый день улыбается ему и говорит: «Благослови тебя Бог»?

Кому из них он позволит умереть?

О самих врачах и говорить нечего. Анализы для медперсонала тоже плохо организованы, а в контакте с инфицированными пациентами они побывали все, и как обстоят дела, одному Богу известно. А тут ещё каждый день чего-то не хватает – халатов, перчаток, масок. Но даже респиратор обеспечивает только 95 процентов защиты. Каждый раз, покидая отделение, он не знает – может, он уже потенциальный пациент своей же реанимации, и это вопрос всего лишь нескольких дней.

Ну да, есть власть имеющие, которые создали эту ситуацию, и будь они прокляты! Но сейчас не до них. Так кого всё-таки ставить на ИВЛ? Человека из тюрьмы, где он сидел за изнасилование? Или за хранение марихуаны? Нет, нет – конечно же, любимую и богатую знаменитость...

Уходят силы, растворяется предполагаемая уверенность, что решения разумны. Воля слабеет, а ведь ему, возможно, предстоит ещё сохранить множество жизней, и эти люди, будущие пациенты, вправе рассчитывать на его душевное равновесие.

Кто он такой, чтобы совершать подобный выбор? Кто мы все такие?

Вот он, человек. Взял и встал в самый центр внимания, не дожидаясь никаких новых сюжетов. Бессильный в страдании и лишённый помощи.

И совершенно не к кому обратиться... Может, старик что-то знает, раз уж он так решительно расстаётся с прежним опытом. То есть, это что же – неужели читать дальше? И опять встретить там себя?

- Шестнадцатый, ответьте восьмому!

- Шестнадцатый.

- Четвёртый блок. Код синий… Код синий....

4.

- Не знаю, много ли вас, готовых вместе со мной заполнять эти страницы. Но если не считать многообещающего молодого собеседника, ещё один, по крайней мере, успел о себе заявить. Вы полагаете, что у музыки есть будущее?

- Пока она была единственной художественной формой, которая развивалась самостоятельно и независимо от исторической неразберихи. И создала такой богатый мир, что продолжает звучать, несмотря на урон, который нанёс ей прошлый век. То, что звучит перед началом концерта, когда музыканты настраивают инструменты, нельзя ещё называть музыкой. Но нечто похожее можно услышать сейчас. Она пробует голоса, перебирает ноты и подтягивается к единому строю в предвкушении ещё одной симфонии – можете называть её мелодией нового мирового сюжета.

- В таком случае нас ожидает роскошный подарок. Но не обижу ли я вас, если предложу на выбор природу ещё одного искусства, визуального. Вернее, приём лишь одного из видов этого искусства, более близкого к человеческому обличию?

- Вы говорите о портрете?

- Именно.

- Не стану спорить, предмет загадочный.

- Не правда ли? Кажется, не было художника, который рано или поздно не обратился бы к этому жанру. За теми, кто не решался это сделать, приходится признать своего рода целомудренную скромность, но те, кто посвятил ему много времени, по-видимому, обладали особой отвагой.

- Ну-ка, ну-ка – вам придётся это пояснить.

- Я попробую. Вам наверняка известен вечный диспут о том, выражает ли живописец в портрете самого себя или скрытую сущность модели. Но если подумать о том, откуда возникает такое сомнение, нам придётся отметить, чем отличается человек как объект изображения от других объектов. И сразу становится очевидным, что сколь послушной ни была бы модель, ей не удастся окончательно подавить в себе продолжающуюся жизнь персоны, дух личности. И портрет оказывается полем сильнейшего взаимодействия двоих. Пейзаж, животное, детали натюрморта и даже групповые сцены не борются за свою независимость, они безразличны к автору. С человеком такое не получится. Можно предположить, что это противостояние как раз и является искомой для художника целью, и результат его непредсказуем. Во всех остальных случаях у него есть возможность беспрепятственно себя выразить. Зачем же художник стремится к этому рискованному предприятию?

- Можно вспомнить и мистический ужас перед изображением живого лица у древних. И религиозный запрет в некоторых верованиях.

- Не забывайте и об устойчивом интересе к тайнам портрета у романистов.

- И, как правило, они вынуждены завершать свои сюжеты печальным исходом.

- Их явно мучал какой-то неразрешимый вопрос. Кажется, ранние предубеждения основывались на вере, будто в написанное изображение переходит живая душа человека, то есть оригинала, но мы уже догадываемся, что это не совсем так, что тут имеет место обоюдная схватка, и душа портретиста тоже в нём присутствует. Что же рождается в случае успеха?

- Кто-то сказал, что если художник вполне успеет, можно считать подобный портрет более верным, схожим с человеком, чем сам человек. Тем более что, как многие замечали, человек не всегда на себя похож, И даже чрезвычайно редко бывает похож на себя.

- Значит, не только художнику открывается тайна, но и сама модель узнаёт о себе нечто новое. Иными словами, нам может предстать пронзительный символ человеческого взаимодействия. Именно такой эффект производят портреты Леонардо или Рембрандта, вам не кажется? Нам, не живописцам, не проникнуть в загадочный процесс работы над портретом, но одно можно сказать с уверенностью: он требует пристального наблюдения за предметом изображения, которое продолжается в течение всей работы. И вот мне представилось, что если бы мы почаще становились портретистами – не в буквальном смысле этого слова, конечно, а лишь переняв у художника это обострённое внимание к другому, даже без необходимости воплотить его результаты в какой-либо из

художественных форм – что нам всё равно не по плечу – может быть, это стало бы первым шагом в пространстве нового мирового сюжета.

- Особенно, если такое внимание станет взаимным.

- Было бы интересно узнать, что думает об этом наш юный собеседник. Вы ведь уже обмолвились о неизбежности внимания к человеку и прислушиваетесь к нам некоторое время.

- Я не готов к такому усиленному вниманию, да ещё групповому. Я сейчас не в лучшей форме – что, как вы отметили, бывает. Давайте я лучше понаблюдаю за вами.

- Ну, попробуйте. Здесь, к сожалению, мало что удастся разглядеть. Я хотел, собственно, услышать, как вы относитесь к самой идее. Знаете, один швейцарец сказал, что если бы людские головы сделались прозрачными и мы могли бы сравнить портреты одной и той же дамы, запечатлевшиеся в воображении ее швеи, ее парикмахера, адвоката, домашнего врача, духовника и любовника, мы были бы поражены их несходством и подумали бы, что имеем дело с шестью различными женщинами. Вы не считаете, что мы сильно усовершенствовали бы взаимоотношения, если бы все эти лики стали доступны каждому?

- Нет. Я знаю людей, у которых всего два лика, в чью бы прозрачную голову вы ни заглянули. И оба так отвратительны, что лучше их вовсе не знать. Вступать с ними во взаимоотношения, тем более совершенствовать их, мне бы не хотелось.

- Может быть, их время проходит, и в новом сюжете им не останется места... Но вообще это интересный вопрос: как отнесётся новый мировой сюжет к присутствию отрицательного персонажа?

5.

- Как же об этом судить, если о самом сюжете вам ничего ещё неизвестно? А юноша прав. Не знаю, чем вас заинтересовал этот тип. По-моему он никакого внимания не заслуживает. Хотя как раз очень любит, чтобы его изображали. Правда, того, кто берётся за их портреты, вряд ли можно назвать настоящим живописцем. Этот человек похож на любого из нас, но он не один из нас. Он просто один. Персонально его никто не интересует, и ему кажется, что он ни в ком не нуждается. А неустранимую нужду в другом он подменяет тем, что пользуется его услугами. В быту эти люди обычно на удивление невежественны или изощрённо сообразительны. И в том и в другом случае – очень словоохотливы. Это навыки бесчестного торговца или образованного софиста. Во взаимоотношениях с ними настоящая суть дела лишь имеется в виду, но всегда остаётся за рамками сделки, и у обычного человека оба типа вызывают инстинктивное отталкивание. Если бы только мы не были так кровно заинтересованы в самом предмете обсуждения! И преодолевая неприязнь, мы вступаем с ними во взаимодействие. Это всё, что им от нас требуется.

Каков же этот насущный предмет, без которого нам, как кажется, не обойтись? Та суть дела, требующая взаимных усилий для своего разрешения? Что они о ней знают? Нам и самим-то хотелось бы в ней разобраться получше. Но посмотрите пристально – отражается ли в их глазах хоть какое-то подобие этого предмета. Вам не удастся это определить, потому что они отводят взгляд. Не разрешая наших проблем и не помогая нам их разрешить, они ухитряются устраивать собственные дела. И больше в них нечего изучать. Вероятно, они догадываются, что усиленное внимание может грозить им портретом, который они не захотели бы ни увидеть сами, ни кому-либо показать – он был

бы слишком гадок. И при явной общительности, они предпочитают уклоняться от общения.

- Но тут как будто появляется выбор – либо настоять на подлинном общении, либо такому человеку в любом общении отказать.

- Это почти невозможно. К сожалению, многие из них занимают в обществе довольно высокие и влиятельные места и мы от них зависим.

- Но ведь и они зависят от нас, иначе не могло бы и речи быть об обществе. Как долго, по-вашему, им удастся использовать друг друга? Наш юный гость, например, уже признаётся, что склонен отказаться от общения с такими людьми. Пол, вам по-прежнему не по себе? Вы всё ещё стесняетесь нашего внимания?

- Откуда вы знаете моё имя?

- В последнее время я познакомился с исповедями нескольких врачей и сестёр. Они все в той или иной мере проникнуты отчаянием, но одно сообщение привлекло моё особое внимание. Я подумал, что это можете быть вы. Простите, если я ошибся.

- Нет, ничего, это не так уж важно. А что бы вы противопоставили этому отчаянию?

- Самое искреннее сочувствие. Желание быть там, рядом с вами, если бы только мои неуклюжие руки могли вам помочь. Ещё я думал, нет ли возможности оставить в стороне личные предпочтения, отвлечься от так называемых «объективных» показателей, касающихся возраста пациента, его сопутствующего состояния здоровья, поведения и прочих качеств и прислушаться к тому, что скажет душа – или совесть, что в сущности одно и то же. В конце концов, на этом языке с нами говорит Мироздание, и у нас, по крайней мере, останется уверенность, что именно оно водило нашей рукой. К чему-то в этом роде нас склоняет квантовая практика. По необходимости выбирая одну из двух форм проявления единого объекта микромира, мы ведь не уничтожаем сам объект. Таким неуловимым объектом в вашем невыносимом выборе становится, может быть, сама человеческая жизнь. Правда, физики отказались от широкого толкования своих открытий – что-то их испугало.

- Ещё бы! За сочувствие спасибо. Но если речь идёт просто о жизни, можно обойтись и без сложных душевных упражнений – просто бросить монетку. Тогда уж лучше послушать наших так называемых этических экспертов. От одного упоминания о них, скулы воротит, но они тоже хлопочут о жизни. И до такой степени, что решаются отменить на время клятву Гиппократа. Их рекомендация – сохранить как можно больше этой вашей жизни. Это не противоречит и квантовому откровению, верно ведь? Но тогда приходится всё же учитывать кое-что ещё. Например, первыми необходимо спасать нас, врачей и сестёр, потому что, чем нас становится меньше, тем больше будет смертей и меньше жизни. Следующими по той же причине идут те, кто поддерживает порядок и безопасность – полицейские, пожарные и так далее. А потом начинаются остальные предпочтения: одна жизнь почти подошла к концу, другая только начинается; одна, если её спасти, продлится много лет, другая – месяц-два. В целом, молодёжь оказывается в более выгодном положении, хотя в отдельных случаях спасти 65-летнего будет лучше, чем тяжелее заболевшую студентку. То есть, они вроде понимают, что строгих правил тут быть не может, а всё же советуют чуть-чуть склоняться в ту или иную сторону.

- Удивительно, конечно, как инстинкт выживания превращается в психологическую пытку. Когда человек не только обосновывает бесчеловечный выбор, но может представить его как полезное преимущество. Нацистский врач вынуждает мать

спасти от газовой камеры одного из двух её малолетних детей или отправить туда обоих – и это выглядит как редкая удача. А она выбирает старшего сына, хотя образ девочки с медведем подмышкой, уводимой за руку офицером, заставит её спустя много лет покончить жизнь самоубийством. Конечно же, не Мироздание подсказывает ей этот выбор. Оно, скорее всего, в ужасе отворачивается. Но не может ли быть, что ваши эксперты тоже пробуют на свой страх и риск освоиться в новом сюжете? Их рекомендации полны противоречий, и вместе с тем как будто предлагают и вполне свежий взгляд на ситуацию. В чём суть вашей неприязни к ним?

- Да это началось уже лет двадцать назад в связи с угрозой совсем другой эпидемии. Вдруг мировые организации здоровья забеспокоились, есть ли у стран ресурсы с ней справиться. И быстро выяснили, что необходимых запасов медицинских средств и оборудования ни у кого нет. Но вместо того чтобы заставить правительства такими запасами обзавестись, они приняли существующую ситуацию как данность и занялись усиленной разработкой новых этических норм, вполне в духе научных энтузиастов, раззадоренных решением новой интересной задачи. Тут уж они без смущения объявили о необходимости прямо-таки фундаментального сдвига в нравственной перспективе. Вот за эти два десятилетия они и выдали свои рекомендации. И никто не вспомнил, что без всего этого можно было обойтись – между прочим, сэкономив огромные средства – если бы они впопыхах не проскочили самый простой выход – произвести нужный продукт и обеспечить людей простейшими средствами защиты.

- Как просто.

- Совсем не просто. Там не дураки сидят. И это не обыкновенная тупость. Это действующий закон нашего существования. Никому в голову не придёт производить какой-то товар впрок, без немедленной прибыли. В каком-то смысле общее несчастье даже выгодно, потому что рождает повышенный спрос. Как и войны, кстати. Пока этот механизм действует, боюсь, что надежды на новый Мировой Сюжет очень невелики.

- Мне показалось, что как раз нынешняя ситуация, если чуть пристальнее на неё взглянуть, позволяет такие надежды слегка укрепить. Нам нужно будет обязательно к этому вернуться...

* * *

Он действительно не сдержался и в какой-то из социальных сетей расплакался о врачебных делах. Тут нет загадки. Чего он не ожидал, так это получить ответ на свою исповедь таким диковинным способом.

Прислушаться к своей душе?

Ему никогда не приходилось ухаживать за абсолютно здоровым на вид человеком, который смертельно болен. Последнее время он повторяет матери, что хочет на день-два вернуться домой. Но она умудряется успокоить эту истерику и отговорить его. Она знает, как он мучался бы потом, потому что в этот момент каждому врачу надо быть здесь.

Заканчивается одиннадцатый день.

Они с коллегами обмениваются информацией о больных, но в условиях интенсивной терапии он наблюдает за теми же пациентами день за днём, пока они не покидают отделение в похоронном мешке.

Он смотрит на них, прибывающих ещё не под наркозом и без вентиляторов, но едва способных дышать и смертельно испуганных. Он объясняет им, что делает вирус с их

организмом, и каков риск быть интубированным. Это лучше, чем если бы они вообще ничего не понимали. Ты болен, лежишь на кровати, раньше к тебе подходили люди в халатах, с открытыми лицами, а теперь – космонавты в скафандрах. С пациентами в таких костюмах надо говорить четче и громче. И неизвестно, кто испуган больше. Разумеется, если перед незащищенным человеком стоят четыре-пять фигур в средствах защиты, ему не по себе...

6.

- Вот вы считаете, что всё будет решать взаимное внимание... Напряжённость, с которой внимание больных обращено на меня, нельзя сравнить ни с каким общением в обычной жизни. И я полон желания впитать каждую подробность их душевного состояния. Времени мало. Это похоже на работу уличного портретиста. Уж не знаю, что рождается из этого взаимодействия, когда наступает время решать, кому из двух я предоставлю слабый шанс выжить. Они не успевают узнать, а тех, кто выжил, я, скорее всего, больше не увижу. Останусь один с галереей едва заготовленных портретов. Если это вступление к глубоким переменам, которые вы называете новым Мировым Сюжетом, я бы сказал, что оно больше всего напоминает жёсткий лагерь ускоренной военной подготовки.

Я слушаю, как эти люди говорят с родными по телефону в последний раз перед интубацией – помогаю им провести эти последние минуты с семьёй. Большинству пациентов в реанимации уже не до телефонов. После того как их усыпляют, их вещи остаются здесь. Телефоны продолжают звонить... Это хуже всего – слышать, как они звонят, знать, что кто-то молится, чтобы на звонок ответили хотя бы ещё один раз. Не все они стары, многие в хорошей физической форме. У многих не было никаких проблем со здоровьем. Один парень успел мне сказать, что работал в пяти местах одновременно, пока вирус не изувечил его организм. Этот вирус убивает. Мы гадаем, как долго нам удастся продержать их полуживыми. Когда их организм сдаётся, мы упаковываем тела в похоронные мешки. Я видел умирающими сотни людей. Обычно они окружены родными, или после конца мы предоставляем родным время попрощаться. Но с вирусом ничего этого нет. Никакого утешения, никому. Нам всем наверняка придётся пройти через ту или иную форму посттравматического синдрома, когда всё это кончится.

А пока, отработав двенадцатичасовую смену, мы выходим подышать на улицу, где нас встречает свирепая толпа, требующая отменить простейшие предохранительные меры – соблюдение дистанции, ношение масок, закрытие общественных мест... У нас нет слов и сил им возражать. Мы стоим молча, всматриваясь в эти искажённые яростью лица. Не все среди них прирождённые отрицательные герои. Но то, что прочитал бы в них ваш портретист, способно раз и навсегда отбить у него интерес к этому объекту изображения. Нас они, судя по всему, даже и не видят. И мы молчим.

Но боже мой! Живописцу лучше, чем кому бы то ни было, известно, что даже не каждый сотый интересен в качестве модели для портрета. Они знают, что в большинстве современников совсем нечего рассматривать. Что нам прибавит пристальное внимание к этим ожесточённым лицам, кроме отчаяния и ещё более обострившегося чувства одиночества, которое теперь сопровождается ещё и удушьем – очень похожим на то, что демонстрирует вирус, поражая лёгкие. Пространство для жизни сужается, вместо воздуха его заполняет гибельный вирус невежества.

Если вы не ошибаетесь в своих предчувствиях, берётесь ли утверждать, что ваш новый Мировой Сюжет рождается и вот в этом бурлящем котле слепоты и ненависти?

- Я ведь не упоминал ни о каких преимуществах нового сюжета. Мне неизвестно, станет ли он следующим шагом к свету или откроет ускоренный путь в небытие. Я готов лишь утверждать, что он будет решительно отличаться от всех предыдущих. Что же касается бурлящего котла – эта посудина подогревалась давно. Слишком долго и незаметно. Многие из людей – такие же жертвы, как мы с вами, только не знают, от чего мучаются. И кричат, как дети, которым больно, а они ещё не научились терпеть.

Я даже рискну на минуту усилить ваше беспокойство. Взрослея, человек может создавать самые причудливые, иногда уродливые конфигурации собственного сознания, которые становятся подобием личности. Вот, например, портрет, созданный не живописцем, но тоже художником, а стало быть, с использованием того же приёма пристального внимания. Я говорю о герое одной из новелл Веркора. Не ловите меня на слове – я не предлагаю вам старую сказку. Это всего лишь часть её, относящаяся к внутренним ресурсам человека.

Во время оккупации Франции нацистский офицер поселяется в доме, где живут отец и его взрослая дочь. Он образован, даже сочиняет музыку и влюблён во Францию, с её душой и литературой не меньше, чем в собственную родину. Его мечта – добровольный брак двух великих культур, и он не устаёт осторожно и с большим тактом делиться своими чувствами с хозяевами, несмотря на то, что в ответ встречает абсолютное, гробовое молчание – даже на простой стук в дверь.

Его изощрённая мысль учитывает, что не трусливая и рабская власть маршала Петэна способна привести к взаимности чувств, а лишь терпение и постепенное понимание французами благородного, любвеобильного немецкого духа. Затем на одной из встреч с соратниками офицер испытывает сильное потрясение и разочарование. Его заветные мечты оказываются грубо высмеянными, их отнюдь не разделяют победители-соотечественники. Решение он находит, однако, в том, что отпрашивается у начальства на передовую. И только тут, при расставании, он получает, наконец, в ответ единственное слово: «Прощайте».

Внешность его вполне привлекательна, чтобы вызвать интерес живописца. Но попробуйте вообразить, как выглядел бы его портрет. И что бы произошло, если бы этот шедевр был вручён ему вместе с последним «Adieu». Впрочем, может быть, это ни к чему бы не привело, поскольку в те времена сюжет в себе не сомневался, ему предстояло ещё длиться много десятилетий. Но мне кажется, что как раз сейчас ваш котёл вот-вот начнёт остывать.

Прошло уже более ста лет с тех пор, как возник разлад и стал стремительно распространяться, поразив множество людей. Он проник и в искусство, отравляя его и порождая поспешно формирующиеся, разнообразные движения. Возможно, эхом этого явления были эстетически беспомощные попытки авангардистов изобразить человека буквально разъятым, деформированным...

Знаете что? Пожалуй, теперь самое время. Наберитесь терпения, а мы попытаемся сопроводить вашу кровоточащую арию ещё одним мотивом – казалось бы, возникающим очень издалека. Видите ли, создаётся впечатление, что жизнь уподобилась контрапункту, который задержался сверх положенного и взял на себя изложение основной мелодии, будто бы уже не звучащей. А иногда кажется, что именно она, пока едва слышно, всё же

продолжает звучать – например, в вашем молчаливом противостоянии толпе. Хотите мне помочь, маэстро?

7.

- Какой поразительной сложности путь должно было проделать человеческое сознание, чтобы от первичного естественного любопытства к звукам прийти к мелодичности, тембральному разнообразию, многоголосию и в результате – к полифоническому, гармоническому и ритмическому богатству инструментального изобилия и симфонизма! Способность этой формы искусства воздействовать на человека уникальна. Эфемерная и преходящая, она в то же время несомненно реальна и сравнима в своём познавательном значении с любым откровением, в том числе религиозным.

И вдруг человек теряет вкус к этому чуду и начинает ждать от музыки лишь ласки и утешения – того, что она не предусматривала ему давать. Нужно выпустить из рук магию звука, чтобы вообразить, что Моцарт, Бетховен или Брамс – утешают, умиротворяют... Остаётся подобие поверхностного идолопоклонства в отношении классической музыки, и жертвой этого тлеющего безразличия публики становятся новые, ожесточившиеся композиторы.

Начинается поиск выразительных средств, всё дальше уводящий от смысла. Нет больше объединяющего соотношения тонов с главным центром лада – тоникой. Музыкальная речь становится аморфной, структурные функции гармонии распадаются, воцаряется диссонанс, самоуверенно провозглашающий себя новой «атональной музыкой». А расслабленное сознание уже не замечает кричащего противоречия в самом названии.

Происхождение новой симфонической музыки принято объяснять попыткой привести классическое наследие в соответствие с системой ценностей современного мира. Но взгляд этот основан на ложном представлении о природе искусства. Ценность его – и в том числе классической музыки – абсолютна. Ценности современного мира, тем более эстетические – относительны и по большей части условны. Только искусством они и могут формироваться. Или не формироваться. Или они формируются каким-то посторонним влиянием и тогда не имеют отношения к художественному творчеству. Возможно, увлечение атональной музыкой восполняло болезненную, трагическую утрату чувствительности, вызванную быстрой чередой жестоких войн, революций и массового уничтожения, и потребность её пробудить всё более крайними средствами. Можно вообразить, что, следуя за общим отчаянием, многие художники решил ответить на войну – войной, объявив её самому искусству и надеясь на какую-то несбыточную победу. Но отказа от гармонии искусство художнику не прощает, и путь этот никуда не ведёт.

«Это напоминает прогулку в ночи, - говорит один из вдумчивых посетителей концерта, - Как если бы вы наткнулись в траве на собственный труп. И вы плачете над безжизненной плотью, но не потому, что она мертва, а проникшись уверенностью, что солнце уже не взойдёт – оно навеки задержалось под чертой горизонта, мучая утонувшую в тумане землю фальшивым рассветом».

Чаще всего слушатели не хотят эту музыку слушать, музыканты – играть. Коммерческие требования побуждают сводить такие произведения к стандартной длине не более десяти минут, что оставляет достаточно концертного времени, чтобы услышать то, что всё ещё пользуется остатками внимания и уважения. Опыт подсказывает организаторам, что десять минут пытки – это максимум того, что способен вынести

слушатель, не заявляя протеста. А равнодушие публики к классической музыке оказалось временным. Можно ещё допустить, что свой звёздный час она уже пережила, но притягательность её продолжает собирать концертные залы. И вместе с новыми, уже полноценными формами, она постепенно вернёт измученному слушателю полноту художественного переживания. И, конечно же, она одаряет счастьем творчества армию музыкантов-исполнителей, ничуть не убывающую.

Пока заполняются концертные залы, а у вас остаются силы так изнурительно бороться за сохранение жизни и молча выдерживать гнев беснующейся толпы – Вселенная на вашей стороне. Прислушайтесь, и возможно, вы различите звонкую, ритмичную поступь копыт небесной конницы, которая уже спешит вам на помощь.

- Я хотел бы ещё два слова сказать об ожесточении. Каким бы беспомощным ни оказывался результат, вызвана эта отчаянная реакции художников была всё-таки живым чувством. Теперь этого больше нет. Названия тех направлений современного искусства, которые тщатся выразить это самое ожесточение, утрачивают семантическую внятность, не пробуждают более смыслового отклика. По сравнению, скажем, с романтизмом или импрессионизмом и даже классицизмом, который всё ещё содержит память о наследии Эллады и Рима, модернизм – «новизм», в сущности – не содержит никакого смысла, кроме временного ориентира. Что же говорить о постмодернизме, дважды бессодержательном термине? Может быть, это связано с инстинктивным признанием, что определять – нечего. Что художественный продукт этого направления несовершенен, пуст. Поскольку общий художественный тонус понижен, требуется формальная лексика, чтобы хоть как-то этот период определить – такое волевое, механическое усилие удержать общественный престиж творчества.

Но это коснулось не только искусства. Обратите внимание, что с некоторого времени живая потребность определять периоды существования по их содержанию ушла и из многих других областей жизни – истории, политики, философии. Осталась только привычная нужда как-то их отметить. И определения ограничились одним временным указателем – постиндустриализм, постгуманизм, постколониализм. Или нейтральным обозначением новизны, без уточнения новой самостоятельной идеи – неокантианство, неонацизм, неолиберализм. Всего лишь упоминание о предыдущей эпохе и нейтральный знак инаковости. Отсутствие самостоятельной идеи. Семантическое истощение. Невозможно отделаться от мысли, что сами эпохи не рождали более нового содержания, или – что выглядит ещё более угрожающим – стремились скрыть своё истинное ущербное содержание, уклоняясь от внятного определения.

Но если мы не знаем, как назвать то, что с нами происходит, значит, осталась одна растерянность. Прежнего ожесточения нет. И то, что вы видите – это отдельные последние вспышки, уже не отражающие действительное положение.

- Положение выглядит, как в чужом пиру – похмелье. У них там затянувшийся творческий кризис, а мне приходится отдуваться за всех – то излагать вместо вас историю мировых сюжетов, то молчанием вместо музыки вызывать небесную конницу... Я всегда верил, что уж у искусства-то в руках все карты и что оно как раз не подвластно никаким мировым сюжетам.

- О, это несомненно так и есть. Но вот новый опыт продемонстрировал, что, соседствуя с бойкими самозванцами, творчество по причине врождённого достоинства и нелюбви к агрессии может продолжить существование в стороне, в некоторой несогласованности с широкой публикой. А той приходится мириться с тем, что свою

историю она пока рассказывает сама. Вы предложили поставить в центр нового сюжета человека, о котором мы мало знаем. Если мы решим, наконец, выяснить, что же он собой являет, нам не избежать среди прочего и помощи художников. Тогда вкус к модернизму иссякнет и лишний шум утихнет.

8.

- Мне жаль начинать своё участие в беседе с такой кислой ноты, но от рассмотрения этого вопроса мы, вероятно, вынуждены будем удержаться, или, во всяком случае, отложить его решение на неопределённое время – sine die, говоря классическим языком. Я не говорю, что ответить на этот вопрос вообще нельзя, но при наших нынешних возможностях он представляется неразрешимым. Наступление нового Мирового Сюжета мне тоже кажется отчасти неизбежным. А вот как совместить его с этим недоразумением, я пока понять не могу.

- Что же, по-вашему, может этому помешать?

- Вы справедливо сравнили нашу растерянность с отчаянием физиков в начале прошлого века. Им в конце концов удалось справиться – но только для своей узкой области. И за счёт обуздания собственных чувств. Перед человечеством же они обнаружили своими открытиями гораздо более сложную проблему. Чтобы узнать, что являет собой человек, необходимо понять, какое место он занимает в системе, а для этого у него должно существовать представление о целом, которого он как часть этого целого обрести не может. Или может – если допускает, что в некотором отношении он сам как особое проявление Высшей силы является творцом системы. Но в этом случае ему необходимо вызвать в себе новое ви́дение и в большой степени отстраниться от непосредственной связи с жизнью – увидеть со стороны всю систему, включающую человека, но уже не себя в этой роли. Как бы временно отказаться от эксперимента. Вообразить себе такое положение мне до сих пор не удавалось при всём желании это сделать. Может быть, кому-то из вас больше повезёт. Вы упоминали одно из произведений Веркора... Если помните, у него в романе есть занятная иллюстрация подобной попытки. Возможно, у нашего молодого собеседника возникнет желание прервать беседу и вместо неё обратиться к этой замечательной книге. Я тем временем мог бы вкратце напомнить остальным, о чём идёт речь.

- И вы туда же! Что вы так спешите от нас избавиться? Я, кстати, так и не понял, почему вы отказались от молодых читателей.

- Не обижайтесь. Я не отказался. Как видите, предложение моё оказалось не таким уж убедительным, и вы, например, его не приняли. Но мне по-прежнему трудно уговорить себя, что двадцатилетних может увлечь подобный разговор. Позднейшая система воспитания убедила почти каждого из них, что он являет собой уникально одарённую личность, и я, с моими способностями чуть выше среднего, чувствую себя с ними неловко. Кроме того, мне кажется, что ваши однокашники слишком падки на новшества. Это вообще-то свойственно юности, но сейчас их увлечение всем, что связано с высокой технологией, фантазиями об искусственном разуме и виртуальной реальности, приобрело особый размах, а при этом они остаются недостаточно образованными. Смущать их надеждами на будущее, в котором они не разглядят ничего похожего на их собственные представления о нём, мне кажется преждевременным. Вряд ли у них хватило бы терпения для беседы о классической музыке. Всему своё время. Я не мог предположить, что среди них попадётся такой диковинный фрукт, как ваша милость. Нам повезло, чему я очень рад

– как, я уверен, и наш новый собеседник. Если вам не нужна передышка, тем лучше для всех нас.

- Одну минуту. Мы можем, конечно, продолжать в этом духе... Короче говоря, я не хочу больше морочить себе голову. Я и так слишком долго терплю. Вы здорово имитируете моё участие в беседе, и я отдаю должное вашему воображению. Но попытка сделать вид, что случайная книжка начинает жить своей жизнью, больше не убеждает. Слишком похоже на сюжет для научной фантастики. К ней у меня давно интерес пропал. А уж быть персонажем в таком сюжете – даже в сочинённом виде – это надо совсем стыд потерять.

- Находите, стало быть, сходство с собой? Не сердитесь, я шучу. Но вы, кажется, подозреваете нас в каком-то подвохе.

- Себя – в легкомыслии.

- То есть, не верите собственным ощущениям? Это вы сравнили своё общение с больными с работой уличного портретиста? Или я сочинил за вас?

- Нетрудно и сочинить.

- А о том, кто работал в пяти местах одновременно или о лагере ускоренной военной подготовки?

- Но не так же книги пишутся!

- Вообще-то так и беседы не ведутся. А как следует писать книги? Все более или менее знают, как можно их читать. Да и то выясняется, что это, может быть, одно и то же. Вы напоминаете мне о правильном способе написать книгу. И отказываетесь назвать книгой то, что этому способу как будто не соответствует. Но никто из нас не стоял за спиной Гёте, пока он писал «Фауста». А если я скажу, что так, как вы, не живут?

- Я живу. И давайте говорить на простом языке. Допустим, всё это наяву, и мы ведём сейчас разговор внутри вашей книги. То есть, нет, не внутри, конечно – ведём где-то, когда-то разговор, который потом превращается в книгу. Я пока не спрашиваю, где такое происходит – это отдельный вопрос. Через пять минут я её закрою, и разговор оборвётся. Что будет дальше происходить со мной, я знаю. А что будет с книгой? Все вы замолчите, и время в ней остановится? Но я знаю, что там впереди ещё сколько-то уже готовых страниц – откуда они взялись? Они могли бы отражать какое-то прошлое, раз уже существуют, но уж никак не наши будущие беседы.

- А что творится с любой книгой, стоящей на полке в библиотеке или магазине? Надеюсь, вы согласитесь со мной, что жизнь книги начинается, когда человек берёт её в руки и приступает к чтению. До той поры мы не можем даже с уверенностью сказать, что персонажи, якобы в ней действующие, всё ещё действуют или бесконечно повторяют одни и те же действия. Само их существование условно. Наш музыкант, наверно, смог бы гораздо нагляднее всё это объяснить на примере беззвучной нотной записи. Разумеется, ничего здесь не происходит, пока вы занимаетесь своими делами, а время занимается вами. Рано или поздно вы вновь обратитесь к чтению, время переместится сюда, и обнаружится, что мы продолжили беседу. То же самое происходит с каждым из нас. Заглянув в так называемые «готовые будущие страницы», вы, возможно, обнаружите, что в вашей жизни образовался какой-то провал, который вы не сразу заметили и который вам ещё придётся как-то объяснить. Но это никак не повлияет на самоё книгу. Для вас жизнь в ней прерывалась, для тех, кто продолжал читать – нет. Почему это кажется вам таким уж неосуществимым?

- Тогда – второй вопрос. То, что я читаю, это всё-таки запись беседы с моим участием, которая будто бы уже где-то и когда-то состоялась, но оставалась мне неизвестной, пока я не приступил к чтению. Как это понимать? И потом, книга написана и издана, но жизнь участвующих в беседах продолжается – по крайней мере, про свою жизнь я могу это сказать с уверенностью. И каждый раз я вступаю в диалог с новым опытом. Как он может попасть в уже готовую книгу – одновременно во все её существующие копии? Я мог бы ещё с большой натяжкой поверить, что способен видеть длинные литературные сны, но каким образом в коммерческом издании появляется их распечатка?

- Наверно, вы обладаете сверхъестественными способностями, а ваши сны – невероятной проникающей силой. И тогда это следует отнести ко всем участникам беседы. Ах да, вы настаиваете на простом языке... Но почему вы говорите о коммерческом издании? Такого издания не существует. И вам прежде всего следовало бы уточнить, как книга вообще к вам попала. Вы уверены, что где-то её купили? Потому что в издательском процессе она не участвовала.

- Ещё не легче. Вы опять шутите со мной, что ли? Я, конечно, могу и не упомнить всего... Но тогда это какой-то вирус?

- Нам всем будет обидно, если вы решите так её определить. Согласитесь, что этот устрашающий термин совсем не согласуется с предметом нашего общения. Ну хорошо. Я в самом деле ничего от вас не скрываю, но затрудняюсь вам объяснить, как именно это происходит. Я записываю то, что мне удаётся услышать. Не спрашивайте, где и когда – я не знаю, где это происходит – как, судя по всему, это пока скрыто и от вас. Мне неведомы и пути, которыми эти записи попадают к другим людям. Я не силён в новейшей технологии, и если вам удобнее называть её вирусом, валяйте. Не забудьте только, что это какой-то доброжелательный вирус, если такие вообще существуют. Уже по первым результатам мне показалось, что это похоже на книгу, оттого я и решил так её называть.

- Это вы намекаете на какую-то неведомую реальность, в которой творятся необъяснимые вещи. Как же не научная фантастика?

- Я, как и вы, не большой её поклонник и не стал бы упражняться в этом жанре. Какой-то разрыв между реальностями тут явно имеет место, но боюсь, что никто из нас ясно себе не представляет, что это значит, и какова на самом деле связь между ними. Может быть, удастся в результате нащупать и эту связь – ещё одно заветное желание, которое побудило меня приступить к делу. Я не скрываю, что это была рискованная попытка, неожиданная для меня самого. Но пока она как будто продолжает развиваться. Может быть, хорошо, что вы сопротивляетесь – значит, есть чему. По крайней мере, вы соглашаетесь допустить существование этой второй реальности.

- Вовсе нет. Ничего вы мне не объяснили. Оставлю за собой право в ней усомниться.

* * *

Помимо этой путаницы с книгой, приходилось изумляться, какая неразбериха творится в стране. Кто мог себе представить, что народ сильнейшей в мире державы не способен жить единым духом и при чуть более сложной опасности распадается на кланы и ощетинивается? Что разум нации утратил дар воображения и не может сопоставить

состояние эпидемии с состоянием войны, например. Правда, и непосредственный опыт мировой войны почти никому из современников уже не знаком.

Цифры показывают, что опасность возрастает, и часть людей этому верит. Другая часть легко увлекается теориями заговора, считает, что это ложь и чьи-то происки, и что угроза преувеличена. В одном месте следуют рекомендациям врачей и учёных и ограничивают себя, в другом отменяют все ограничения, возвращаются к массовым сборищам, поднимают кривую заболеваний у себя и усиливают риск для остальных. Оказывается, они – не единая страна, - дивился Пол, - или, по крайней мере, страна, которой никто не управляет и которая не желает быть управляемой. Дом, разделенный в самом себе... Говорят, в такой дом приходит беда. Впрочем, если старик угадал, это правило – тоже из прежнего сюжета. И как же тогда вести себя по-новому – разделиться на два дома и не видеть в этом беды?

Воображение рисовало действительность, распавшуюся на отдельные зоны. И в каждой – своё прошлое, свои приметы и правила, как в соседних квартирах, где живут разные семьи. Тебя мгновенно перебрасывает из одной в другую, и каждый раз приходится заново ориентироваться. А при этом знаешь, что дом – один, что всё это происходит одновременно, и только живя во всех квартирах сразу, можно понять, что на самом деле происходит. Но нет никакого способа оказаться хотя бы сразу в двух, рядом расположенных зонах. То ли надо совершить какой-то гимнастический трюк, чтобы задержаться во время этого мгновенного перескока и побывать в пространстве перегородки – в общей раме. Речь не о пространстве, конечно, а о времени, о его растягивании, о попытке вырваться из его принудительной хватки.

Или эта проклятая книга с постепенно оживающими листами...

Нет, в этой загадке он ещё не готов был разбираться. Она и так того и гляди рассыплется у него на глазах. Но может, это оно и есть? Нечто вне обычного времени, откуда всё видно и где всё решается. И вроде не так уж трудно туда попасть. Хотя нет, всё же нужно сначала споткнуться о подходящие первые строчки...

* * *

- Периферийные?
- Нет
- Магистральные?
- Нет.
- ...двадцать восемь, двадцать девять...
- Амиодорон, 300 миллиграмм.
- Сделано.

Ей, вероятно, лет тридцать. Глаза её закрыты, черты лица обезображены трубками, но при усилии можно сообразить, что она хороша собой. Сейчас это померкшая красота...

- ...двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять...
- Сколько клинической?
- Пять с половиной.

Жена? Дочь? Сестра? Женщина, находящаяся сейчас в пространстве перегородки, молчит...

- Каротид?
- Нет

- Давление у нуля.
- Я вижу.
- Общее время?
- Тридцать четыре минуты.
- Ладно. Стоп. Всё. Запишите время.
- Пятнадцать тридцать две.

Пятеро медиков, окруживших ложе в интенсивной терапии, в течение минуты хранят молчание.

- Разбираем всё. Всем спасибо.

Ещё одна душа выпала из сюжета...

9.

- Там довольно острая интрига, но нас будет интересовать только её развязка.

Археологи случайно наткнулись на племя человекообразных обезьян – их условно назвали «тропи». Некоторые физические признаки заставляют отнести их к промежуточному звену. Участники экспедиции решаются на опасную авантюру. С помощью одного из них, журналиста, производится искусственное оплодотворение одной из женских особей, родившееся создание удаётся зарегистрировать как его сына, а затем он отравляет новорождённого стрихнином и открыто заявляет полиции о своём преступлении. Но врач, констатирующий смерть, отказывается с определённостью заявить, что жертва – человеческий детёныш, и во время судебного процесса над убийцей присяжные, к своему изумлению, сталкиваются с неразрешимой проблемой. Никто, включая судью, не может им сказать, что определяет безусловные свойства человека.

Задумана была эта мрачная ловушка как способ спасти умелых и сообразительных существ от нещадной эксплуатации, уже обдумываемой промышленниками. Но дело настолько запутывается, что приходится образовать специальную парламентскую комиссию, чтобы выработать окончательное определение. И после того как были отвергнуты несколько предложений, казавшихся слишком радикальными, приемлемой формулировкой становится «религиозный дух» – в широком понимании, включающем не только веру, но и науку, искусство, историю и даже колдовство и магию.

Искомый признак был у племени обнаружен, существа эти были признаны людьми, а убийца оправдан, поскольку потребовался специальный закон, человеческую личность определяющий, и, стало быть, в момент совершения преступления жертва такой личностью ещё не являлась.

Есть там и такой, сугубо человеческий, элемент – переживания Френсис, жены оправданного журналиста. В беседе с супругой судьи она соглашается, что её муж убил ребёнка, своего сына, и что она ему помогла и никакие хитроумные доводы ничего не изменят. Она рассказывает, что плакала ночами, кусала себе пальцы и самой себе казалась отвратительной. Но потом ей открылось, что право на звание человека не даётся просто так и приносит не только радость, но и горе, завоёвывается ценою слез. «Теперь я знаю, знаю, знаю, - говорит она, - что история человечества не сказка без конца и начала, рассказанная каким-то идиотом...». А судья верит, что когда-нибудь люди добьются более полного определения. Главное, по его мнению – сам поступок журналиста. Он вселил беспокойство в души людей, стронул с места машину, которую уже не остановить.

- Фу, какая патока! Можете назвать меня скептиком, но никакой надежды я тут не слышу. Эх, как сорвался ваш уважаемый писатель. Могла бы быть вполне

нравоучительная басня. Кстати, вот вам ещё одно тяжёлое наследие прежнего сюжета – популярная форма эволюционизма, надежды на перемены к лучшему. С какой стати мы воспринимаем прогресс как эволюционное правило? Пока он больше походит на исключение, и на каждую удачу приходится десять случаев провала. Большинство наших положительных свершений – это вечная оборона, усилия сдержать непрерывное вторжение Хаоса в жизнь человеческого рода. Молве эти десять случаев деградации портят настроение, и она их просто забывает. А в чём, собственно, мы преуспели, кроме медицины, технологии и иллюзии благополучия? Да и они теперь грозят обернуться хаосом. В одном вы правы – с вопросом о человеке придётся обождать.

- Вы хотите что-то сказать, Пол?

- Кто-нибудь может мне объяснить, что здесь происходит? Никто не спрашивает, как будто всё это в порядке вещей. Я один, что ли, замечаю какую-то несообразность?

- Мы замечаем, но почему она вас смущает? Вы предпочли бы устроить всё как-то иначе?

- Ничего я не хочу устраивать. Но того, что здесь творится, не может быть.

- Но ведь оно уже есть, не правда ли?

- Должна признаться, что мне, например, совершенно всё равно – может такое быть или не может. Приходится выносить так много невозможного, которому лучше бы вовсе не случаться. А в этой забаве я ничего угрожающего пока не вижу.

- Ну, пока это одни разговоры.

- Неизвестно. Откуда нам знать? А во-вторых, всё, что мы обычно слышим вокруг, даже и не разговоры, шум один.

- Шум? Послушайте... Сегодня мы потеряли молодую пациентку. Она не успела сказать ничего, что я мог бы вам передать. Но если уж вы настаиваете на продолжении – вот вас надо бы как следует расспросить. Что вам известно о человеке? Френсис этой, которая «знает, знает, знает»... Или той, кто билась и рыдала у подножия креста. Да ведь и первая глава посвящена одной из них, а ещё ни слова об этом не было сказано. Вот о той, остающейся вне поля зрения, потому что никто в её сторону и взглянуть не посмел...

- Не поняла, о чём вы собираетесь спрашивать, но желаю успеха.

Часть II
Лань отпущения

Fac, ut ardeat cor meum in amando…
Заставь гореть сердце моё в любви...
Stabat Mater

10.

- Она заслуживает ещё одной отдельной книги, которая была бы лучше всех, уже написанных о ней. И никто не берётся такую книгу сочинить.

Ибо что же такое женщина, как не Лилит? Если сам Создатель впал в противоречие, сотворив божественной интуицией это неописуемо прекрасное существо и тут же, смутившись её явным превосходством, исправил первую попытку, уже не хлопоча о совершенстве и оставив новой женщине лишь доверчивость, лукавство и любопытство – смутные напоминания об истинной её сущности. Мужчина таких осложнений Творцу не доставлял. А отношения Создателя с этим независимым существом так и остались особыми, не вписывающимися в общую историю Мироздания.

Идея разделения полов была захватывающей. Но что столь же гениальная идея свободы воли проявилась именно в женщине, в самостоятельных условиях, которые она предъявила уже утверждённому способу продолжения рода, пожалуй, стало откровением и для самого Творца – одновременным свидетельством жизнеспособности и непредсказуемости всего проекта.

«Я тебя оставила первой, хотя сердце моё обливалось кровью, - могла бы сказать Лилит. - Ты выглядел, как само совершенство, голова моя кружилась, тело моё отозвалось сладостной дрожью, когда я не смогла удержаться от воображаемого мгновения близости с тобой. А ты был бесхитростен, неопытен и настойчив. И мне внезапно открылось, что ты не знаешь, с чем встретился, и не узнаешь, пока не ощупаешь собственной рукой всех прелестей и противоречий того удивительного мира, который тебя ждёт и в котором я была бы так счастлива жить с тобою. Но что был бы для нас этот мир, как не унылая череда и путаница дней, если я не могла вручить тебе себя целиком? И я ушла, затаив надежду, что когда-нибудь ты ко мне вернёшься.

«Придержи этого самца, - попросила я Его. - Чтобы всего лишь без помех плодиться и размножаться, можно воспользоваться соответствующим инструментом. Но у Тебя, как я понимаю, всё-таки далеко идущие планы, а создав меня, ты слишком поторопился. Твоему мужчине следует рискнуть благополучием во имя знакомства с добром и злом, испытать горечь изгнания и обживать этот мир, приобретая мудрость, которой я уже наделена благодаря первозданному таинству пола. Для этого понадобятся многие поколения, и Тебе придётся дать ему подругу попроще, чтобы они могли производить потомство, которому, возможно, удастся возвыситься над мглой инстинкта и вожделения. Но главное – узнать то, что не способно им внушить даже бремя познания, то, что находится за пределами добра и зла. Любовь. Мне такой опыт не нужен, я уже люблю. А ему, им не обременённому, пока не испытывающему любви даже к Тебе, простое обладание мной ничего не прибавит».

Он казался смущённым. Или мне хотелось таким Его видеть, а на самом деле Он всего лишь задумался. И затем продолжал великий труд творения, создав упрощённый вариант женщины и Древо Познания и объяснив вам, чем грозят его плоды.

Вряд ли тебе под силу вообразить мою покинутость и одиночество. Чувства первородной женщины, наблюдающей величественное развитие Мироздания, изначально предназначенного для неё, но продолжающееся без её участия, медленно и несовершенно. Иногда, спрятав лицо в ладони, я спрашиваю в слезах: «Зачем Он создал меня такой»? Но вскоре, вообразив мир, в котором не осталось бы и следа Лилит, охваченная презрением и стыдом, я вытираю слёзы. Кроме того, я не теряю веры, что однажды мы всё же окажемся вместе. При всей преданности идее Творения у меня есть счёт к Творцу, остающийся неоплаченным. А ожидание справедливости всё затягивается, пока мужи и жёны мира сего продираются сквозь тернии влюблённости, страсти, ревности, неразделённых чувств, брачных условностей, семейного счастья, неверности и внезапных утрат в стремлении обрести гармонию любви, которой способно их одарить лишь прикосновение к тайне Лилит. Один Создатель разделяет мою печаль, Им самим порождённую предоставлением человеку права свободной воли – и произвола. И вынужден ты встречаться с тем или иным женским ликом – то пробуждающим восторг и поклонение, то влекущим неистовой силой желания, то провоцирующим насилие, то приводящим в отчаяние своей недоступностью и в то же время вызывающим животный и священный ужас способностью воспроизводить новую жизнь. Тайна Лилит не открывается ни одной из

этих страстей. Когда – удручающе редко – возникает союз, возжигающий пламя любви, мир на краткий срок обретает признаки совершенства. Но жизнь ваша коротка, а для полного торжества нужно, чтобы такое пламя охватило всех мужчин и женщин, так и не успевающих узнать настоящую любовь».

- Тем временем мы ухитрились отяготить своё положение невероятной ложью, которой веками окружали её образ, обрушивая на неё гнев собственной беспомощности и наделяя таинственный образ Лилит всеми свойствами исчадия Ада.

Достаточно было женщине проявить любовь к животным, пройтись одной по полю или лесу, собрать лекарственные травы или неожиданно возглавить армию мужчин и привести её к победе, чтобы получить кличку ведьмы, подвергнуться пыткам и быть заживо сожженной на костре. Сколько их было? Не то три, не то пять миллионов – всего за триста лет... Легко ли им выбраться из таких пут накопившейся общей боли и страха?

Но если бы только религиозная узость, которая вечно пасует перед силой женского обаяния, конкурирующего с чистой верой, была повинна в такой несправедливости!

Величайшие умы, всем миром признанные авторитеты мысли вынуждены были коснуться этого вопроса. Как же было им не приложить руку? И, пожалуй, ни в чём не проявили они такой беспомощности и не потерпели столь сокрушительного поражения, как в своих умозаключениях о роли женщины.

Следовало бы для справедливости признать, что было немало попыток непомерно возвеличить образ женщины, особенно среди мыслителей, близких к религиозному направлению. Но все они стремились убежать от живой женской природы и завершали свои панегирики в сфере нематериальной спутницы Создателя – Мудрости, противоестественного непорочного зачатия или двуполого андрогина, таким образом вновь и вновь изымая женщину из сотворённого мира.

Она – не единственная жертва безумного человечества. Может быть, даже не самая пострадавшая. Веками продолжалось жестокое рабство, а уничтожению подвергались целые народы. Но рано или поздно всякое насилие вызывало бунт и противодействие. Мера же непротивления женщины сопоставима только с её уязвимостью по сравнению с насильником, с его очевидным и ничем не оправданным верховенством. И никогда ни один голос не прозвучал призывом к бунту женского рода, ни снаружи, ни изнутри. Попытки воззвать к социальному равноправию – всего лишь бледная тень настоящего мятежа. Тот первый вызов Лилит был и остаётся единственным противостоянием и единственной опорой будущей справедливости. Такова природа этого дивного создания – оно олицетворяет бунт самим своим существованием.

О чём же её спросить? Что можно сказать о любви, пока её нет? А когда она есть, слова уже не нужны. Иногда удаётся встретиться с ней, если мы ухитримся преодолеть себя, попав в неправдоподобные обстоятельства. Но это и будет означать, что любовь пришла ещё до всяких слов – как это описывают лучшие из прежних вымыслов.

11.

Страх за жизнь короля, преданность ему и желание избавить от неминуемой гибели – были только частью переживаний, которые в этот момент испытывал юный рыцарь Гавейн. Уродство разряженной старухи, предназначенной ему в жёны как условие спасения, было отталкивающим. Но ему показалось, что он успел разглядеть в её нахальном и вызывающем взоре тень страха и невыносимой муки. Глаза эти заставляли

его сомневаться в том, что унизительным условием исчерпываются обстоятельства их роковой встречи со сверхъестественно могучим противником. Гавейн доверился своим неясным предчувствиям, твёрдо отклонил возражения короля Артура и дал уродине своё рыцарское слово.

Тогда старуха сообщила им, что следует ответить злобному духу на вопрос о том, чем женщина дорожит больше всего. Ответ этот в свою очередь озадачил обоих мужчин, но оказался достаточным, чтобы избавить короля от смерти. Что женщина больше всего стремится не к богатству, положению, роскоши, поклонению, развлечениям и праздности, а к независимости и свободе, оставалось неразъяснённым, однако и в таком смутном виде ответ застрял в памяти, поскольку произвёл столь же непонятное, но решающее воздействие на опасного злодея. Опасность исчезла.

Как во сне прошёл Гавейн сквозь кипящие недоумением и сочувствием дворцовые церемонии, соблюдая почтительность к своей чудовищной избраннице и подавляя ужас от испытаний, которые ему ещё предстояли. Со стоической готовностью откликнулся он и на требование о поцелуе, когда они остались наедине, но в последний момент был остановлен ладонью, которая легла ему на грудь. Опустив глаза, он увидел вдруг, что это не сморщенная коричневая лапа старой карги, а нежной белизны девичья кисть с едва заметными голубыми жилками и маленьким серебряным перстнем на тонком безымянном пальце...

- Ах, Гавейн... Это мгновение я хотела бы длить... бесконечно... хотя и в страшном сне... тебе не приснится, как мне тяжело... – бормотал задыхающийся, всё ещё хриплый старушечий голос.

Ошеломлённый, он наблюдал за невероятным превращением, которое совершалось у него на глазах. Рождение прелестной девы сопровождалось её видимым страданием.

- Конечно, вы не принимаете в расчёт... что все эти злобные манипуляции с нами... не проходят безболезненно, - продолжал голос, становившийся всё более мелодичным. – Вас занимают... одни только плоды – красота или уродство. А между тем... мне всё ещё восемнадцать лет... и вот уже во второй раз приходится проходить через эту пытку. Как будто... недостаточно было просто заставить меня жить мерзким страшилищем.

- Могу ли я тебе помочь? – спрашивал он, не в силах скрыть переполнявшую его радость.

- Ты помогаешь больше, чем я могла надеяться.

- За что? Чем ты провинилась, чтобы заслужить такую кару?

- А откуда, по-твоему, мне известен верный ответ? Заплатив за него своей молодостью, я окончательно убедилась в его силе... Ну вот и всё. Кажется, теперь ты можешь увидеть, наконец, кого взял себе в жёны.

- Слава Создателю, твои мучения кончились!

- Надеюсь, что и твои. Но осталось ещё одно испытание. Этот злобный дух упрям и настойчив. Тебе придётся выбрать, в какое время ты предпочтёшь видеть меня самой собой – ночью или днём. Другую половину мне придётся проводить в прежнем отвратном облике.

- Но это значит, что тебе вновь и вновь предстоит боль этих превращений.

- Об этом не печалься. Это я в силах вынести. Подумай, что будет легче для тебя – терпеть дневной позор или ночную любовь старухи.

- Мне страшно подумать и о том, и о другом. Но ещё страшнее вообразить, как переживёшь это ты. Может быть, ты лучше знаешь, что доставит тебе меньше страданий.

Я думаю, решение должно принадлежать тебе, и я готов ему следовать.

- О Боже! Вот и конец. Нам нечего больше ждать – я свободна. С этим ничего не сможет сделать и сам Враг человечества. Какое счастье, что ты распознал, в чём суть ответа, который я назвала твоему правителю. Ты и даёшь мне то, чего женщина хочет больше всего. Не тревожься более, теперь я навсегда остаюсь самой собой.

- Право решать? Так мало?

- Не мало. Вам слышится в этом только своеволие. Но не ради самой свободы мы к ней стремимся. Природой мы обречены продолжать жизнь, но в самой жизни нет её высшего смысла и основания. Требуя от нас воспроизведения рода, вы не приближаетесь к этому смыслу, вынуждая тем самым отказываться от него и нас. С этим мы никогда не сможем примириться.

- Это был тяжёлый день, дорогая моя леди Рагнелл. Надеюсь, вы сможете наконец отдохнуть.

- Милый Гавейн, разве это всё, чего ты хочешь? Или по-прежнему готов назвать меня своей супругой?

* * *

Порадоваться счастливо сложившимся обстоятельствам, однако, не удастся. Вопреки нашим ожиданиям, у этой истории нет благополучного конца. Они прожили вместе всего семь лет. А затем леди Рагнелл без каких-либо видимых причин оставила Гавейна и углубилась в лес, где потерялись все следы её мучительной и счастливой судьбы. Все – кроме рождённого ею в глуши сына. Позднее он прославился громким именем Парсифаля, но, судя по дошедшим до нас сведениям, ни нежность и терпение матери, ни великая тайна Лилит души его не коснулись...

12.

- У меня по-прежнему нет ясного представления о том, сколько нас здесь собралось за чтением – или сочинением – этого повествования. Но вот уже пятеро, не считая нашего молодого гостя, принимают участие в беседе. Назову вас условно Незнакомкой, Музыкантом, Психологом, Философом и Скептиком...

- Незнакомка – звучит почтительно и романтично. Но вам не понравится то, что я скажу. С другой стороны, вы мужественно себя побичевали, распалились, и, по крайней мере, сумеете выслушать меня до конца. Только не ждите ещё одной проповеди Лилит. Смотрите на меня как на частное лицо, на одну из вас. Я всё ждала, когда же вы снимете торжественные одеяния светлых пророчеств и хоровой скорби по уходящим временам. Юноша, сам того, может быть, не желая, тычет вас носом в то, что продолжается за хрустальными стенами вашей возвышенной беседы и внушает ужас, а вы посылаете его в филармонические концерты. Услышьте наконец, что нет никакого многообещающего молчания. Звук выключен. С чего вы взяли, что начинается новый сюжет? Только потому, что уловили истощение прежнего? Ну он и будет истощаться ещё три тысячи лет. Или вы нашли нового Авраама?

- Пожалуй, одному Аврааму будет теперь не справиться. Но не угодно ли вам продолжать?

- Да, угодно. Вы рождаетесь со стремлением внести свою долю в

усовершенствование мира и с бурной энергией молодости приступаете к осуществлению такого желания. Поражения вас не смущают – силы ваши так велики, что побуждают предпринимать всё новые и новые попытки. Вас огорчают неудачи, но вы не ведёте им счёт. А они тем временем накапливаются, пока не заставят обратить на себя внимание одной лишь общей тяжестью своей. И утратив большую часть молодой энергии – просто в соответствии с возрастом и слабеющими физическими силами – вы вдруг обнаруживаете, что за все эти долгие, исполненные трудов годы мир не подвинулся ни на йоту. Он таков же, каким казался в начале пути, и вроде бы по-прежнему нуждается в усовершенствовании. Только теперь к нему прибавился пустырь с останками ваших поражений. Но мир этот ещё как-то сам по себе ворочается и бестрепетно вытесняет поколение за поколением, требуя от них перед уходом прибрать за собой, вынести вон свои благие намерения и надежды, видимо, бесполезные для следующего обитателя. Когда-нибудь, в результате этого непрерывного обращения, очищенное в очередной раз пространство останется пустым и, пользуясь метафорой одного поэта, уподобится дому, «...в который зеркало внесли, но жить не стали».

- Предмет этого разговора никуда не денется, даже если будет единственным, что отразится в зеркале. Если только кто-то продолжит его вести. Но серьёзность ваших прогнозов мы можем легко проверить прямо сейчас. Ничто не мешает нам закрыть книгу и остановиться на полуслове. Хотите заглянуть в этот пустой дом?

- А-а... Вон что. Всё-таки надеетесь на высокоразвитые умы, на светочей человечества, вдохновителей прогресса. Где вы их увидели? Или надо подождать?

- А вдруг вы – как раз из таких людей?

- Боже упаси. Боюсь, что даже вы к ним не принадлежите, при всём моём уважении к вашим знаниям, опыту и намерениям. Я – всего лишь запойный читатель. Как тут пропустить книжку с эпиграфом из «Стабат Матер»!

- Зря вы отказались от моих сверстников. Хоть кому-то из них стоило бы всё это услышать.

- Мы, Бог даст, доведём повествование до конца, и я надеюсь, вам будет что предложить своим друзьям, не спугнув их прямым участием в этом труде.

- Я-то как раз считал, что им в самый раз потрудиться. Раз уж придётся жить в вашем новом Мировом Сюжете.

13.

Пошёл третий месяц, и поток больных только увеличивается.

Кто-то попросил встречи с ним. Оказалось, что это муж той женщины, которую они не сумели недавно вывести из клинической смерти. Пол постарался устроить так, чтобы тот быстро прошёл анализ и получил результат. Пока он свободен от вируса, и вот они сидят вдвоём, оба в масках, на скамейке в полном зелени дворе клиники.

Пол готовился к тому, что он будет спрашивать о подробностях, о том, что они делали, чтобы её спасти. Или о том, как получить её тело из холодильного фургона, которые сейчас используют в качестве морга, так как больничный переполнен. Но он без всяких предисловий, не глядя на собеседника, спрашивает о другом.

- Что вы обо всём этом думаете?

- Думаю, что мы попали в беду.

- Знаете, как из неё выбираться?

- Нет, не знаю. Как видите, у нас не очень получается. А почему вы решили

спросить именно меня?

- Вы – один из тех, кто последним видел её живой.

- Это не совсем так. Она была уже без сознания.

- Я не это имею в виду. Вы стояли рядом, когда она умерла. Значит, должны знать больше, чем я. Кого мне спрашивать?

Может быть, он прав. Но это знание Пол не может ему передать, как и тот не может наделить его своим знанием потери.

На вид ему лет сорок. Трудно определить, чем он занимается. И спрашивать не хочется. Наверно, остались дети... Если ему повезёт, предстоит прожить ещё столько же. Он стойко держится, но по-прежнему прячет глаза. Полу кажется, он знает почему. Он и сам не так уж стремится в них заглянуть. А надо бы...

Они молчат некоторое время, и Полу приходят на ум все уже упомянутые варианты молчания.

- Вы ведь не думаете, что я затаил что-то против вас?

- Надеюсь, что нет. Это было бы лишним – у меня хватает зла против себя самого.

- Как будто оказался в незнакомом мире, знаете?

- Знаю. У меня их уже три. Один человек считает, что так начинается новый Мировой Сюжет, если вообще понятно, что это такое.

- Чего ж не понять... Для меня он начался. Ничего привлекательного. А что за человек?

- Я, по правде говоря, не знаю, стоит ли вам сейчас в это влезать. Там никаких утешений нет и полно всякой путаницы. Может быть, через некоторое время...

- Время ни при чём. Это хуже всего. Надо как-то жить.

Кажется, это не простой случай житейского расставания. Вряд ли такова его цель, но в придачу к собственной неуверенности он взваливает на врача тяжкий груз их несчастной судьбы. Остаётся надеяться, что ему это помогает.

- Посидите здесь, я вам кое-то принесу.

Пол делает копию книжки – или того, что выглядит, как книжка – и впервые соображает, что мог бы заглянуть в её конец. Прежде это почему-то это не приходило ему в голову. Да и сейчас такая мысль отталкивает. Он даже прикидывает, как бы уберечься от того, чтобы случайно не открыть последние страницы.

Тщательно почистив носитель и упаковав его в стерильный пакет, он вновь выходит во двор.

- Вот здесь об этом человеке. Я готов встретиться с вами ещё раз, если захотите.

- Спасибо, вряд ли. Не думаю, что в ближайшее время буду подходящей персоной для компании. То, на что я надеялся, вы для меня сделали. Мне нужно было на вас посмотреть. Так что ещё раз – спасибо.

- Не помню, чтобы вы хоть раз посмотрели.

- Не беспокойтесь.

- Я, к сожалению, бессилен в чём-либо вам помочь с моргом.

- И не надо. Это всё равно. Как получится... Ну, держитесь. Удачи вам.

- Вам тоже... Терпения.

Они вновь не пожимают рук – люди успели отвыкнуть от некоторых естественных проявлений дружелюбия.

* * *

Не пришлось бы ему расплачиваться за свою подлость. Не разобравшись в собственных ощущениях по поводу эксперимента, в который втянулся, ради простого любопытства он рискует спокойствием этого достойного человека. Ему не терпится проверить, не заявит ли тот о себе в качестве нового читателя. А что это может прояснить? Что в самом деле действует какая-то фантасмагория?

Чем она, в конце концов, так уж знаменательна? Ну познакомили его с двумя-тремя занятными идейками. Там впереди ещё страниц двести, значит, будет ещё десяток новых персонажей и столько же идеек. Наверно, и из него ещё что-нибудь вытянут. Но кому нужен бесконечный обмен мнениями? Ему, по крайней мере, это интеллектуальное обогащение начинает приедаться.

Правда, интересно посмотреть, как себя поведёт его крёстный, попав в ловушку. Впрочем, кажется, не все в неё попадают, и вполне вероятно, что Пол о нём больше не услышит.

Он привередничает, конечно. Не факт, что он действительно предпочёл бы сейчас этим страницам без привычных примет повествования, где никто никуда не перемещается, обстановка отсутствует, а действующие лица почти условны, обыкновенное чтиво: впечатляющие описания природы, прогулки пешком или на колёсах, приёмы гостей, волнующие встречи и расставания и всевозможные подробности борьбы за обретение желаемого... Странно, что и остальные читатели обходятся без всего этого. Ему-то хватает нескольких метров коридора и встреч с кончиной тех, кто за несколько часов до этого бродил и разговаривал посреди божественной природы. Может, когда-нибудь он ещё захочет насладиться богатыми описаниями, а ещё лучше сам прокатится – в Европу, например. Пока его ежедневные впечатления побивают все возможные красоты. Он даже постыдился бы сейчас изменить этому опыту с какой-нибудь художественной красавицей.

Ну, уйдёт он оттуда, а они продолжат свои беседы и будут, пожалуй, его вспоминать. Пожалеют ещё, что вот, мол, такой умный парень, а остался теперь без замечательных новых откровений. И прервалась, быть может, важная нить нового мирового сюжета...

Маразм. Не сходит ли он с ума?

Не может он присутствовать в книге, которую читает. Нет никакого такого места, где она могла бы сама себя писать, а у него – времени диктовать ей свои реплики. Всё это какие-то спазмы воображения, изуродованного усталостью и стрессом. Скорее всего, это даже и не компьютерный жучок, а ловко сочинённая фабула, рассчитанная на случайные совпадения. Он просто попался на приманку, и пора покинуть этот оскорбительный проект.

Если не учитывать возможность, что он своей рукой приводит в книгу нового собеседника. А если тот придёт?

Безумная мысль. Ребячество какое-то. Хотя именно о чём-то в этом роде и идёт речь в повествовании – о новом сюжете, который сам себя рассказывает. И кое-что тут всё же становится предметом повышенного интереса.

14.

- Я вновь обращаюсь к вам, сударыня. Вы утверждаете, что гении, властители душ, косвенные благодетели человечества выпали из поля зрения. Возможно даже, что их становится меньше. Это ещё не повод сомневаться в их влиянии. Общество без них вянет,

но принцип возвратного угасания в этом случае неприложим. Источник живородящих идей не зависит от сочувствия общества и им не определяется. А пока человечество способно себя воспроизводить, появление таких людей неизбежно. Но сейчас дело даже не в них. Одному человеку, наверно, уже и не по силам заложить основы Третьего Мирового Сюжета. Может быть, это сделает целый отдельный народ...

- С Лилит во главе...

- ...или какая-то вновь возникшая общность. А возможно, это будет эффект новой технологии, сотрудничество естественного и искусственного разума. В это я, правда, не очень верю – как, собственно, и в искусственный разум. Либо это будет просто совсем другой человек, отличающийся от предыдущего вида.

- Я, пожалуй, смогу вам немного подсказать. Вы сочли меня философом, но на самом деле я всего лишь биолог. А у нас существует модель так называемой «внезапной эволюции», утверждающая, что сама жизнь, а впоследствии человеческое сознание возникли внезапно, скачкообразно. Но тут предполагается существование идеальной сущности или высшего разума и его этических требований. Не все готовы эту идею принять. Хотя явно есть нечто, до сих пор успешно противостоящее энтропии. И, кажется, всё меньше сомнений остаётся, что именно подобное требование лежало в основе Творения. Почему бы таким образом не возникнуть и новому виду?

- Это-то ещё зачем? Я не знаком с вашими условиями и не знаю, следует ли мне себя назвать.

- Давайте я за вас поручусь. Кажется, я единственный, кого тут знают по имени, так что у меня есть кое-какие преимущества. Мы ведь с вами уже встречались однажды, правда, не при самых благоприятных обстоятельствах. Или я ошибся?

- Ошиблись, вероятно. Я не знаю, о какой встрече вы говорите.

- Тогда прошу прощения.

- Не за что. Вся эта преобразованная человеческая природа – совершенно лишняя гипотеза. Это, в общем-то, унизительно по отношению к человеческой природе. Мы принимаем за прогресс проявление отдельных её сторон, а она очень многообразна. Сжигание еретиков на кострах ничуть не примитивнее современного массового уничтожения, проводимого представителями будто бы изменившейся человеческой природы. А гражданскому сознанию древних греков и римлян мог бы позавидовать житель любого современного, якобы прогрессивного демократического государства. Человек образумился, осудил инквизицию и отказался от неё, но это вовсе не значит, что он усовершенствовал свою природу – всего лишь разочаровался в одном из её свойств, а через некоторое время может к нему вернуться. И демократические достижения Просветителей вовсе не говорят о какой-то новой, улучшенной природе, потому что эти свойства она уже проявила полтора тысячелетия назад.

Мне кажется пустым разговор о фантастическом новом человеке, готовом возникнуть скачкообразно. Его природа уже невероятно богата. Может быть, стоило бы ещё говорить об очищении её – не столько о пресловутых «уроках истории», сколько об отборе, о навыке удерживать лучшие из человеческих намерений. Связывать новый мировой сюжет с эволюционным скачком – значит смириться с ожиданием. Человеку вроде бы есть что делать.

* * *

А хотелось бы, чтобы это был всё-таки он, недавний посетитель больницы. Глупостью было предложить ему открыться. Это он, Пол, имел неосторожность засветиться там, на воле, и его тут же разоблачили. Но он-то, конечно, узнал врача. Теперь их объединил бы общий секрет, и это напоминало бы настоящую интригу. Разве не стоит данному сюжету рассказывать себя ещё и таким образом?

* * *

- Есть среди нас партнёр, который настаивает на том, что звук выключен и лучших своих намерений нам уже не собрать.

- Я имею в виду не отбор полезных качеств, а смену перспективы. Может быть, это как раз и есть способ включить звук. Нас ведь на самом деле природа человека давно не интересует. Этот вопрос решён и закрыт самым удобным образом. Победило общее убеждение, что все мы от рождения увечны, естественным образом расположены к злу. Если мы не ведём себя каждый день, как свиньи, не нападаем на соседей, не обманываем их, не крадём и не убиваем – это результат наших благородных и непрерывных стараний, за которые мы достойны всяческого уважения. Притом предполагается, что творить зло легко. Раз к этому склоняет нас сама природа, оно не требует никаких дополнительных усилий. А вот удержаться от свинства, уж не говоря о том, чтобы сделать доброе дело – это может отнять у нас последние жизненные ресурсы.

Но всё наоборот! И надо бы понять, когда и почему мы вдруг встали на голову, что и зачем нас в этом неудобном положении удерживает.

Недавние выводы археологов подтверждают, что врождённая порочность человека – вещь несуществующая. А склонность его к злодейству – это довольно позднее и насильственно внедрённое приобретение. Мы не были такими при рождении. Первые следы массовой враждебности, жестокости и какого-то подобия войн появляются всего десять тысячелетий назад. Родился же человек предрасположенным к доверию, сотрудничеству и взаимопомощи. Это и есть его истинная природа.

Конечно, он способен совершать мерзости – это одно из плачевных свойств его самостоятельности. А когда человек при этом одарён богатым воображением и литературным талантом, как Гоббс или Маккиавелли, он готов ещё и выстроить увлекательную теорию врождённого зла. Но ни изначальной, ни главной эта способность никогда не была. Надо думать, не является такой и сейчас, потому что самоё природу, конечно же, изменить невозможно. И есть тому полно доказательств в самой современности. Посмотрите, как ведёт себя обычный человек в критических обстоятельствах войны или природного бедствия. Как смехотворно провалилась доктрина полного морального одичания при массовых бомбёжках мирного населения, которую пробовал использовать Гитлер в Англии, а затем, вопреки уже очевидному опыту – Черчилль в Германии. На дверях лондонского паба с разбитыми после налёта витринами владелец повесил дощечку: «Открыто – более чем всегда». Во время опустошительных ураганов, пожаров и наводнений люди заботятся друг о друге, всячески избегая разбоя и грабежа и опровергая поспешные сообщения жадной до сенсаций прессы и истерическую реакцию властей.

Творить зло легко? Обратитесь к исследованиям военных специалистов, и они удивят вас, рассказав, что даже во время боя, весь смысл которого сводится к убийству, стреляют в сторону противника только четверть солдат, и только два процента

сознательно целятся во врага. Кто же они, эта главная боевая сила, герои, решающие исход сражения? Психопаты, у которых и до призыва в армию были серьезные проблемы с психикой.

А вот вам другой, пожалуй, самый яркий пример двух противоположных перспектив: вся история развития военной технологии – это процесс удаления от линии врага. От дубинок и ножей, к луку и стрелам, мушкетам, гранатам, артиллерии и авиации. В позднее время – к изощрённым методам создания дистанции психологической, особой обработке сознания, формированию презрения к врагу, его обесчеловечивание, или притупление мозга химическими препаратами, алкоголем, амфетаминами – как в Вермахте во время Французской кампании.

Все привыкли рассматривать этот «прогресс» только в одной перспективе – в параметрах самих военных действий, как всё более эффективные средства истребления противника. Как же ещё на него смотреть? А вот так – как на постоянное преодоление главной проблемы войны, глубокого отвращения человека к жестокости и насилию.

Сколько трудов! Удалить, убрать с глаз, притупить мозг, обработать сознание – и получить в ответ посттравматический синдром и самоубийства – но только не задумываться, почему. Кому-то нужна победа, и этим всё определяется. Кому? Тем, кто никогда не участвует в боях. А те, кто по чьей-то инициативе начинает наступление, как и те, кто защищается, вынуждены преодолевать отвращение к убийству. Но и попав в эти невыносимые условия, человек опять-таки находит поддержку в своей природе, и самым сильным стимулом к продолжению бойни становится чувство братства, заботы о товарищах по несчастью. Об этом в один голос свидетельствуют солдаты всех армий. Не патриотизм, не идеология и даже не ненависть к агрессору помогают в самый последний момент – в тихую минуту они смеются над такой глупостью.

Самые свежие примеры связаны с террористами. Мы с лёгкостью судим об их извращённой природе, особой жестокости. Она имеет место, но не у рядовых исполнителей. Это опять вопрос дистанции. Никто ещё не поговорил по душам со взрывниками-самоубийцами. А я бы не удивился, услышав, что кроме райских обещаний, ими движет ещё и возможность избавиться от непосредственного зрелища своего кровавого злодейства и от последующих воспоминаний о нём. Есть и истинные изуверы, но их немного, как и других уродов – метких стрелков и социопатов-главнокомандующих.

И ещё одно красноречивое извращение – зло не находит естественного места в природе человека. Для проникновения ему необходимо придать видимость добра. И если по каким-то причинам приходится выбирать путь зла, мы вынуждены прятаться за ложью, дающей этому пути видимость добродетели. Перед кем, собственно, мы оправдываемся и стараемся хорошо выглядеть? Да перед самими собой. То есть, нам с самого начала – от природы – ясно, какое отвращение вызовет этот порок у любого встречного. Это до такой степени само собой разумеется, что остаётся только удивляться, откуда взялось это повальное увлечение её, природы, злонамеренностью.

Но я хочу вернуться к смене перспективы.

Наверно, мы облегчим себе задачу, разгадав, кому и во имя чего удалось превратить людей, изначально предрасположенных к доверию, сотрудничеству и взаимопомощи, в повсеместных носителей так называемого Первородного греха. Можно было бы, между прочим, и у Церкви спросить: зачем великий дар свободы воли, всего лишь чреватый злоупотреблениями, был признан врождённым пороком – основным, неустранимым и преобладающим? Но в любом случае остаётся возможность отказаться от

этого вымышленного взгляда и опереться на инстинктивные предпочтения. А если представить себе, от скольких несчастий нам удалось бы при этом уберечься и насколько мы облегчим и обогатим своё будущее существование, выбор кажется очевидным. Другое дело, что такой выбор противоречит усвоенному опыту текущего Мирового Сюжета и в его пределах, вероятно, неосуществим. Как к нему подступиться – не знаю, а без него ничего нового не начнётся. Но эволюционные скачки тут ни при чём.

- А что всё-таки стряслось десять тысяч лет назад, когда всё это началось?

- Первые поселения. Собственность, власть... Цивилизация, одним словом.

- Но нельзя же считать цивилизацию ошибкой. Значит, в какой-то мере всё это было неизбежным?

- Цивилизация предоставила человеку много возможностей. В том числе – творить зло. В самом открытии нет ещё ничего плохого. Вопрос всегда в том, что человек делает со своими открытиями. Каждая ступень цивилизации несет с собой механизмы искушения, способные извратить его природные склонности. Короче всего это выразил Лукиан: «...умеет, подобно жене египтянина Фоона, много составить полезных лекарств, но также и ядов...». Самым простым символом этого процесса как раз и является Древо Познания. Но человек волен оставаться внимательным и не допускать искажений. Иначе он обречён краснеть.

- Раз уж вы окрестили меня психологом, не стану пока оспаривать это лестное определение и в этом же русле предложу следующее. Быстро распространяющиеся удобства – вот, пожалуй, самая полезная и в то же время наиболее угрожающая особенность цивилизации. Они создают впечатление общего благополучия в мире и ослабляют необходимую осторожность. Ваша идея изначально доброй природы человека завораживает. У меня возник такой, например, вариант зарождения вражды.

Искушения силой не случилось. Не было причин использовать её для личной выгоды. Она рассматривалась как ещё одно приобретение, которым следует делиться с теми, кому меньше повезло. Может быть, дело в случайном неравновесии возвратного добра? Во временном отсутствии благодарности, порождающем обесценивание и истощение щедрости.

Щедрость и сотрудничество – не абстрактные вечные ценности. Это вторичные, производные формы. Чувство братства, природного единства предшествует любым проявлениям взаимообмена. Я оказываю тебе услугу и не считаю тебя своим должником. Но если вдруг по невнимательности ты пропустил такую же возможность в отношении меня, а потом это повторилось, рано или поздно я начну такое несоответствие замечать. С повторяющегося неравномерного обмена начинается недоверие, способное породить сомнение даже в инстинктивном чувстве братства. Должно быть, это переживание сопровождается печалью, потому что тебя лишают не столько вещей или услуг, сколько глубоко удовлетворяющего, особо ценного чувства единства и равновесия. Вещь же неожиданно приобретает несвойственное ей ранее качество фетиша, символа устойчивости. Обнаруживается и виновник такой утраты, а стало быть, и неприязнь к нему. Но как только эти чувства зародились и находят себе подтверждение в опыте других, они могут начать быстро распространяться, приобретать собственную жизнь,и всё труднее становится недоверие погасить. Для этого пришлось бы начать сначала, вернуться к чистому братству. Человек как бы открывает существование в мире независимой разрушительной силы и её проводников, не успевая сообразить, что она – продукт его собственных действий.

Искусственным, рукотворным способом восстановить равновесие становится насильственное утверждение своих прав и владений, пока всего лишь отказ от бескорыстия. За ним неизменно следует накопление, и это открывает путь к власти. Так создаётся новая форма отношений. Теперь власть, начавшая приносить видимые преимущества, вынуждена сама заботиться о сохранении своих прав. И то, что было некогда случайным отклонением, признаётся единственной существующей данностью – врождённым и преобладающим свойством человеческой природы. Источник такой трансформации – простая неблагодарность может быть результатом отнюдь не врождённого эгоизма, а всего лишь небрежности, недостаточного осознания важности, структурной гармонии взаимоотношений. Но такова сила этих невещественных душевных движений, что самая малая ошибка может определить развитие цивилизации. Лучше бы нам не отвлекаться друг от друга...

* * *

Как охотно вступают люди в собеседование! – думает Пол, - Как будто нет у них в жизни возможности делиться своими размышлениями и они спешат воспользоваться этими распахнувшимися наконец воротами. Неизвестно даже, что важнее – сам процесс избавления от накопившихся чувств или терпеливое внимание слушающих.

Сам-то он во имя чего тут околачивается?

15.

Мать, так упорно отговаривавшая его от возвращения домой, вдруг без предупреждения пришла сама. Отец привёз её на машине, в которой и остался. Угадать время было невозможно, и им пришлось ждать около часа. Они – родители будущего врача, и их не надо убеждать соблюдать карантин. Но кажется, что есть для них в этом и нечто ритуальное. Сидя в заточении, они приносят жертву, спасая сына. Привезла домашний обед в таком количестве, чтобы он смог бы поделиться с коллегами. Запах божественный, полный восторг. Пол не станет её разочаровывать – они не имеют права воспользоваться этой роскошью. Как грустно. И не потому что вынуждены лишить себя удовольствия – жестоким образом отвергаются самые естественные человеческие чувства.

Он не решается вовлекать их в свой неожиданный читательский эксперимент, не зная, чем он может для них обернуться. Пробует утешить мать, рассказывая, что появился кое-какой просвет, и им становится чуть легче, хотя неизвестно, надолго ли. Оба дружно восторгаются усилиями их губернатора, который неожиданно повёл себя как мудрый и волевой руководитель – вразрез с центральной властью, отказавшейся править страной, и независимо от некоторых других растерявшихся штатов. И недоумевают, что всех ждёт впереди, потому что люди продолжат перемещаться, и полностью изолировать ни один штат не удастся, а стало быть, в одиночку эпидемию не остановить, даже такому способному человеку, как наш губернатор.

Родители коротают время вдвоём. Продукты им привозят. Отцов пейсмейкер передаёт врачам всё, что надо, и чувствует он себя хорошо.

Но вот и неизбежный звонок.

Пол просит её обнять отца. Объясняет, что ему нельзя надолго отлучаться и надо ещё переодеться. Уговаривает ещё потерпеть и не вылезать без надобности. Обещает скоро появиться дома...

- Шестнадцатый, ответьте пятому.
- Шестнадцатый.
- Седьмой блок. Код синий. Код синий.
Нет, не просвет. Длящиеся сумерки.

* * *

- Извиняюсь. Я тут, кажется, ни к селу, ни к городу. Честно скажу, не знаю, как до сих пор дотянул, потому что половину из всего, что вы тут говорили, не понял. Хотя вот про мартышек рассказ мне понравился. И ещё этот, про старуху. Я почему зачитался сначала? Решил, что по возрасту подойду. Ну, и что новые времена приходят – тоже мне понятно. Но в целом, видно, не дорос. А вот есть у меня тоже одна история, о чём вы, наверно, совсем не знаете. Помрачение раз со мной случилось. Может, вам пригодится. Никому раньше не говорил, боялся, засмеют, а тут вроде можно...

Я одно время у самого Полюса жил, да? То есть, там целая учёная бригада была, а я так, по мелкой технике. И у меня вышел спор с этим... как его... Ну, главный у них там, на Севере, считается...

- Óдин?

- Вы как-то странно произносите... Ну, он там один, конечно. Я же сказал – с главным, верховным. Но имя есть...

- Борей?

- Вот опять... Боря – это людское имя. Я же о духе говорю.

- Тор, наверно.

- Ну, пускай так, ладно, тыр-пыр... Я точно не припомню, потому что там сразу всё перепуталось. Но первое, что увидел – тьма. То есть, как раз не увидел ничего. Ладно, думаю, подождём, разберёмся. И вот, день, другой – и никакого просвета. Забеспокоился я. То есть, я слышал, конечно, что полярная ночь и всё такое. Но одно дело слышать, и совсем другое – позабыть, как солнышко выглядит. Потом уже полная тоска случилась, просто медведям подвывать начинаешь. Что же это? Либо в темноте спотыкаться, или задыхаешься от керосина. Пальцами пошевелишь, а есть ли они у тебя, эти пальцы, забываешь. И когда совсем одичал, чувствую, что сейчас спячу, заскулил я этому вот тыр-пыру: мол, что хочешь сделай, а посвети хоть как-нибудь. Не могу я больше этой тьмы выносить – глаза бы мои её больше не видели. И что вы думаете? Утром просыпаюсь, даже ещё одеяло с головы не стащил, а чувствую – развидняется вокруг. Такое общее облегчение. Начинаешь припоминать, где право, где лево и всё такое прочее. Зачит, день идёт, другой, и ничего не темнеет. Да и пусть её, думаю, прах побери эти вечные ночи, мало ли я их нахлебался. Месяца через два, однако, сомнения у меня начались. Как это понимать? Стало быть, какие-никакие сумерки вовсе, что ли, сгинули? Так и буду теперь очи свои лупить на окружающую среду? Она вроде как надоедать начинает, потому что ничего в ней не меняется, никакого разнообразия. Уж и с головой накроешься, чтобы передохнуть, а всё равно чувствуешь, что окружён со всех сторон светлым светом, будь он неладен. Кажется, мог бы этот командующий послать ночку-другую, чтобы дух перевести. А он и не думает, и ничего нам впереди не светит. Вот тут я и споткнулся об эту дурную мысль и понимаю, что опять с ума схожу. И спустя ещё немного – я уж и со счёта сбился – так я затосковал по темноте и покою, что снова взмолился: не стану, говорю, больше жаловаться никогда, но избавь ты меня от этого бесконечного праздника. Пусть уж я сам,

своими руками лампу запалю и тьму эту чуть от себя отодвину – сколько увижу, столько и ладно. И ведь прислушался, вражья сила – всё погасил, и опять мы в кромешном мраке. Ну и успокоился я. Правда, ненадолго. Недели не прошло, а все мои прежние переживания стали возвращаться. Да как! Вот тогда я уразумел, что не в том дело, что видеть или не видеть я хочу, а что мучает меня долгая беспросветность и так, и так. И решил я тогда поговорить с этим – Борей ты его назвал? Поговорить начистоту. Подобрался как смог, постарался нервозность свою притушить и спокойно так, уверенно ему говорю: тут, мол, что-то неправильно. Мы с тобой друг друга не понимаем.

«Чего тут понимать-то, - он мне вдруг отвечает, - Не такой уж ты хитро обожжённый горшок, чтобы я не увидел, когда тебе невтерпеж становится».

А я в ответ – «Нет, мол, в глубокий спор мне с тобой вступать нельзя. А всё же в призывах моих можно было бы и различить, где честная нужда, а где простая паника. Разве обязательно буквально выполнять каждый всхлип? Это может быть всего лишь обычная человеческая слабость. Надо бы вносить поправки».

«Насчёт поправок ты лучше на себя посмотри. Тебя чего сюда, на край света, понесло»?

«Да что тут, запретная зона, что ли? Зачем же ты такое место учредил, где по полгода ничего не меняется»?

«А вот это, - говорит, - не твоего ума дело. Тебе полно места оставлено, чтобы зрительные капризы свои тешить. Позволь и мне кое-чем распорядиться».

«Так в этом же всё дело! – я тут вспылил немного, не удержался, - Твои распоряжения нас как раз и интересуют. Учёную мысль не удержать, полярные исследования, то-сё…».

«Валяйте, - он говорит, - исследуйте. Но и с условиями считайтесь, до которых ваша неудержимая мысль ещё не добралась. И готовьтесь расплатиться. А ты ведь и про тишину ничего ещё мне не сказал, не говоря про цвет. Безмолвие тебя не беспокоит? Тут ведь листочки не шелестят, ветру не обо что посвистеть...».

И догадался я тут, что, наверно, в самом деле мы очень мало знаем. И что на месте-то нам не сидится не потому, что учёная мысль, а, по большей части, из-за вековечного своего зуда – где угодно, но покрупней кусок под себя подмять. А ещё подумал: слава богу, что этот тыр-пыр такой упрямый мужик оказался. Не хватало ещё, чтобы он каждой малой нашей прихоти уступал. Не у одного ведь меня настроение меняется от темноты к свету. Это что же за свистопляска тогда устроится? Так что правильно он сказал: капризны мы стали не по чину. И разошлись мы с ним в тот раз без обид, с уважением. Надеюсь – взаимно.

Вот не знаю, подойдёт ли вам. А что вы новый рассвет обещаете – это правильно. Давно пора.

* * *

Это из какой-то другой книжки. Не может быть, чтобы такой персонаж сюда проник. Или они действительно, кроме себя, никого кругом не видят?

* * *

- Милый человек, я надеюсь, вы с нами останетесь. Поверите или нет, но ваши полярные наблюдения просто в самый раз подоспели.

- Честно сказать – не знаю, как оно теперь пойдёт. Приболел я. Вот и к чтению пристрастился. Пробовал было расспросить у медперсонала про одного вашего читателя, но с таким именем никого не оказалось. Видно, ваш врач в другой больнице практикует. А дел у меня других больше не осталось, так что почитаю, пока смогу...

- Где ваша больница?

- Да не стоит беспокоиться. Это у вас тут, вроде, против правил, я и так уже порассказал о себе. Я в порядке, ни в чём не нуждаюсь. А книжка пока здесь, со мной, стало быть – и вы все тоже.

16.

Он не обратил бы внимания на очередную группу специалистов, появившихся в отделении – они приходят, потому что, кроме вируса, у пациентов обнаруживались другие заболевания. К персоналу они проявляли обычное профессиональное дружелюбие, но им всё и ограничивалось. Они всего лишь редкие гости. Ничего особенного не случилось и в этот раз, но Полу померещилось, что взгляд радиолога задержался на нём чуть дольше обычного. Никаких причин для этого не было. Даже пациент, о возможности продолжать облучение которого шла речь, не был его подопечным. У врача было необычное имя Адельхайт, как он предположил, немецкого происхождения. Фамилия же её была настолько непроизносимая, что обычно её упоминали по первой букве, как доктор Джи. Позднее Пол узнал, что, несмотря на свои тридцать пять лет, она была уже известным специалистом в своей области.

У них не было времени на посторонние ощущения, и он забыл бы об этом, если бы коллега не упомянул мимоходом, что доктор Джи спрашивала о его имени. Что могло заинтересовать видного радиолога в рядовом ординаторе, вынужденном в данной ситуации выполнять роль медбрата, оставалось загадкой, пока он в очередной раз не обратился к книге.

* * *

- Эй, полярник. Хотела спросить: а что, женщин там среди вас не было?

- Нет, мадам, и слава Богу. Это, знаете, дело мужское, холодное.

- Вот именно.... Мне жаль отвлекать вас друг от друга, но должна ли я понимать, что обо всём, что касается ваших дам, вы уже договорились? Или в новом мировом сюжете опять будет не до них?

- Мы, кажется, едва успели этого коснуться. Если память меня не подводит, именно вы, сударыня, от этой темы уклонились, заговорив о доме, в котором никто не станет жить.

- И вы быстро отвлеклись. Ах, эта женская вздорность и непостоянство! Что ж, вы славно потрудились и зашли так далеко, что удосужились, наконец, задать вопрос женщине. А откуда вы его задаёте? В каком мире вы ведёте все свои собеседования? Эта вселенная придумана вами, мы в её изобретении не участвовали.

- И образ её не совпадает с вашими ощущениями?

- С этого надо было начать. А не сочинять от нашего имени мифы о Лилит и леди Рагнелл.

- Образ Мироздания – с точки зрения женщины?

- Неслыханное дело, да? Могли бы поинтересоваться, почему никто из нас даже не пытался этот образ сочинить. Хотите, скажу, чего не хватает в образе Мироздания, созданном мужчинами? Его необязательности. Нет никакой идеи Творения, она не нужна. Когда научитесь просто жить, не создавая себе подпорок, а молча полагаясь на свою творящую силу, никаких вопросов у вас не останется. Может, тогда и Лилит проснётся, дремлющая в каждой Еве. А спрашивать нас незачем.

- Вы предлагаете расстаться со всеми попытками описать мир, в котором нам приходится жить?

- Описывайте ради Бога. Только не впадайте в гипноз своих описаний. Вы же способны довести себя до предчувствия мировых сюжетов... Вот вы спохватились и открыли изначально добрую природу человека. Теперь вспомните, что в женщине природа явлена гораздо сильнее, чем в мужчине. Сопоставьте своё участие в деторождении с беременностью и родами, когда вы воочию наблюдаете, как велика связь женщины с природными силами. И при этом в ней есть и все свойства человека, и она играет для вас равноценную роль «другого». Когда вы теряете самообладание и забываете о своей доброй природе, женщина продолжает оставаться самой собой – она не может об этом забыть.

- Не означает ли это, что новый сюжет призывает женщину к управлению миром?

- Зачем? Для этой мелкой работы нужны многие другие свойства и навыки, более подходящие мужскому естеству. В таком случае вы просто бежите от своих обязанностей. Вы говорили о необходимости для человека независимого и самостоятельного «другого», без которого он чувствует себя потерянным. Но в мужском мире постоянно возникает враждебное противостояние этому другому. И таинственным образом исчезает, если этим «другим» становится женщина. Вот и поразмыслите, в чём тут секрет.

- А ведь в образе мира, созданном мужчинами, присутствует и женщина в роли примиряющего, умиротворяющего начала.

- Ну, вы меня насмешили. Все и так умиротворены до смерти. Вы прислушайтесь к языку нынешних государственных деятелей. Я имею в виду не кретинов с диктаторскими замашками, а якобы разумных политиков, на которых мы возлагаем все свои надежды. «Я встревожен. Я обеспокоен». И всё ещё встревожен, обеспокоен и озабочен... Так есть основания для заботы и беспокойства, или это ложная тревога? Но я продолжаю быть встревоженным и обеспокоенным. Время идёт, и это уже обычное, естественное состояние. Как будто между разумом, который видит причины для беспокойства, и чувствами, которые должны вести к действиям, образовалась непроницаемая перегородка. Видеть зло и противодействовать ему – уже не долг, а всего лишь одна из возможностей.

Бросьте вы рассказывать, как озабочены, встревожены и обеспокоены. И как важно заставить встревожиться и обеспокоиться всех остальных, среди которых должен же найтись кто-то, кто возьмёт на себя труд повернуть ход событий. Они ничем от вас не отличаются. Вы и есть этот «кто-то», и если вы не способны заставить себя разгневаться – таковы и все остальные. Вы, в общем-то, терпеливо дожидаетесь какой-то катастрофы, чтобы она вызвала бунт, и обрекаете всех на страдания, как бы смиренно готовясь разделить их с другими. Если этому суждено случиться, оно произойдёт и без вас. И ваша поза внимательного, встревоженного наблюдателя объединит вас с самым вредным и активным отребьем, которое в данный момент, сегодня, практическими действиями своими отнимает у человечества последние средства выжить.

Гневаться – вот что вы разучились делать. Открещиваетесь от гнева, путаете его со злобой фанатизма. Гнев справедливости – с яростью нетерпимости и мракобесия. Но есть ещё протест против очевидного зла – гнев, который бывает святым. Если уж вы всё-таки надеетесь на какое-то будущее, выберите из всех праведных намерений гнев. Может, его одного хватило бы, чтобы стать вступлением к вашему новому Мировому Сюжету. Вот во имя этого, пожалуй, ещё и стоило бы поставить женщин во главе нескольких государств.

* * *

Возможно ли, что эта неистовая амазонка – доктор Джи? И что ему теперь делать, если он снова её увидит в интенсивной терапии? Притвориться, что он постороннее лицо? Но она уже спрашивала о нём...

* * *

17.

- Наваждение какое-то... Могу я вернуться на день-другой назад? Вы понимаете... Я тогда говорил о врождённом добре, но главного сказать не успел. Вот о том, что было названо выключенным звуком... Вы начали с того, что новый мировой сюжет неизбежен, и что он обещает глубокие перемены... Но ведь это вполне произвольный вывод, что если один сюжет сменился другим, то обязательно будет и третий. А что если нам предстоит неторопливо и смиренно закончить существование, восхищаясь тем лучшим, что человечество сумело создать и совершить, и осознав, что на этом его возможности исчерпаны? Почему вы посвятили первую главу великой поминальной службе? Вы стараетесь разглядеть спасительное грядущее. Но зачем? Одного того, что человечество продолжает себя воспроизводить, недостаточно для радужных надежд, а делать что-либо достойное оно быстро разучивается. И в этом нет его вины, вероятно, оно произвело всё, на что оказалось способным.

Наша проницательная госпожа-собеседница отвела угасанию этого сюжета ещё три тысячи лет. Пусть так, но ему совсем не обязательно сопровождаться экологическими катастрофами, эпидемиями и всеобщим раздором – со всем этим есть время справиться. И может быть, сделать это удастся гораздо успешнее и быстрее, если решить, что движемся мы не какому-то неведомому рассвету, который всем представляется по-разному, а в сущности, выглядит, как то, что уже есть, только лучше. Ничего принципиально нового мы выдумать, кажется, не в состоянии. При чём же здесь новый сюжет? Это и есть постепенный, общий, долгий и мирный конец. И позаботиться следует не о гипотетических будущих поколениях, а о самих себе, о тех, кого вы видите каждый день, о своих детях, внуках и правнуках – что, как выясняется, гораздо ближе и понятнее всем. Пугаться тут нечего – все доживут свою жизнь до конца. А если я убедил вас в изначально доброй природе человека, мы, подобно пассажирам Титаника или потерпевшего аварию самолёта, не станем отталкивать друг друга от выхода, чтобы успеть ухватить остатки удовольствий, но постараемся избавить ближнего от страданий и обеспечить всем спокойный и безмятежный уход.

В самом начале вы мимоходом отметили, что нам подобает окинуть прощальным взглядом память об уходящем сюжете, проводить и оплакать его. Вот это достойное дело и украсит нам остаток времён. И слёзы наши прольются от сознания былого величия и от чувства исполненного долга перед столь многими, кто этого заслужил своими мыслями,

делами и испытаниями. Пусть каждый из вас вспомнит несколько небольших, но дорогих подробностей своей жизни, которых не вернуть – и вы поймёте, о чём я говорю.

- Вы верите, что можно заставить человечество выслушать такой призыв? Он похож на признание в каком-то космическом поражении.

- Ну что ж... Да, я нахожу, что одним из достоинств и даже талантов человека может быть умение вовремя уйти. Природная жизнеспособность одерживает верх, и это не всегда удаётся. А мы принимаем биологическую тягу за обещание светлых перспектив.

- Мне кажется, вы полагаетесь на какой-то очень личный опыт.

- Разумеется. Как и вы, вероятно, лелея мысль о бесчисленных мировых сюжетах.

- Конечно, похоронный марш тоже может производить сильнейшее впечатление. Но вы берётесь за сомнительную задачу. С замечательным проникновением отзываясь о наших великих предшественниках, вы упустили одно важное свойство, присущее им всем – неудержимую потребность творить. И либо приписываете их воодушевлению недостаточную проницательность, либо пробуете сделать их своими разочарованными союзниками. Боюсь, что ни тому, ни другому вы не найдёте подтверждения.

Я не рискну толковать намерения нашего автора, решившего использовать название знаменитого средневекового песнопения и даже цитаты из него в качестве эпиграфов, но этот текст непостижимым образом притягивал внимание композиторов, и около двухсот из них создали музыкальные формы для него. Среди них такие имена, как Вивальди, Гайдн, Шуберт, Верди – всё не случайные лица в истории культуры, правда? Думаю, мы не ошибёмся, если решим, что покоя им не давала главная тема поэмы – сопереживание чувствам Богоматери, нужда испытать чужую боль.

Но для некоторых из них этот порыв совпал с тяжелейшим личным кризисом. И началось это прямо с самого стихотворца, перуджийского юриста Якопоне да Тоди. По одной версии невеста его погибла во время бракосочетания, когда в результате подземного толчка обрушились своды церкви. А по другой – уже будучи его женой, Ванна очень мучалась из-за светских излишеств супруга, и когда, по его настоянию, она наблюдала за одним из рыцарских турниров, и обрушившаяся трибуна её погребла, на теле был обнаружен пояс с шипами, которым она старалась искупить грехи мужа. Жизнь его резко изменилась и привела к новым испытаниям – вступлению во Францисканский монашеский орден, участию во внутрицерковном противостоянии, отлучению от церкви и даже пяти годам тюрьмы. В последние три года, всё ещё скорбящий из-за того, что, по его словам, «Любовь – не любима», он сочинил знаменитую поэму.

Через четыре столетия Джованни Перголези влюбился в юную неаполитанку, и она ответила ему взаимностью, но ее родители были против союза дочери с бедным музыкантом. Девушку отправили в монастырь, где вскоре она скончалась от чахотки. Его собственная болезнь вынудила его покинуть Неаполь, и до самой смерти в 26 лет он в монастыре Ордена капуцинов работал над Stabat Mater. В его келье висела картина с изображением Девы Марии. Говорят, что образ Пречистой был удивительно схож с обликом умершей возлюбленной.

Ещё через сто пятьдесят лет Антонин Дворжак сначала потерял малолетнюю дочь, вскоре скончалась и вторая дочь, а затем в результате нелепой случайности погиб сын-первенец – композитор и его супруга Анна лишились всех детей. В костёле, преклонив колени перед алтарём, осиротевший отец сотворил молитву, а затем, собрав разложенные по скамьям листы бумаги с текстами молитв, записал на них первые такты Стабат Матер.

Не забывайте, что, кроме высокого религиозного содержания, кантата повествует ещё и о простом родительском горе.

А теперь вслушайтесь внимательно в эти слова:

Sancta mater, istud agas,
crucifixi fige plagas
cordi meo valide...

«Святая матерь, сделай так, чтобы муки распятия с силой вошли в моё сердце».

Здесь нет речи о том, что отчаянию предстоит обескровить сердце или лишить его воли к жизни. Оно должно придать силы, чтобы каждый в меру своих возможностей продолжал осуществлять дарованную ему потребность творить. Так что не одна только биология поощряет нас к продолжению осмысленного существования. А когда вы решитесь послушать все эти музыкальные версии, вы обнаружите, что они безмерно далеки не только от похоронных маршей, но даже от заупокойных служб.

Как же вы исполните свой долг перед теми, кто этого заслужил, отказавшись от свойства, определявшего их жизнь? Кто-то сказал, что не только мы читаем Гомера, смотрим фрески Джотто, слушаем Моцарта, но Гомер, Джотто и Моцарт приглядываются, прислушиваются к нам и с прискорбием констатируют нашу суетность, слабость и глупость.

- Вы бы не ссорились, а? А то я тут, в медвежьем углу, совсем один останусь. Мне, может, и недолго ещё тянуть, но с вами как-то повеселее. Я ещё о детишках хотел спросить: правда или нет, что их мало стали обучать? Это ведь никуда не годится.

18.

- Ну спасибо, богоборец! От всей души желаю вам скорее поправиться. Мы и забыли об этом грандиозном достижении современности. Не хотите прислушаться к душевному призыву – не надо. Вот вам, пожалуй, самая веская причина подумать о добровольном уходе. Судя по некоторым наблюдениям, человечество ещё и глупеет.

Великое изобретение письменности, которое, кстати, и вам позволило пуститься в это рискованное предприятие, было основой настоящего рождения человеческой личности. Оно завершило устную культуру и фундаментальным образом изменило сознание, даровав человеку способность отвлечённого и логического мышления. Навык внимательного чтения, осваивания текста, особым образом формирующий мозг, не заложен в человеке от рождения. Это именно навык, приобретённая способность. И в течение многих веков человечество усиленно развивало этот навык, создав то, что мы называем современной цивилизацией, включая науку, философию и историю. Между прочим, именно появление письменности развило сознание до такого уровня, который позволил сформировать мысль о едином Творце, так что можно, если хотите, считать её исходным условием и для рождения самого Мирового Сюжета.

И что же мы делаем в последние семьдесят лет? Бурное развитие технологии, начиная с телевидения и кончая интернетом и новейшими телефонами-компьютерами, отучает людей – и прежде всего детей – читать. А разучиваясь читать и перестав обучать чтению новые поколения, мы отнимаем у мозга возможность вернуться даже на предыдущий уровень устных, дописьменных культур, потому что этот процесс необратим. Именно этому способствует всё расширяющаяся привычка пользоваться электронными средствами информации. Мозг эффективно приспосабливается к обстановке. Если его не заставляют осваивать богатые конструкции литературного произведения – самого разного

содержания – он не станет создавать новых нейронных связей и вместо этого усвоит быструю смену объектов на экране, поверхностное и рассеянное внимание. Мозг охотно разучится формировать сложные концепции, использовать воображение и ассоциации, прибегать к глубокому анализу – работать в полную силу, короче говоря. Напомню ещё раз: способность к внимательному чтению не заложена в генах и не передаётся по наследству. Какие же живородящие идеи вы рассчитываете получить от этого инвалида, уже разучившегося пересказывать и устные предания?

Жаль, что среди нас так и не появился знаток новейших электронных изобретений и наше осуждение не встретит содержательного отпора.

- Можете считать меня до некоторой степени знатоком. Я не видел причин, чтобы вступать в разговор, хотя с интересом слушаю вас с самого начала. Вы считаете возможным обойтись без информационной технологии?

- Я восхищён ею. Но при этом вижу и её двузначность – простите за каламбур. Она выглядит как одно из тех опасных достижений цивилизации, которые несут в себе одновременно и лекарство, и яд. Размах его так велик, а удобства, которые оно предоставляет, так желанны и, на первый взгляд, невинны, что и угроза может оказаться сильнее всех предыдущих успехов.

Всё это нам уже пришлось испытать. Разрушительные стороны массового производства были интуитивно уловлены старыми производителями, но быстро скрылись из виду, благодаря общественному мнению, обрадованному широким и доступным удовлетворением насущных потребностей – теперь мы безнадёжно управляемы хищной экономикой потребления. Потенциальная опасность расщепления атома тоже открылась довольно рано, но и ею пренебрегли из-за особых политических обстоятельств, поскольку появилось быстрое и радикальное решение проблемы военного противостояния – и до сих пор приходится тратить огромные средства на предотвращение ядерной войны и опасностей мирного использования этой энергии. Ваши нововведения сразу же открыли такие широкие возможности практически во всех областях жизни, что никому и в голову не приходит предполагать в них какие-то недостатки. А уже проявляются некоторые их свойства, способные насторожить, если не испугать. Готов поспорить, что вы, например, не позволяете своим детишкам бесконтрольно играть в электронные игры и пользоваться айфоном. Но при этом в изобретении новых приспособлений используете нейрофизиологические законы, способствующие привыканию к ним.

- Вы принимаете меня за кого-то другого. Я не участвую в изобретении приспособлений. Я занимаюсь теоретической разработкой информационных средств.

- Отделить одно от другого уже почти невозможно. Лео Сциллард и Нильс Бор тоже были чистыми теоретиками. А сейчас всё вообще подчинено одному рынку. Я не знаю, можно ли предотвратить развитие отрицательных сторон вашей науки – в своё время ни Бору, ни Эйнштейну это не удалось. Но если всё пойдёт так, как сейчас, какие есть основания надеяться, что мозг, приученный к неустойчивому и поверхностному вниманию и отвыкший от познавательного терпения, родит глубокую мысль? В лучшем случае мировой сюжет растворится в виртуальной реальности. Это и станет тем домом, в котором никто не живёт. Новый, воодушевлённый страданием Дворжак? Давно не слышу ни о чём таком.

- Тут что-то не так. Чего ради тогда хлопотать о здоровье больных? У них как раз появилась прекрасная возможность безболезненно уйти. И потом, вы говорите о каком-то

мирном, усовершенствованном уходе, об устранении катастроф и прочих опасностей... Как же их будет устранять ваш обессиленный мозг?

- Нет, нет, вы не услышали меня. Как раз все меры по облегчению жизни современников благотворны. Именно на них я и предлагаю сосредоточить усилия, в том числе и усилия медицины. Но не истощать последние умственные силы в надежде возродить какой-то неведомый прогресс в виде новых сюжетов.

- А ведь вам кажется, что вы возражаете нам, тогда как на самом деле расчищаете путь новому сюжету. Знаете ли вы, что именно так оно всегда и происходило? Первый Мировой Сюжет возник не по людской инициативе, а всего лишь с пробуждением сознания. Но с тех пор как за эту работу взялся сам человек, всё свелось к одному, очень узкому вопросу, на который невозможно было ответить в рамках текущего бытия. Таким вопросом однажды стала внутренняя противоречивость сонма божеств, постоянно стравливающих разные племена. Может быть, отвлечённая идея единобожия и носилась в воздухе по всему миру, но Авраама не занимала её фундаментальность, и он не собирался изменить весь мир. Он хотел обеспечить прочное будущее своему кочующему племени и нашёл способ, заключив обет с единым Создателем. А оказалось, что этот образ не только превратил племя в народ, но постепенно свёл на нет весь предыдущий Мировой Сюжет и заложил новый.

Но и далее в основе любой значительной перемены лежал тот же принцип. Лютер не ставил себе целью реформировать церковь – его возмущал всего лишь обряд индульгенций. А в этот отдельный вопрос стянулось так много анахронических мотивов Римской церкви, что результатом стало широкое движение Протестантизма и конец исключительной власти Ватикана в истолковании христианства.

И если мы вновь обратимся к совсем недавним событиям, о которых уже много раз упоминали – к последней революции в физике – она прибавит к этому принципу ещё одно важное обстоятельство. Радикальный эксперимент работает лишь на очень небольшом пространстве. Все начинается с весьма специальной, узко ограниченной проблемы, не находящей решения в традиционных рамках. А ученые, решая эту проблему, стараются не трогать прежнюю науку. Вот в чём секрет! Как раз желание изменить как можно меньше и делает очевидным, что к введению нового нас вынуждают сами явления, а не какие-то человеческие капризы, будто бы призванные обновить способ мышления. И тогда возникает наивысшая вероятность глубокого переворота.

Вы предлагаете не смущать людей мыслями о радикальном обновлении? Именно так и следует поступить. Ваш план заботы о современниках и смиренного, торжественного ухода обладает даже трогательной привлекательностью. И в то же время строго соответствует всем требованиям незримой подготовки нового сюжета. Я думаю, что человечество не останется в обиде на вас, если этот план осуществится чуть-чуть веселее, чем вы предполагаете.

- Что ж, если вас устраивает такое истолкование моих слов – Бог в помощь. Я в данный момент ощущаю себя в роли кошки. Или собаки. Поймайте взгляд зверей – собак, кошек, лошадей... Кошки смелее всех. Вы сразу увидите в этом взгляде вопрос, он обращён к вам. Звери не могут сформулировать этот вопрос, им не дано абстрактное, ассоциативное мышление, но смысл его вы ощутите сразу: «Что-то в мире не так». Им не к кому больше с этим обратиться – они знают, что миром владеете вы, и лучше бы вам напрячь свой мозг, чтобы расшифровать это звериное вопрошание, прежде чем они отвернутся. Это будет означать, что вы опоздали, всё кончено.

Вы можете вспомнить, что такой вопрос присутствовал в их взгляде всегда. Но это говорит лишь о том, что и всегда в мире что-то было не так, а все ваши попытки его усовершенствовать так и не коснулись главной причины неблагополучия. Присмотреться же к этим глазам – единственному бесхитростному и бескорыстному свидетельству истинного смысла существования - мы до сих пор не удосужились.

19.

- Быстро же вас уломали. Я было позавидовал вашей кинической храбрости. Зря вы стесняетесь. Само желание заглядывать вперёд подозрительно – откуда бы ему возникнуть? Это, видимо, что-то детское, заворожённость сказкой. Возможность своим участием как-то определять то, что ожидает впереди, касается только очень простых вещей. Вы стараетесь хорошо работать в надежде получить повышение и зарабатывать больше денег. Тогда у вас будет возможность совершить путешествие в другую страну, если вы склонны к таким путешествиям. Или вы избавитесь наконец от беспокойства, связанного с нехваткой средств на то или иное приобретение. Можно экстраполировать этот механизм на какой угодно высокий уровень, до крупных промышленников, финансистов и высших политиков. Всё это вполне осуществимо и непременно ожидает вас, если вы не совершаете каких-нибудь глупостей и не действуете против собственных интересов. И это не такое уж далёкое будущее. Таков порядок вещей в мире, за исключением случаев крайнего неблагополучия, где этот порядок нарушен. Но до какой степени эти нарушения вас беспокоят, если к вам непосредственно они не относятся?

Мысли о неблагополучии общего характера могут прийти лишь в связи с настойчиво повторяющимися мелкими неприятностями и внезапно открывшимся представлением о плачевном положении других людей. Но для этого нужно обладать особым складом ума, прежде всего способным задаться вопросом: «А как вообще всё устроено?». Отсюда уже ведёт прямой путь к возможности существования другого устройства. И тогда может возникнуть перспектива отдалённого будущего, в котором эти разнообразные устройства только и могут осуществиться.

Не возьмусь назвать цифры, но абсолютному большинству людей такое мышление не свойственно. Неведомы мне и причины такого ограничения. По-видимому, это всё тот же порядок вещей. Но те, кто всё же наделены этой особенностью ума, встают лицом к лицу с неисчислимым множеством остальных, которые просто не могут понять, о чём идёт речь. Этому легиону, как и тысячи лет назад, совершенно всё равно, в каком мировом сюжете они участвуют. Хотя именно благодаря их ежедневным усилиям продолжается жизнь, которой тоже, в сущности, не важно, каким по счёту сюжетом вы её определите.

Да, это ничтожное меньшинство по-прежнему появляется в мире – эти мутанты, не объединённые с человечеством общими интересами, говорящие с ним на непонятном языке и вынужденные прибегать к таким хитроумным средствам, как сама себя пишущая книга. Только никто, кроме них, её не дочитает. Вы верите, что эти люди каким-то неведомым способом всё же влияют на развитие событий? Но пока вы не назовёте мне этот способ, я остаюсь в убеждении, что они – случайная ветвь эволюции, что-то вроде Аморфофаллуса, невероятно красивого растения с гигантским цветком и непереносимым запахом. Говорят, что в Индокитае клубни его используют в пищу, но, в конце концов, и умники способны иногда приносить кое-какую бытовую пользу.

- Какой-то малопривлекательный образ человечества.

- А кого нужно привлекать? И какое это имеет значение? Себе человек обычно нравится. Мы склонны обращать внимание на несчастья, люди же, в общем-то, живут счастливой жизнью. В последние сто лет условия её значительно улучшились, а ещё через сто обстригут опасные излишества, и нигде не останется ни голодных, ни нищих. И этот рай будет длиться, пока космические обстоятельства ему позволят. Вот и всё будущее – что в нём может заслуживать особо пристального любопытства? У вас же по-прежнему останется возможность гордиться между собой собственным величием, не распространяя его на всё человечество. И ещё неизвестно, не окажетесь ли вы в потустороннем блаженстве бок о бок со своими незадачливыми современниками.

- Вам, судя по всему, тоже дано это никчёмное мышление, раз вы умеете изобразить всю картину. Скучаете, должно быть, наблюдая за бестолковыми современниками?

- Ну дано. И что с того? У меня свои радости, я наслаждаюсь нашей беседой. Жалею ли я тех, у кого их быть не может? Да почему же мне их жалеть? Они счастливы по-своему, и кто возьмётся сопоставить силу наших переживаний?

- Господи, откуда этот-то индюк ещё взялся? Но я поражена. Вы почему церемонитесь с ним? Книголюб ошибся дверью и ведёт себя самонадеянно. Надо всё-таки располагать первичными знаниями, чтобы рассуждать об особенностях сознания.

- Каких же знаний мне не хватает, мадам?

- Не желаю я тратить время на ваше образование. Пойдите на какие-нибудь курсы по основам мышления.

- Резковато, конечно, но, честно говоря – справедливо. Мутанты или не мутанты, но то, «как вообще всё устроено», имеет ведь отношение и к подавляющему большинству, даже если оно об этом не помышляет. Так что вы обдумайте ещё раз свои соображения, а мы тем временем поищем для вас тот неведомый способ, которым умники всё же влияют на развитие событий.

Часть III
Уйти или остаться

«Что за странное чувство – я хочу с пути уйти,
но при этом мне хотелось бы идти и по пути...».
Брайс Вайн

20.

«Дорогой доктор.

Я нарушаю правила, но рассчитываю, что вы сумеете проявить сдержанность, которой мне не хватает, и которую вы уже успели продемонстрировать во время нашей первой встречи. Может быть, моим оправданием послужит сама форма письма, которая всё-таки ближе к чтению, чем живой разговор.

Вы единственный из всей компании продолжаете сомневаться в реальности встреч за чтением книги, стало быть, постоянно думаете об этом феномене. В моём случае дело обстоит чуть сложнее, и я решил, что, познакомившись подробнее с вашими размышлениями, я сумею разобраться в своих. Надеюсь, вы не сердитесь на меня и за ранний отказ признать вас за знакомого.

Я не склонен к мистицизму, и рассуждения о загробной жизни, бессмертии и переселении душ меня не увлекают. Но вынужден признаться, что недавнее событие явилось сильным испытанием и поколебало многие из моих представлений. Сознание до

некоторой степени потеряло устойчивость и стало хвататься за всевозможные фантастические образы, которые в обычное время вызвали бы усмешку. Однако и в таком сумеречном состоянии остаётся какая-то часть меня, не позволяющая целиком погрузиться в это заманчивое, но бесполезное странствие по запредельным мирам.

И затем я встретился с новым невероятным явлением.

Женщина, которая с некоторых пор присутствует в беседах... Как бы поаккуратнее это описать, чтобы не напугать вас? Она не только напоминает мне жену – способом выражать мысли и даже интонациями, иногда различимыми, но я всё чаще с ужасом понимаю, что это, может быть, она и есть. То есть – какое-то нестерпимо сходное с ней существо. Сначала я довольно легко преодолевал это беспокойное ощущение. Но с каждым новым эпизодом оно обрастает новыми подробностями и усиливается. Давайте сразу отбросим все увлекательные описания подобных фокусов. Хотя, как вы понимаете, это для меня не шутка.

Девочки мои слишком малы, а то я бы, пожалуй, не справился с искушением и дал им прочесть, уж они-то узнали бы свою мать...

Сами условия, при которых это видение мне предстало, до сих пор вызывают у меня – как и у вас – нелёгкие чувства. Я, как и вы, не готов безоговорочно принять путаные объяснения нашего автора, хотя наше с вами активное присутствие в беседе как будто намекает на такую возможность. Следует ли верить, что и остальные персонажи, включая эту женщину, подобны нам, а не являются хитроумной сопутствующей фантазией? При этом ни одна из героинь феерического разнообразия мировой литературы никак не могла бы вызвать у меня похожих ощущений.

Ловлю себя на праздном желании узнать, как она выглядит, и тут же понимаю, что это не имеет никакого значения, потому что, будь она даже двойником. это, скорее, испугало бы меня как проявление какой-то дьявольщины. У оборвавшейся жизни не может быть никакого продолжения, и я, как вы, быть может, догадываетесь, не нуждаюсь в новых отношениях и их не ищу. Кроме того, если, паче чаяния, она живой человек, как вы и я, это вводит в ситуацию её собственные житейские обстоятельства и окончательно утверждает меня как объект несуществующий.

Но как бы мы ни относились к чтениям, вам известно, что природа этих встреч иная, чем у встреч реальных и даже чем у простого обмена посланиями. И меня не оставляет ощущение некоторой растерянности. Как будто я могу упустить какой-то едва мелькнувший шанс узнать, какими замысловатыми путями плетутся нити взаимного существования в нашей жизни.

Право, я бы предпочёл, чтобы мы с вами оказались единственными реальными персонажами в этой эпопее.

Буду признателен за любое мнение в ответ на загадку: сам ли я запер себя в этой клетке, вы ли непреднамеренно меня в неё завели, или это всё же пустые потуги воображения, вызванные непривычным состоянием. Как бы то ни было, я благодарен вам за риск, с которым вы предоставили мне возможность во всё это погрузиться.

Не осуждайте меня за то, что взваливаю на вас такой груз. Вы, конечно, уже заметили, что эфемерность совместного чтения удивительным образом позволяет забираться много глубже наших обычных забот. А ваша готовность участвовать в нём, несмотря на изматывающее дневное бремя, прибавляет уверенности в том, что эти усилия не бесплодны.

Хотел было утаить свой адрес и предложить вам писать до востребования, но

сообразил, что вам всё равно не составит труда меня разыскать. Так что способ дальнейшей связи оставляю на ваше усмотрение.

С глубокой признательностью.

Владимир Кортни».

* * *

В последнее время Пол худо-бедно приспособился подавлять приступы паники, и вот сейчас не получалось. Можно сколько угодно перебирать варианты появления монстра, называемого книгой, и даже отказаться от него, если надоест. Но дело дошло до живого человека и его мучительной судьбы, и язык не поворачивался наспех разделаться с этим подозрительным литературным мороком и лишить его надежд. А тем временем открывалась ещё одна зона, куда он уж совершенно не намерен попадать. Вполне вероятно, что Незнакомка книги и доктор Джи – одно лицо, и он вот-вот станет своего рода посредником в их спиритических отношениях. И уже пропущен момент, когда можно было отвертеться. Не врать же, в самом деле.

Теперь придётся иметь дело с духами, в которых ни один из них не верит. Но доктора Джи Пол видел своими глазами, а Владимир Кортни вполне взрослый и вразумительно рассуждающий человек, чтобы всерьёз обращаться к другому с тем, что ему всего лишь пригрезилось. Автор, так по-свойски управляющийся со своим детищем, может, сумел бы разобраться и тут, но такой путь закрыт. И Пол не был уверен, что это имеет отношения к книге, даже если стало её побочным продуктом.

Или имеет. Если это полноправная часть сюжета – такая же наполовину реальная, в остальном же непроницаемая, как само чтение. Но что в этих условиях значит – действовать? Дать несчастному понять, что знаком с героиней его больных фантазий? Показать ей письмо? Немыслимо ни то, ни другое... Он не знал. Не знает, как быть. Надо же что-то отвечать господину Кортни...

21.

- Иногда я ловлю себя на желании встретиться с вами за едой и напитками, чтобы, увидеть лица, ощутить зримое присутствие родственных душ. Хотя это, вероятно, положило бы предел нашим встречам здесь. Но у каждого из вас есть своя жизнь, а в беседе это отражается лишь в самых общих чертах. Единственный, о ком мы знаем наверняка – это наш уважаемый лекарь. Может быть, пора хотя бы встать с ним на равную ногу?

- Вы хотите, чтобы я рассказала, чем занимаюсь в жизни? По-вашему это оживит обстановку, прибавит вашему опусу правдоподобия? Секретов у меня нет, но я, например, предпочла бы до поры до времени ничего такого не знать. Возникла какая-то степень взаимной расположенности, и я подозреваю, что её не удалось бы обрести никаким иным способом.

- Мне, как и вам, сударыня, драгоценно даже такое неполное соседство, и я хотел бы его удержать, вопреки ясному представлению, что оно будет недолгим, намного короче человеческой жизни. Я всего лишь пытаюсь пойти навстречу нашему молодому другу. Ему, как я понимаю, не совсем уютно оставаться в одиночестве. Может, это как-то мешает ему окончательно убедиться в реальности наших встреч. А с другой стороны, если представить, что когда-нибудь нам всё-таки удастся встретиться в жизни, невольно

охватывает трепет – узнаем ли мы друг друга и сохраним ли прежнюю взаимную симпатию, сбитые с толку нашим обликом, может быть, не совпадающим с тем, который сложился в воображении. Вот и задумаешься, стоит ли искать встречи, чтобы получить ответ на такой опасный вопрос. Или всё же имело бы смысл рискнуть, потому что нас могут ожидать и восхитительные совпадения. Но скорее всего, вы правы: время для таких знакомств ещё не пришло.

Хорошо. Расчистим рабочий стол. Мысль о новом мировом сюжете обогатилась представлением о том, что его может и не быть. Что нам предстоит всего лишь подправить некоторые упущения, осложняющие нашу жизнь, и мирно следовать прежним путём к возможному угасанию, не ожидая от будущего никаких чудес. Правда, попутно выяснилось, что одно не исключает другого и отдельные исправления как раз и есть самый верный путь к новому сюжету.

С этим я согласиться не могу. И не потому, что мне жаль таким образом завершать разговор. Меня смущает простой выбор одной из частных проблем. Какое-то явное неблагополучие в нашей жизни – каким бы неразрешимым оно ни казалось – может и не обеспечить нужного размаха. Радикальная, всё меняющая идея должна таиться в самой проблеме.

Задача, вставшая перед Авраамом или физиками, могла казаться узкой, но она вложила в предложенные ими решения взрывную мощь. Возможно, следовало из тактических соображений умалчивать о возможных последствиях и убеждать мир – и самих себя – в том, что его равновесию ничто не угрожает, но сами-то они наверняка отдавали себе отчёт в грандиозности нового видения. Менее значительные личности просто не сумели бы родить подобных идей. И я не вижу причин, по которым тот же принцип вдруг перестал бы действовать.

А дальше – судите сами. Три темы, родившиеся в этих собеседованиях, несут с собой, на мой взгляд, отблеск такой идеи: центральное место человека, его изначально добрая природа и не реализованный гений женщины. Насколько я понимаю, их никак нельзя связать ни с одной из мучающих человечество в настоящее время проблем, и ни одна из них пока не выглядит как откровение. Но вообразите, что нам каким-то чудом удалось подойти к делу с обратной стороны, и вам, как и мне, может быть, покажется, что в своём единстве эти три мерцающие образа вместе с непереведённой пока на людской язык квантовой истиной как будто указывают, что решение где-то рядом.

И ещё одно предчувствие чисто человеческого свойства. Мы высоко оценили заслуги прошлого, но оставляем их без последствий и сводим на нет усилия своих предшественников, отказываемся от их плодов, ограничиваясь одним признанием. Живя с древними римлянами и даже наблюдая ранних христиан, я, наверно, менее ревностно смотрел бы в будущее. Но двадцать с лишним столетий цивилизации уже нельзя просто оставить позади: их вес перетягивает любые сомнения в значительности грядущего. Всё это должно окупиться – не может такой человеческий труд пропасть впустую, даже если нам пока неведомо, чем разродится эта сокровищница.

* * *

Я слушаю песни сирен, но думаю не о том, как им подпевать, а о двух присутствующих здесь душах, которые вдруг соединила тугая струна житейского несчастья. Пусть одна из них пока находится в неведении, зато мысли другой, я уверен,

так же далеки сейчас от судеб человечества, как мои, и человек нетерпеливо ждёт любого нового слова от предмета своего интереса, чтобы ещё сильнее убедиться в собственных ощущениях.

А по существу, нас – трое, разными обстоятельствами связанных в одну сюжетную линию, уже вошедшую в книгу, но никак пока не отражающуюся в ней. И теперь я теряюсь – что же важнее? Пролить чуть больше света на то, что ожидает нас всех, или тем или иным образом разрешить судьбу всего двоих?

22.

- Я, знаете ли, впервые почувствовала себя неуютно. Какое-то напряжение зависло, как будто все скрежещут мозгами, стараясь разродиться открытием. Оставьте это. Если вы правы насчёт мировых сюжетов, держитесь их главного признака. Как я понимаю, их преимущество в том, что каждый раз всё, казавшееся неосуществимым, на что люди не могли решиться, становится не только вероятным, а прямо-таки неизбежным. Новый сюжет несёт с собой позабытую свежесть перемен, заставляет глубже дышать, дальше видеть, сильнее чувствовать. Пусть всё это отдаёт легкомыслием, всё равно стоит прислушаться и вести себя подобающим образом. Во всяком случае, никто вас не торопит – ни завтра, ни послезавтра конец света не наступит, успеете ещё.

- Так-то оно так, но вместе с тем, похоже, что догадками нам и придётся ограничиться. И как бы это ни шло вразрез с моими собственными желаниями, я тоже не очень понимаю, чего нам тут ждать. Допустим, удалось выжать из самих себя два-три смутных намёка на существование какой-то великой идеи, но ясно же, что это максимум того, на что мы способны. Как объяснить наше дальнейшее присутствие здесь?

- Не обижайтесь за некоторую, может быть, ядовитость моих дамских интонаций... Но что уж так раскисать-то? Тут разве за указаниями люди собрались? Вон врач наш тоже требовал сначала каких-то инструкций, а потом как будто одумался. Вы устали? Не терпится смыться? Ну, ступайте себе. Если судить по вашим признаниям, мне показалось что вам и идти-то особенно некуда...

- Вот это правильно. Эх, мне бы помалкивать... Я, видите ли, собралась написать рецензию на эту книгу и уже поэтому должна была бы дождаться её завершения, а если это её конец, то писать особенно не о чем... Но раз вы застряли, давайте я вас чуть подтолкну.

Вы не обязаны, конечно, знать обо всём, что творится в мире, но раз вы взялись обсуждать мировые сюжеты, стоило бы, по крайней мере, заглянуть во все углы. Дело в том, что пока вы заходите с обратной стороны, некоторые пробуют взять быка за рога как полагается – спереди, а вам, судя по всему, ничего об этом неизвестно. Поскольку в связи с моей профессией вина за эту относительную близорукость лежит и на мне, кому же ещё и просвещать вас?

Многие из ваших соображений, особенно по поводу нынешнего плачевного состояния умов и намерений, основаны на представлениях, которые мы составляем себе по сведениям, поступающим от средств массовой информации. Я горжусь своим делом и коллегами, часто рискующими жизнью, чтобы открыть пороки и злоупотребления управляющих людьми систем. Презираю огульное порицание прессы. Часто она остаётся единственным средством, спасающим от социальных провалов. Но не следует забывать и об основном принципе, на котором она основана. Все её жанры – от репортажей и аналитических статей, до исторических обзоров, редакционных комментариев и

публикуемых писем читателей – объединены единым принципом сенсации. Всё, что не обладает привлекательностью конфликта, скандала, катастрофы, несчастья, военных столкновений, личных судеб знаменитостей и прочих крикливых форм житейского существования – не найдёт пути к страницам печатных изданий и эфиру телевизионных новостей. Таким образом, выводы, к которым вы приходите, могут казаться справедливыми, но в них учтена лишь часть общей картины. А в мире уже сейчас происходит много такого, что могло бы поколебать скептический взгляд на действительность. Воображая иногда, что ситуация каким-то образом изменилась и поток традиционных новостей оказался приглушённым, а на передний план вышли сообщения о некоторых событиях, например, в Латинской Америке, Исландии, Новой Зеландии, даже в городских советах Чикаго, Нью-Йорка, Севильи, Гамбурга и других европейских городов, я догадываюсь, что вы смогли бы с большим основанием обсуждать не только возможность нового Мирового Сюжета, но и его практические предвестия.

Хотя и тут потребовалась бы, пользуясь выражением одного из читателей, смена перспективы. В нашем сознании значительность ролей в развитии событий прочно связана с определённым обликом действующих лиц – их впечатляющей внешностью или ярким характером, способностью к чётким формулировкам, полемическим задором и прочими проявлениями общественного присутствия. Люди, не обладающие такими признаками, по нашему мнению, не могут предложить ничего существенного и не представляют интереса. Но те странные события, развивающиеся в местах, о которых я упомянула, инициированы и осуществляются как раз такими, невзрачными, на наш избалованный взгляд, людьми. Они могут не обладать привлекательностью телевизионной звезды, у них нет денег на отделы по связям с общественностью и рекламу – или они не склонны их таким образом тратить, они не сочиняют популярных фраз для так называемых дебатов, и их не волнуют ежедневные опросы общественного мнения. Но именно они вновь и вновь проводят социальный эксперимент, доказывая полезность своей практики, и вопрос только в том, как скоро их правота станет очевидной для всех. Во всяком случае, возможность смиренного угасания им и в голову не приходит.

Можете не верить мне на слово, но потрудитесь разыскать некоторые сведения обо всех этих местах – вдруг ваши мерцающие образы совпадут с проблемами, которые пытаются решать эти люди. А вообще – смешно... Мне вроде бы нельзя становиться объектом собственных сочинений, и я умолкаю.

- Ничего не поделаешь – вы уже здесь. Но не огорчайтесь, очевидно, мы упустили бы нечто очень важное без вашего вмешательства.

- Ладно, будем считать, что я пожертвовала своей профессиональной репутацией. В общем, воля ваша – можете, конечно, на этом остановиться и разойтись. Мне, правда, показалось, что эксперимент ваш уже вышел за рамки Мирового Сюжета и поиска подходящей идеи для него. Я-то думала, что между всеми вами образовались связи, которые сами по себе требуют развития. Не мне судить, соответствует ли ему именно эта форма вашего общения, но не забывайте, что во внешнем мире набирает силу ещё одно явление. И вам бы в самый раз ему противостоять, а не становиться активными его соучастниками. Я говорю о Великом Расслоении.

23.

Осень пришла. И вместе с ней чувство потерянности, никогда прежде не посещавшее. Обычный сезон регулярных простуд и гриппа. Ему не уделяли особого

внимания – разве что из-за ставших в последнее время привычными прививок. Нынешние волны повальной заразы, накатывающие она за другой вот уже несколько месяцев – не грипп, а тяжёлое, смертельное заболевание, и от него нет не только прививок, но и лечить его пока нечем.

Пол поневоле думал о собеседниках: никто из них не застрахован от этого вируса. Но если они кого-то вдруг недосчитаются, никто и не узнает об этом, они просто умолкнут. Была в этом какая-то тягостная печаль, потому что они и так-то были не вполне живыми. Довольно неожиданное напоминание о небытии, когда есть что-то такое, несущественное, призрачное, почти не имеющее значения, о чём и говорить-то не стоит, и потом вдруг – совсем ничего.

В хор голосов незаметно вплеталась щемящая нота. Он прислушивался к ней и думал: а почему молчит Музыкант? Или Полярник? Ждут ли они подходящего случая вступить в разговор, или их здесь больше нет? Никак не узнать. Не устраивать же перекличку. Хоть бы, по крайней мере, не прерывать беседы, но и это невозможно – каждый время от времени уходит и возвращается. Или как-то поторопить события, чтобы добраться до финала, чтобы к каждому пришло чувство завершённости, прежде чем его участие окажется прерванным посторонней безличной силой...

* * *

«Уважаемый господин Кортни!

Вынужден признать, что тоже нахожусь в глубокой растерянности. В данный момент я, пожалуй, не смогу внятно ответить вам ни на один пункт вашего письма. Не потому, что оно меня оставило равнодушным, и не потому, что мне нечего сказать. У меня есть некоторые, по правде говоря, весьма сомнительные, но всё же заслуживающие внимания сведения, которые я постараюсь в ближайшие дни прояснить. Возможно, это облегчит мне задачу так или иначе отозваться на ваши вопросы. В любом случае ваше письмо не останется без ответа, но наберитесь терпения.

Надеюсь, это не займёт слишком много времени.

А пока – до следующей встречи в компании теней.

Дружески.

Пол».

* * *

- Как же мы упустили это дикое явление текущего сюжета?! Мы, можно сказать, умиротворённые собеседованием, забыли о том, что там, где все мы проводим остальную часть жизни, воцаряется непримиримый раскол. Каждый из нас наблюдает это не только во внешней среде, но и среди близких людей, даже родственников. Вы ведь об этом говорите? Конечно, мир никогда не был единым. Но до сих пор конфликты вызывались определёнными, противоречащими друг другу идеологиями – религиозными, национальными или политическими. Сейчас создаётся впечатление, что до систем мышления никому нет дела, что предмет противостояния скрывается где-то глубоко в неосознанной сфере и не нуждается даже в разумном осмыслении. Трудно представить, что это расслоение проявилось ни с того, ни с сего, что где-то в недрах нашего общественного бытия не таилась всегда некая истина, по поводу которой человечество так

и не смогло прийти к согласию. И вот именно теперь по какой-то причине она заявила о себе столь жёстко, что, даже не умея её назвать, мы вынуждены подчиниться инстинкту и впасть в окончательно враждебные отношения. Что-то похожее проскользнуло в речах одного из наших собеседников, которого мы так безжалостно лишили слова. Боюсь, не заставила ли его обида покинуть наше собрание. Речь шла о некотором порядке вещей, разделившем человечество на два сорта людей.

- Я не обидчив. И если вас больше не беспокоит отсутствие у меня первичных знаний, мне по-прежнему интересно, как вы собираетесь мне возразить.

- Это будет не столько возражением, сколько небольшой поправкой. Согласитесь её принять, и, возможно, нам повезёт разобраться в причинах Великого Расслоения. Прежде всего, это вопрос пропорций. Мне кажется, вы приуменьшили число людей, склонных размышлять о том, как всё устроено. Их так много, что они составляют достаточную часть общества, чтобы увидеть в ней одну из противостоящих сторон. Другое упущение связано с тем, что вы назвали «порядком вещей» и что на самом деле никак не препятствует другой стороне усвоить такую же склонность к размышлениям. Мысль о том, что человек рождается всего лишь как исходный материал для становления собственно Человеком, тоже ведь не нова. Но вот этот путь превращения в Человека – это, безусловно, личное дело каждого, и все склонны подходить к нему по-своему. Некоторым свойственно им пренебрегать, хотя возможность такая открыта для всех.

- Это как будто принято называть варварством.

- Я бы не торопился смешивать эти понятия. Настоящий варвар варварства не сознаёт и в неведении своём может являть естественную жизненную силу, полезную для искушённого, утомлённого и близящегося к разложению общества. Чаще всего он со временем охотно воспринимает культуру народа, который ему удалось завоевать. Трудности возникают с чванливым варваром, который понимает, что лишён определённых качеств, но вместо того чтобы их приобрести и соединиться с остальным человечеством, настаивает на своих правах, потому что в сложившейся, несовершенной системе отношений его невежество обеспечивает ему некоторые варварские преимущества. В данном случае, как я понимаю, речь идёт о пропасти между невеждами и образованными специалистами. Она существовала всегда, а теперь вдруг возникло особое ожесточение невежд. Вот и Пол рассказывал о раздражении толпы, направленном против врачей...

- Пожалуй, мы говорим ещё об одной ловушке цивилизации. Это время принято называть Информационной революцией. И тут опять легко упустить одну особенность. Информация – это всего-навсего набор сведений. Информировать можно и о ложных знаниях, не отмечая их ложности. А с развитием сетевых средств распространение любой информации возросло в тысячи раз, но мы по привычке оцениваем всю её как нечто положительное. Кроме того, широкий доступ к ней воспринимается как доступ к знаниям, что не одно и то же. Интернет в самом деле предлагает знания всего мира. И раз они у вас всегда под рукой, вам кажется, что они стали вашими знаниями. Грань между тем, что вы знаете, и тем, что вы думаете, что знаете, стала очень размытой.

Если прибавить к этому наивное представление о демократии, в котором обладание равными правами в политической системе означает, что мнение любого человека о чём угодно равноценно мнению любого другого – вы получите широкий плацдарм для сражения. Такая заносчивость хуже, чем простое невежество.

24.

- Инволюция – вот как это называется. Я имею в виду не одну из популярных концепций, выворачивающих наизнанку идею Дарвина, но саму идею процесса, обратного эволюции, которая, может быть, не так уж неразумна.

Разница была с самого начала. Не каждый был озабочен развитием своих умственных способностей, тогда как некоторым талантам они давались сами собой. Признание такого разрыва обычно сопровождалось добродушной насмешкой, а иногда – уважением к современникам, превзошедшим нас в знаниях и мудрости. Тем временем продолжался общий рост населения, пропорция в котором всегда на стороне менее развитых. К тому же некоторые аспекты цивилизации поощряли увеличение именно пассивной, не склонной заниматься своим развитием части. Одним из таких аспектов было, например, изобретение массового производства, породившее культуру потребительства. Причём деградация в этом случае коснулась не только потребителей, но и производителей, превращавшихся из мастеров в простую рабочую силу. С некоторых пор эта категория людей обрела даже собственное, не слишком уважительное, имя «массы», соответствующее её размерам, а у философов получила оскорбительное прозвище «последнего» или «полого» человека. И хотя в целом развитие сознания продолжалось, в общую картину постепенно оказалась включённой параллельная и противоположная тенденция, которую можно считать инволюцией, поскольку «масса» быстро росла и приобретала всё более влиятельную роль.

Возможно, и последние успехи цивилизации, связанные с информационной революцией, во много раз усилили воздействие тормозящего характера как раз на развитие самосознания. И прежняя, просто малообразованная масса стала быстро пополняться представителями технократических профессий, далеко продвинувшимися в своей узкой специальности, но всё более удаляющимися от знаний об общечеловеческих представлениях и ценностях. Их особые знания подменили нужду в саморазвитии. Таким образом, даже те, кто раньше принадлежал к лагерю мыслителей и интеллектуалов, покинули его, ещё более сокращая удельный вес эволюционирующей части человечества.

Инволюция могла сравняться в своём влиянии на общество с эволюцией, и давно готовившееся Великое Расслоение вдруг стало очевидным и острым. Для пассивной массы знания из предмета зависти или насмешки превратились в объект презрения и отрицания.

Примерно в 60-х годах прошлого столетия стремительный рост населения начал замедляться. Ученые прогнозируют, что замедление продолжится и к началу следующего века прирост населения будет в десять раз меньше, чем даже в 1800 году, до начала стремительного увеличения. Что именно управляет этими процессами, мы не знаем. Возможно, биологическая природа заботится о самой себе, предотвращая перенаселение. Но так или иначе, одна из причин, порождающих инволюции, ослабевает без усилий с нашей стороны. С остальными же – если вы по-прежнему настаиваете на новом Мировом Сюжете – нам предстоит справляться самим.

- Как это возможно? Я готова согласиться с человечеством, разделённым на «первых» и «последних» людей, но как может родиться яростное сопротивление знаниям? Оно напоминает о пресловутом инстинкте самоуничтожения...

- Мы говорили о варварстве... Цивилизация всегда соседствует с варварством и пока у неё есть силы, способна обезопасить себя от внешнего вторжения. Но если она перестала за собой следить, такой защиты будет недостаточно. Даже чтобы не порезаться

острым ножом, необходим минимум сообразительности и осторожности. В гораздо большей степени эти свойства нужны, чтобы не поранить себя огнестрельным оружием. Затем может наступить момент, когда скорость развития технологии опережает приспособляемость человека к опасности, и уже не столько он управляет её развитием для своих нужд, сколько она насильно влечёт его всё дальше в дебри неведомых и непредотвратимых угроз.

Простая бытовая зависимость от достижений технологии, устройство которых превышает знание рядового обывателя, может породить чувство унижения и вызвать протест, а затем и яростный отказ от знаний как таковых. Я уже и кухонный кран не могу починить сам! Если к этому прибавить случающиеся иногда по тем или иным причинам промахи специалистов, такой бунт приобретает ещё и фактические основания. Эксперты ошибаются гораздо реже, чем невежды, но это уже не принимается во внимание, раз можно полемически использовать их ошибки как подтверждение своей правоты. И вот тут как раз вступает в игру изуродованное представление о демократии, утверждающее ложное равенство: «Моё невежество столь же достойно уважения, сколь и твои знания». Так неконтролируемая цивилизация рождает новое варварство внутри себя самой.

- Как-то трудно вообразить, что может противостоять такому ходу вещей. Может быть, это расслоение неизбежно и следует позволить ему развиться до самого конца, если не существует другого пути, чтобы невежа увидел наконец, насколько невыгодно его воинственная глупость. Довольно неожиданная панорама для нового сюжета.
Но если перестать сопротивляться расслоению и предоставить варваров самим себе, остаются ли какие-то шансы у эволюционирующей части человечества?

- Несомненно. И они достаточно велики, если она не дрогнет, не усомнится в своей правоте и поспешит прибавить соответствующее моменту представление о себе, попытавшись построить какой-нибудь Ноев ковчег.

25.

- И это вновь возвращает нас к квантовой теории. Трудно сказать, вправе ли мы брать за основу размышлений то, что произошло в физике элементарных частиц, но пока у нас нет другого близкого по значительности примера, стоит попробовать.

Физики развили свой исследовательский аппарат до такой степени, что стали вдруг наблюдать явления, которые нельзя было объяснить с помощью достигнутых знаний. До тех пор они удовлетворительно объясняли мир, и вдруг споткнулись. В результате была открыта совершенно невероятная данность – волновая функция частицы, которая проявляет себя в опытах формами, исключающими друг друга.

А с какой новой проблемой столкнулось человечество в целом?

Оно развило общественные отношения и экономику до состояния, когда результат вдруг перестал оправдывать своё назначение. Как будто всё правильно. Экономическая система создаёт материальное благополучие. Демократические принципы способны поддерживать общественное равенство. Республиканская система организации государства обеспечивает смену власти и равновесие её отдельных ветвей. А вместе с тем человек не удовлетворён, и неудовлетворённость общей картиной происходящего не поддаётся объяснению с помощью существующих знаний и приёмов.

Экономика разрушает среду и увеличивает материальное неравенство. Ни демократия, ни республика не способны справиться с коррупцией, питаемой экономикой и, в свою очередь, поддерживающей её. А тем временем развилось множество

производных пороков – упадок образования, как следствие всё той же экономики, прогрессирующая безграмотность в связи с отвычкой от чтения, расслоение общества, неконтролируемое развитие технологии, стимулирующее невежество и поощряемое опять же экономикой, ненависть к знаниям... Некоторые считают, что причина всему – нищета. Другие – привычка к потребительству. Третьи – врождённая жадность... Но все чувствуют, что ни то, ни другое, ни третье не затрагивают какого-то главного упущения или заблуждения, лежащего в основе всего этого. Чем это может быть?

Если вы потерпите ещё немного и согласитесь выслушать небольшое отступление, возможно, нам удастся ответить на этот вопрос.

Греки оставили нам загадочное понятие «тимос», у которого накопилось столько значений, что оно может показаться бесполезным. Но одно из них – по крайней мере, так, как я его понимаю – может быть, приоткрывает нужную дверь.

То, что Платон называл Тимосом и что поздние исследователи интерпретируют как неустранимую потребность человека утверждать свою значимость и достоинство, свидетельствует о том, что он вынужден постоянно преодолевать какое-то посягательство на это собственное достоинство и звание человека. Но кто же или что их оспаривает?

Платон полагал Тимос третьей сущностью души, наряду с желанием и разумом, и ассоциировал его одновременно с духом и – гневом... Может быть, тут находится и доказательство вашей правоты, мадам! Желание ставит перед человеком цель, разум помогает достичь этой цели наилучшим образом – или отвергает её как недостойную, поскольку желания часто связаны с инстинктами и не всегда благородны. Но иногда разум терпит поражение в этой борьбе с желанием, и вот тут вступает в игру духовная сила, которую философ не колеблясь назвал «гневом». Она требуется, когда человек не справляется с инстинктами и оказывается на грани потери собственного достоинства. Тимос, источником которого, в отсутствии каких-либо иных, можно считать сознание, предназначен это достоинство отстоять.

Таким образом, это оспаривание личного достоинства рождается всегда внутри, силой инстинктивных желаний и безуспешной борьбой с ними разума. А устойчивое присутствие Тимоса позволяет справиться с этим противостоянием, избавляя человека от глубокого душевного разлада. То есть, не оставляет больше сомнений в том, что он – Человек.

Но мало кто способен так ясно это увидеть, как Платон. И довольно часто этот вызов ошибочно переносится на внешние причины или других людей. То есть, если я ощущаю в себе какую-то слабость, вполне вероятно, что и другие её во мне видят. А заставить других переменить мнение о себе кажется более доступным делом. Противостояние им, иногда жестокое, связанное с соперничеством, порабощением или уничтожением, переносит работу Тимоса на других и ставит своей целью от них потребовать признания твоего достоинства или могущества, ложно принимаемого за достоинство. При этом гнев утрачивает свою светлую сторону и приобретает характер ожесточения, ярости. В случае победы удовлетворённость быстро растворяется, потому что признание, исходящее от поверженного – и, стало быть, заведомо слабого, низшего, недостойного - не обеспечивает самоуважения. А посему эта безнадёжная практика требует повторения. Чувство победителя над другими не устраняет нужду в победе над собственными инстинктами. По зрелом размышлении можно убедиться, что оно скорее усиливает и развивает эти инстинкты, потому что потворствует им, и отдаляет победу над

самим собой. Однако только такая победа способна подарить абсолютное признание положения и достоинства.

Есть и сравнительно безобидная форма представления о достоинстве – признание себя более великим, чем другие. То есть, ощущение какого-либо особого преимущества. Такое возможно, ибо люди обладают разными способностями и дарованиями и часто превосходят друг друга в разных областях. Но невозможно быть более великим всегда и во всём. Можно бывать великим время от времени. И при этом успевать восхищаться другими великими. Упрямые попытки пренебречь этой реальностью получили имя «тщеславия» – тщетной погони за славой.

Итак, когда разум, исчерпав свои возможности, оказывается не в силах справиться с инстинктом, в действие вступает сознание, которое в праведности своей способно подняться до гнева. Но где находится источник этой праведности? Не зная этого, человек не может укорениться в том, что он играет какую-то важную роль в развитии мировых событий. Он всё ещё способен осуществить те или иные начинания, но имеют ли они значение – остаётся ему неведомым.

Вот этот Тимос – загадочное третье свойство испытывать гнев в отношении своих слабостей - может быть, сообщает нам, что существует нечто подобное волновой функции человека. О ней ведь догадывались и прежде и даже старались как-то её определить. Её другое, архаическое название – «Образ и подобие Бога». Есть у неё и ещё имена: совесть, нравственный императив и так далее. Но никогда ещё у неё не было такого прочного аналога, как тот, которым снабдила нас наука.

Что же такое человек? Неожиданным способом пробовал нащупать ответ на этот вопрос Хорхе Луис Борхес. Он обратил внимание на смутное ощущение истины в том, что быть одной вещью неизбежно означает не быть всеми другими вещами. А эта истина приводит людей к мысли, что «не быть» значит больше нежели «быть чем-то», и в каком-то смысле означает «быть всем».

И вот явилась волновая функция. Пока так и не существует единого мнения насчёт того, какая интерпретация этого явления лучше всего представляет реальность. Ну, стало быть, если у нас есть возможность предложить свою, попробуем её не упустить.

Волновая функция представляется некой самостоятельной ненаблюдаемой данностью, которая стоит за ощутимыми проявлениями её либо как волны, либо как частицы. Иначе говоря, это какая-то метафизическая сущность, управляющая материей.

Но волна – воспринимаемая реальность, даже если она поступает как звук или свет. Точно так же частица – воспринимаемая реальность, даже когда она выглядит, как точечный след на фотопластинке. И «волновая функция» – неточное определение, вводящее в заблуждение. Это всё же именно особое, самостоятельное, ненаблюдаемое свойство материи, и в нем не должно присутствовать упоминание о волне – частном случае. Но тогда следовало бы – по крайней мере, для нашей цели – поискать более подходящее название. Скажем – Хозяин Возможных Состояний. Тем более что, в отличие от микромира, у нас таких состояний может быть много больше двух.

В эксперименте, где электроны пробегают от пушки сквозь экран с двумя щелями и наконец достигают мишени, на кратком пути от источника к детектору – пути, который мы не в состоянии высчитать – эта функция присутствует. То есть, если мы используем электрон или фотон, можно предполагать его состояние двойным, загадочным. В конце пути мы можем «увидеть», измерить его по следу, который он оставляет на мишени. И прежде всего это будет точечный след частицы – в буквальном смысле этого слова. В этот

момент её двойная природа исчезает, функция «умирает», остаётся лишь её единственное воплощение. При этом следы появляются в произвольных, непредсказуемых местах.

Но если продолжать посылать электроны и подождать (а эксперимент был долгим), можно в конце концов увидеть и рисунок волны, в который складываются отдельные следы частиц. То есть, их распределение, долгое время кажущееся хаотичным, оказывается подчинённым волновому принципу. И это становится подтверждением, что пока не прибыли в конечную точку, они были и волной.

Если попытаться выразить это в житейских представлениях, то есть в системе нашего чувственного восприятия окружающего мира, выходит, что мир – вещи, события, поступки, с которыми мы имеем дело – обречены на однозначность, «заморожены» и обратного пути к какому-либо иному состоянию для них уже нет. Из таких «замерших» частиц мы и строим свой «лучший из миров».

Вместе с тем, взятые в достаточном количестве и длинной перспективе, эти зафиксированные точки возвращают себе многозначное содержание Хозяина Состояний, поскольку начинает проступать и образ волны, а индивидуальное поведение каждой вещи перестаёт играть доминирующую роль.

И выходит, что эту человеческую сущность не найти, если искать её среди его проявлений, даже самых праведных и благородных. Они всего лишь застывшие лики Хозяина Состояний, «бытия всем», и именно поэтому обречены вступать в противоречие друг с другом. Человек может быть злым, добрым, жадным, глупым, любящим и самолюбивым, самоотверженным, одарённым, терпеливым, умным, работящим, заботливым, властолюбивым, равнодушным, безвольным, подчинённым инстинктам... И всё это в той или иной мере определяет, как он организует свою жизнь. Но, напоминая о Хозяине, сознание сопротивляется любым окончательным закреплениям частных проявлений. И до сих пор оно полно недовольства, поскольку отказывается принять даже наиболее совершенные из достигнутых форм общественного устройства и систем ценностей.

Хитрость в том, чтобы в критический момент, когда ты готов совершить зло, а разум требует, чтобы ты от этого отказался, услышать ещё и голос сознания, которое напоминает, что можно быть никаким – не злым и не добрым, что в твоём распоряжении не только эти две, но и множество других возможностей, например, терпение или равнодушие, сочувствие, твой особый талант...

Однако у учёных есть математический аппарат, помогающий уловить и использовать широкие возможности волновой функции наиболее полезным образом. Каков же может быть практический аппарат, позволяющий употребить в дело идею Хозяина Возможных Состояний?

Возможно, ключ здесь – в осознании жёсткости, одномерности найденных форм, тогда как в расчёт следовало бы принимать сразу несколько из них, каждый раз полагая очередной выбор временным, соответствующим непосредственным задачам – «условиям эксперимента». И без колебаний переходить к иной форме, когда прежняя перестаёт выполнять свою задачу. Может быть, стоит посмотреть на исторические перемены в организации общества не как на непрерывное развитие от неудачных ко всё более совершенным, а увидеть в них использование каждой как самой подходящей в данный момент. В конце концов, просвещённая или конституционная монархия была не такой уж безнадёжно порочной формой, равно как и ещё не испробованная меритократия.

Чего же человек всё-таки хочет? Твёрдо знать, кто он такой. Обрести уверенность в существовании собственного нематериального Хозяина Состояний, хотя бы с такой же определённостью, с какой физики утвердились в существовании волновой функции вопреки её недоступности для измерения – то есть, для чувств. Такое знание развяжет руки, освободит от идеологической приверженности к той или иной форме существования и от страха потерять равновесие при сменах форм. Устойчивость следует искать не во внешнем способе организации, а в твёрдом осознании того, что за человеком всегда стоит неизменный и всеобъемлющий Хозяин положения. Ярче и непосредственнее всего он проявляется во врождённой добродетели, которая даёт о себе знать вновь и вновь, вопреки любым противодействующим силам и влияниям, старающимся её погасить. Это и является доказательством могущества такого образа и его безусловной направленности к добру.

Если в таком ракурсе посмотреть, например, на способы организации общества, можно увидеть, что многие формы уже испробованы и доказали свою ограниченность – абсолютизм, империализм, все варианты деспотизма или централизованная экономика. Возвращаться к ним нелепо. Некоторые демонстрируют свою несостоятельность в настоящее время – либеральный капитализм и безбрежная демократия, пропустившая существование «последнего человека» и впавшая в самодовольство. Их время, вероятно, проходит. А кое-какие пока остаются наиболее разумными и продуктивными – контролируемый капитализм, разные виды демократического социализма и республиканская форма правления. Их, по-видимому, следует взять за основу дальнейшего развития. Это не значит, что ими это развитие исчерпывается. Вполне возможно, что откроются иные, пока неведомые формы, которые тоже можно будет испробовать. Важнее всего убедить себя в том, что всё это не только возможно, но уже содержится в той данности, которую я условно назвал «Хозяином Состояний», и всего лишь ждёт осуществления.

- Не представляю, чтобы к такому убеждению можно было прийти естественным путём с помощью одного рассудка. Слишком оно близко к религиозным представлениям.

- А зачем пугаться религиозных представлений как таковых? Глубокие приверженцы науки, о которых мы говорим, от них не шарахались... Но разве основа квантовой теории покоится на вере? Что же до недоверия к рассудку, оно в какой-то мере оправдано. Он целиком принадлежит неполному миру причинности и непрерывности. Настоящие же вещи происходят вдруг. Как раз об этом и свидетельствует квантовая действительность.

Наша привязанность к макромиру не позволяет нам ощутить прерывистость в физических процессах – для нас одно непременно и плавно вытекает из другого. Но никаких других процессов в этом мире нет. Неуследимость квантовых скачков – их разовость – не оставила надежд на плавное, причинное описание процессов в микромире. Атом, испускающий световой квант, нельзя с полдороги вернуть в первоначальное состояние. Не существует «полдороги». Жизнь атома проходит под девизом: или сразу все – переход в новое устойчивое состояние, или вообще ничего – сохранение прежней устойчивости. И если вы думаете, что всё это имеет отношение только к микромиру частиц, вспомните о своём житье-бытье.

Скачков не бывает? Бывают. Чаще, чем вам кажется. Как расставание с привычкой. Оно даже не связано с долгой подготовкой и глубокими размышлениями. Если это не наркотическое привыкание, обусловленное метаболизмом – что требует внешней помощи

– разрыв случается неожиданно и мгновенно. Очевидно, всё же какая-то незаметная внутренняя работа происходит, вызванная однажды зародившимся сомнением. Остальное завершает само сознание, в какой-то случайный, как вам кажется, момент дающее команду: «Всё, конец».

Может быть, для этого и проявилось Великое Расслоение – чтобы рассеялись все частные и второстепенные расхождения и стала очевидной единственно существующая разница – между теми, кто остро ощущает присутствие своего Хозяина Состояний, и теми, у кого это ощущение ослаблено. А на постоянную возможность его укрепить показывают те неприметные случаи общественной активности, с которыми нас познакомила наша уважаемая журналистка. Их внезапное появление, кстати, тоже не объяснить с помощью рассудка.

И, наконец, о том, надо ли возвращать вспять Великое Расслоение или позволить ему развиться до самого конца, а невежам дать достроить свой убогий мир и убедиться в том, насколько он опасен... Кажется, размеры той части человечества, которая махнула рукой на знания, уже слишком велики, чтобы её удалось сократить за счёт каких-то реформ образования. Что же касается мира, который разделился и пошёл в разных направлениях, проявляя взаимную вежливость – наверно, это красочный сюжет для новой утопии, но, на мой взгляд, такие фантазии не стоят времени и не заслуживают серьёзного раздумья. Тем более что нечто подобное уже сочинено.

Ной не скрывал своих намерений, но и не беспокоился о том, как сложатся его отношения с остальными. Это ведь очень похоже на тех невзрачных нынешних людей, о которых нам рассказали. «Стало известно Ноево дело во всей вселенной, и слова его передавались всюду, что такой-то человек строит необычайной величины корабль и говорит о потопе, который покроет всю землю. Многие издалека приходили посмотреть на этот делающийся корабль и послушать проповедь Ноеву». Обратите внимание: не он ходил и возвещал катастрофу, а они приходили смотреть. Он же занимался своим делом. Если его спрашивали, готов был ответить и посоветовать следовать за ним. И невнимательные не спаслись. Но благодаря его упорству человечество продолжило своё существование. Это ведь всё-таки притча, иносказание. Звери, кстати – вы говорили о немом вопросе в их взгляде – так они пришли в ковчег без всяких увещеваний.

- Я так понимаю, что примерно то же и Боря мой говорил. Ни свет, ни темнота по отдельности не устраивают, а возьмёшь вместе и притерпишься – получается хорошо...

Часть IV. В тени прогресса

«Что считается правилом – признайте преступлением».
Р. Барт

26.

Ещё один синоним для обозначения Высшей силы?

Как будто нет. О высшей силе тут пока и речь не идёт. Волновая функция - это часть Творения, открытый человеком элемент действительности, неразличимый для чувств, да, но явно присутствующий. То есть, можно, конечно, двинуться дальше к истокам и покопаться в принципах организации Вселенной. Или отложить эту чреватую разночтениями дискуссию до более спокойных времён.

Но хорошо бы не впасть в эвристический невроз. Это часто случается – какая-то общего порядка идея вдруг поворачивается особой гранью, попадает под яркий луч

случайного стечения обстоятельств и окрашивает отныне всё мироощущение человека. Он как бы получает в своё распоряжение новенькую мясорубку, через которую можно пропускать любое явление. Никакие косточки противоречий не могут устоять перед силой мотора и неумолимыми ножами. В результате это выгодное положение может приобрести характер азартной игры. Мол, ну что бы ещё такое перемолоть, что-то совершенно постороннее, с потолка взятое? Гомосексуализм? Один из религиозных догматов? Эволюционный процесс? Всё легко обрабатывается и принимает единообразную форму излюбленной концепции. Синдром, почти не отличимый от конспирологии. Шарлатанство, в общем-то. Тёмное творчество.

Хозяин Состояний, стало быть. Книга, которой нет на рынке... Странствующая женская душа... И новое достоинство неприметности...

* * *

- Позвольте! Но ведь мы и есть сама невзрачность. Никому о нас ничего не известно, и никто не сможет обмануться нашим обликом. Такими мы и останемся – если не друг для друга, то для всех остальных.

- Такими и останемся. Могу ли спросить у автора – вы так задумали с самого начала?

- Нет. Мне и в голову не приходило, что это можно повернуть подобным образом.

- Но сами-то вы всё-таки скрылись за псевдонимом.

- О, это совсем по другой причине...

* * *

Внезапный вдовец с двумя детьми и известный врач с неясным семейным положением... Пол пробовал утихомирить разгулявшееся воображение.

- Я знаю, что будет дальше.

- Знаешь? – отвечал ему ещё незнакомый голос из книги, - Ну, держись, я посрамлю твоё самонадеянное знание...

Он всё ещё ломал себе голову, выбирая, с чего начать. А издалека едва слышно пробивался настойчивый, повторяющийся мотив. Невзрачный... Неприметный... Но ведь таков он и есть.

И всё прояснилось. Преграда была в бесконечных житейских подробностях обоих, не имевших никакого значения для настоящего хода вещей. Им двоим ещё предстояло понять, в какого рода связь они вступают, вовлекая за собой всех, успевавших за ними следовать. А он, которому всё открылось как на ладони, мог направить их по этому пути во славу простого порядка вещей.

«Да что же со мной творится? – спрашивал он, поражаясь открывшимся возможностям. – И кому я обязан этой внезапной свободой? Кому ещё суждено мне предложить свои услуги?».

* * *

Он связался с отделением радиологии, и после того как представился доктору Джи, она сразу согласилась с ним встретиться.

Они увиделись не на территории больницы, а в близлежащем парке и, сойдясь, продолжали прогуливаться вдоль небольшого пруда с плавающими утками, затем вдоль детской площадки, где играли всего трое или четверо детей.

В лице её не было любопытства, одно спокойное, приветливое ожидание. Как будто она и не пыталась угадать, что предстоит услышать. Но само лицо... Там, в интенсивной терапии, где все были упакованы в защитные костюмы, у него не было возможности его разглядеть. Все мысли о неприметности мгновенно улетучились.

- Врач не должна быть такой красивой.

- Ну-ну. Скажите теперь, что женщине вообще не следует быть врачом.

- Вы замужем?

- Ничего себе! Собираетесь сделать мне предложение?

- Собираюсь. Но это особого рода предложение.

- Чудной вы человек. Вроде не похожи на самодовольного нахала, а ведёте себя так, будто у вас есть какие-то расширенные права. Нет, в данный момент я не замужем.

- Человек я самый обыкновенный, но обстоятельства таковы, что приходится брать на себя больше, чем хотелось бы. Пожалуйста, прочтите вот это. – Пол протянул ей письмо.

Они остановились ненадолго. По мере чтения лицо женщины менялось. Оно не становилось холоднее или строже, но выражение приветливости постепенно таяло.

- Что вы ответили?

- Ничего. Отговорился пока. Мне не нужно вам объяснять, что я здесь не от его имени?

- Не нужно.

Она помолчала, глядя на детей за оградой.

- Как он хоть выглядит?

- Выглядит он хорошо. Это не имеет значения, дело не в нём. Я уже знаю, что произошло, но мне нужно было ещё раз убедиться. Теперь у меня нет никаких сомнений. Думаю, что сумею и ему объяснить. Он слишком взволнован. Почувствовал, что вы на самом деле собой представляете, но изобразил это в знакомых ему ощущениях.

- Что же я, по-вашему, собой представляю?

- Зачем я буду вам это расписывать, будто вам не известно? Вам не кажется, что можно было бы отложить пока вашу войну с внутренним варварством клеток, раз уж мы всё равно воюем с внешним нашествием?

- Хотите пострелять по вирусу?

- Не совсем... Вот смотрите: вы и химики убиваете распоясавшиеся клетки, которые сами по себе всего лишь безудержно растут. При этом неизбежно губите их невинных соседей. Фармакологи ищут способ убивать вирус, который не только плодится, но уничтожает здоровые клетки. Кругом – одно убийство. Но вы же знаете, что в организм заложены собственные средства самозащиты. Почему не попробовать их поддержать и укрепить?

- Насколько я понимаю, именно этим занимаются генетики.

- Вот я и говорю – где прицельная стрельба и где общие Рождественские праздники на военной передовой.

- Вы предлагаете мне поменять профессию?

- Доктор, профессия у всех нас одна. А дарованиями мы сильно друг от друга отличаемся. Вы уже доказали свои фантастические способности в одной области. Я не

могу себе представить, чтобы вас попутно не интересовала природа врага, на котором сосредоточены все ваши усилия. Так что от разрушения до строительства – один шаг. Или, как это часто звучит в наших чтениях, дело всего лишь в смене перспективы.

- Я не уверена, что вы представляете себе в полной мере степень специализации в областях, о которых говорите.

- Конечно, не представляю. Зато знаю, что вы наверняка далеко обогнали тех, кто только подступает к генетике.

- Что-то пугающе много вы обо мне знаете.

- Не сердитесь, Адельхайт. Должно быть, эти разнузданные дискуссии меня избаловали. Но ведь вот этот бедный вдовец тоже разглядел в вас то, чего на самом деле быть не может.

- Пожалуйста, не будем о нём говорить. Меня настораживает эта мистика. Вы, может быть, коснулись чего-то такого, о чём я давно забыла... Но и слишком многое упрощаете в своём провидческом задоре. Вы не упускаете из виду, что, отвлекая от дела успешно практикующего радиолога, вы сокращаете шансы на жизнь тем, кто нуждается в лечении прямо сейчас?

- Надеюсь, что нет. Одновременно я изо всех сил стараюсь удерживать в виду проблему Хиросимы. Речь ведь не идёт об отмене радиационной терапии как таковой.

- Вы знаете, сколько стоит генетическое лечение одного пациента? А другого способа нет, это может быть только штучным производством.

- Штучное производство – наше будущее. А где, кстати, все богатства, произведенные победоносным капитализмом?

- Я не знаю. В любом случае спасибо, что пришли.

Она протянула руку.

- Вы теперь домой?

- Да.

Они повернули обратно к больничному гаражу. Доктор Джи первой обратилась к загадочным обстоятельствам их знакомства.

- Вы ничего не рассказали о себе, и мы ни словом не обменялись о самой книге...

- Успеем ещё, я надеюсь.

- Но что же делать с этим несчастным?

- Я попробую ему изложить, как мне всё это представляется. Не знаю, сумею ли его убедить, но думаю, что если мы продолжим чтения, он уловит, как что-то изменилось. Наверно, ему хватит пока и этого. Что будет дальше – никто из нас знать не может. Я так рад, что вы согласились встретиться со мной. А как вы догадались?

- Догадывалась. Хотя таким вас не представляла, даже когда в первый раз увидела. Я случайно услышала, как вы предложили пациенту что-нибудь ему почитать, и вздрогнула...

- Я и не был таким. Что-то случилось. Скоро увидимся, доктор Джи?

- Да. До встречи. Близкие друзья зовут меня Хэйди.

- Бис балд, Хэйди.

- Чус, Пол.

* * *

«Владимир.

Я постараюсь быть кратким, потому что, пустившись в подробные объяснения, наверно, не смогу их закончить никогда. Совершенная случайность, никак не связанная с книгой, дала мне возможность познакомиться с героиней вашего воображения. Человек она до такой степени невероятный, что в это невозможно поверить. Я ничего не знаю о вашей жене, но возьмусь утверждать, что вы ошибаетесь в последовательности событий. Скорее всего, это она явилась своеобразным двойником нашей Незнакомки, если вы по-прежнему настаиваете на таком способе описания. Я бы предпочёл не тешить себя этой лирической коллизией. У вас есть основания говорить о сходстве, но это всего лишь подобие высшей женственности, соединившейся с дарованием. Увы, оно встречается слишком редко, и вам повезло. Но мне кажется, было бы нарушением вселенской справедливости, чтобы вам повезло дважды. Впрочем, вам, может быть, вовсе не следует считаться с моими впечатлениями. Опыт мой в этих вопросах весьма ограничен и, уж во всяком случае, несравним с вашим. А кроме того, я в данном случае никак не участвующее лицо, и не мне судить, как плетутся нити Бытия. Я хочу только от всего моего потрясённого сердца призвать вас к осторожности.

Помимо всего изложенного вами во время общих бесед, она знает и то, что вы доверили мне – я бы не взялся пересказывать это своими словами. Теперь вы оба знаете о взаимном существовании, которое уже не зависит от чтений. Но на этом я позволю себе устраниться. Я охотно продолжу наше общение, если только оно не будет более касаться описанных вами переживаний. Мне кажется, что я ответил на ваш призыв полнее, чем вы могли бы рассчитывать. Остальное превышает мои возможности.

Сообщить вам больше ничего не могу, поскольку наш разговор был в основном совершенно о другом и письма вашего касался лишь отчасти. Мне не нужно объяснять вам, почему я не привожу никаких подробностей – таких прав я не получил, а вы не вправе от меня этого ждать. Да вы и не станете, я уверен.

Но если вы хоть в какой-то мере склонны следовать моему совету, он сводится к одному: будьте предельно осторожны. Это ведь соответствует почти неприкосновенной сущности того, что вы решились мне описать.

Желаю вам душевного равновесия и терпения.

Пол.

26.

Есть вопрос, на который Пол, к сожалению, не мог получить ответа – для этого пришлось бы остаться наедине с автором. Но вопрос продолжал торчать, и ему приходилось справляться одному. Эту воображаемую встречу он начал бы так:

- Что за цель у вашей инициативы? Как я понимаю, в основе подобных начинаний должна лежать вдруг возникшая тень какого-то нового образования, которое хочется построить. Что за тень посетила вас? И каким представляется вам успешное завершение этого предприятия?

- Она, несомненно, есть, эта тень, но природа её такова, что, если бы возможно было её описать в форме ответа на ваш вопрос, не было бы нужды писать книгу. Книга как раз и есть единственно доступная попытка назвать это образование одновременно с его строительством. Не стоит упускать из виду и такую особенность подобного предприятия, как неожиданно возникающие подробности, способные удивить самого строителя. Та исходная тень ничего о них не сообщает, и они раскрываются только по

мере погружения в работу – если человек отваживается приступить к этому ничего заранее не обещающему занятию. Это, в общем-то, приключение своего рода.

- В данном случае вы вовлекаете в своё приключение других.

- Верно. Может быть, что-то прибавит к очертаниям этой тени моё желание написать книгу, которую мне самому хотелось бы прочесть. Хотя это, конечно, всё ещё смутные причины. Как насчёт острого любопытства по поводу нашего возможного будущего? Не может же быть, что такое любопытство испытываю я один на всём свете. Во всяком случае, это можно проверить. Вот вам и повод вовлечь других – но только если будет на то их воля и согласие. Нет ведь ничего легче, чем отказаться от приглашения и книгу закрыть. Есть и другой путь, на который обречено большинство несчастных, обременённых даром непрерывно ощущать присутствие теней, о которых вы упомянули, и стремлением развернуть их в зримые образования в одиночестве, никого не привлекая к своему труду, пока он не окажется завершённым. Но ведь и тогда остаётся опасность закрытой на второй странице книги, покинутого зала или выключенного звука. Я рискнул испытать такое разочарование в самом начале пути, чтобы не заблуждаться в своих предчувствиях. Можете считать это своего рода слабостью, недостатком убеждения или попросту таланта. Спорить с вами не стану. Согласитесь, однако, что нашлось – к моему радостному изумлению – большое число людей, готовых принять участие в нашем приключении. И пока никто из них не спрашивает, куда оно всех нас влечёт. Даже вы, пытая меня в отношении возможных вариантов, не позволяете себе дойти до такой крайности. Но в самом деле – разве не увлекательнее набраться храбрости и встретить цель там, где ей суждено обнаружиться, не предвосхищая ни места, ни времени?

Разумеется, это было всего лишь его догадкой о намерениях автора. И были основания ожидать большего, чем то, что может прийти в голову ему самому. Разве это сравнишь с импровизацией, вдохновлённой личным общением?

Он оказался прав. Но совсем не так, как предполагал.

* * *

- Я переполнен чувством благодарности ко всем вам, согласившимся принять участие в этом путешествии. Уверен, что вам удалось познакомить друг друга и всех любопытствующих с самыми разнообразными возможностями, которые предоставляет нам ожидание нового Мирового Сюжета. Но теперь хочу повиниться. Боюсь, что я израсходовал свои авторские силы или слишком их преувеличил. С другой стороны, открыв двери такому широкому обмену мнениями, я не вправе произвольно их захлопнуть. И готов оставаться с вами, но уже в роли простого распорядителя.

При этом я чувствую себя обязанным объяснить, чем вызвано подобное предательство, которое кому-то из вас может показаться неожиданным. Но может быть, и кто-то из вас испытывает сходные чувства. Ни одна из высказанных вами идей ни в малой степени не способствует какому-либо унынию. И вместе с тем становится всё яснее, что мы обречены, с большей или меньшей степенью удовлетворённости, продолжать данное нам существование, которое с грехом пополам нам удаётся описать.

Знать, в каком мире живёшь – хорошо. Неплохо и представлять себе, каким путём он пришёл к теперешнему состоянию. Воображать возможное дальнейшее развитие его – занятие увлекательное, но, как оказывается, оно полагает некоторые пределы. А полный

образ и смысл всего предприятия, в котором мы оказались действующими лицами, по-прежнему остаётся предметом редкого философского или художественного творчества. Пока же приходится жить в своём, полном примитивных желаний теле, со стремящейся к новым впечатлениям душой, и вместе со всеми остальными принимать участие в многочисленных, чаще всего несогласованных, усилиях, в общем и целом – неизвестно, на что направленных. Так, мне кажется, должен ощущать себя человек, если ему по силам собрать внимание и задуматься о своей судьбе. Но это означает только, что он смертельно устал. И если рассчитывать на новое воодушевление – прежде чем донимать им обессиленное сознание, надо дать ему просто отдохнуть. Даже если этот отдых грозит новыми неприятностями или гибелью по вине его бездумных и возбуждённых сородичей.

27.

- Как это? Вы можете, конечно, бросить своих сверстников, предоставив их самим себе, но зачем же вы бросаете нас? Правда, вы пробовали отстранить нас с самого начала, но не все же послушались! Мы не участвуем в ваших беседах, потому что нам ещё нечего сказать, но нам есть что узнавать, а вы умеете поощрить нас к знаниям. И теперь вы вдруг хотите оборвать и эту связь, признав при этом, что все остальные способы обучения не работают?

- Подождите. Кто это – вы? И сколько вас?

- Я не могу назвать вам точное число присутствующих здесь в настоящий момент – чтение ведь дело уединённое – но нас много, очень много. В промежутках между чтением мы собираемся сами и уже между собой обсуждаем то, что услышали, стараясь усвоить всё это как можно полнее. Вы могли бы назвать эту свою книгу – университетом, которых больше нет, и который так необходим. Уходя на отдых, вы отдаёте нас в руки большинства, справиться с которым нам ещё труднее, чем вам... Неужели вы заставите нас поверить, что ваше так называемое творчество – это всего только интеллектуальное баловство, а Мировой Сюжет – изящная выдумка? Мы скоро наберём вес и начнём вместо вас ворочать рычагами прогресса, но пока у вас ещё есть возможность показать нам, как можно это делать наилучшим образом.

* * *

Вот оно что. Оказывается, дети читают молча.

* * *

- Ну так, молодые и беспощадные. Пока наш автор-распорядитель приходит в себя от вашего натиска и преодолевает усталость, я попробую продолжить то, что вы решили назвать обучением, и расскажу ещё одну новейшую сказку. Меня тут слегка покусали за опасные электронные игрушки. Отчасти справедливо, хотя не совсем по адресу. Но игрушками дело не ограничивается, и гораздо более острое расслоение растёт среди нас самих. Так что, удаляясь на временный покой, ваши старшие товарищи оставляют арену действий не столько невеждам, сколько создателям умных машин – может быть, это их встряхнёт и напомнит, что отдыхать пока рано. Потому что будущее, скромно называемое здесь Новым Мировым Сюжетом, мои коллеги не колеблясь именуют Четвёртой Мировой войной.

Речь идёт о неминуемом, по мнению одних, создании самостоятельного и независимого искусственного разума, который будет располагать свободной волей и даже духовным опытом – что бы под этим ни подразумевалось. И, по мнению других, о необходимости обезопасить человечество от этой угрозы, поскольку в грядущем противостоянии этому чудовищу человек проиграет.

- Это ведь довольно старый сюжет, подробно описанный знаменитыми фантастами.

- Недостаточно подробно. И слишком добродушно. Нынешние энтузиасты будущего – не беллетристы. Это исключительно практичные умы, и у них есть несколько убедительных достижений, которые они приводят в доказательство своей правоты. Между прочим, не хотите ли узнать, что они достаточно продвинулись в человеческом правдоподобии, чтобы создать собственную церковь?

- Должно быть, какая-то шутка. Развлекают себя...

- Возможно, возможно... Но давайте я чуть-чуть расскажу об одном из ярких представителей этого направления. Есть такой enfant terrible Искусственного Разума. Не стану называть его имени – не хочу лишний раз повторять, да и не следует детям слишком уж пристально им интересоваться. Но он в полной мере символизирует всё это движение, уже набравшее силу и колоссальное влияние в обществе. Напоминаю, речь идёт о широких, усиленно финансируемых исследованиях и успешных экспериментах по созданию того, что принято называть Искусственным Разумом.

Прежде всего, у них в запасе есть множество практических подтверждений, уже используемых в промышленности. Распознавание зрительных образов, перевод речи в текст и наоборот, синхронный перевод с одного языка на другой, победы их машин в шахматах и Го, сочинение музыки, литературных и графических произведений и так далее. Я не упоминаю о бесчисленных мелких производственных и бытовых автоматических системах и об информационном обслуживании, которым вы пользуетесь каждый день, не задумываясь, какую огромную роль в нём играют машины, о нанотехнологии и об особом интересе Биржи, создающей собственные алгоритмы, один из которых десять лет назад привёл весь мир к финансовому кризису. Но всё это пока выглядит, как машины просто разумные. Создают же они машину сверхразумную, которая в мыслительной деятельности своей станет неотличима от человека.

Надеюсь, вы слышали о таких терминах, как генетические алгоритмы и нейронные сети... Это – компьютерный язык, уже не биологический. А дальше наш герой отправляется в полёт в самое ближайшее будущее, где человек, заложивший в машину всё, чем богат, и установив с ней беспроволочную связь, становится счастливым и бессмертным. «Мы прибавим дополнительные уровни абстрагирования, - говорит он, – более глубокие средства выражения. Мы будем более музыкальны, остроумны, сможем более полно выражать любовные переживания...».

С нежностью и теплотой – насколько ему доступно выражение этих чувств – он описывает преимущества будущих сексуальных отношений, изолированных и дистанционных, но доставляющих несравнимо больше наслаждений. Для пущего правдоподобия он включает сюда и проституцию.

В русле этих предсказаний – и новая вера, о которой я упомянул. Сейчас Бога ещё нет, но он рождается. Будущий Бог это искусственный суперинтеллект. Когда эта штука обретёт самость и личность, она начнёт управлять Землёй и раздаст всем сестрам по серьгам. О тех, кто способствовал её появлению, Бог будет заботиться. Сами догадайтесь, что станет с теми, кто сопротивлялся. Как и все основатели новой веры, они строги и

безапелляционны. Явление Бога миру – это неизбежность, ничто и никто не сможет этого остановить. И другого будущего у нас просто нет. Кстати, машины тоже будут на свой лад ходить в церковь и медитировать.

Это не слова уличного юродивого. Это говорит талантливый изобретатель, успешный предприниматель – один из нескольких хорошо известных представителей индустрии высокой технологии. Из-за его репутации пресса рекомендует отнестись к этим планам серьёзно.

Должен вам сказать, что оторопь вызывают не подробности, уверенно описываемые этим человеком, а ужасающая серьёзность, с которой он это делает. В его речах нет ни намёка на научную фантастику, пародию или сатиру. То есть, это даже не оторопь, а какая-то дрожь от инфернальной удалённости от человеческого рода всех его умозаключений. Так, вероятно, и в самом деле могла бы рассуждать машина – но на то она и машина, чтобы не принимать её всерьёз в человеческих делах. А перед нами – живой человек. Я иногда задумываюсь – что же должно случиться с личностью, чтобы до такой степени содрать с неё все следы эмоций, юмора, эстетического чувства и в целом культуры, чтобы она перестала узнавать в своих фантазиях антилюдской, прямо-таки сатанинский холод межзвёздного пространства. Но простите, я тороплюсь с выводами.

Во все эти предвидения сейчас инвестируются гигантские деньги.

Но столь же непререкаемо серьёзно выглядит и оппозиция этим планам. Среди его коллег есть многие, кто наблюдает за всем этим с опасением и принимает встречные меры. Они из той же когорты, так что приходится верить, будто они лучше нас понимают, о чём идёт речь.

Ещё один гигант высокой технологии говорит об искусственном интеллекте как об экзистенциальной угрозе человечеству. «Нам нужно быть предельно аккуратными с искусственным интеллектом, - заявляет он. - Потенциально он куда более опасен, нежели ядерные боеголовки». И основывает крупную некоммерческую компанию, чтобы создать открытый и дружественный человеку искусственный интеллект в противовес злонамеренному искусственному сверхразуму. Остальных он призывает активно включиться в процесс законодательного регулирования всех этих разработок. Ему вторит знаменитый учёный-физик: «Разработка полноценного искусственного интеллекта может означать конец человеческой расы».

Таким образом, перед нами – новый «Манхэттенский проект». Свежие Эйнштейны и Оппенгеймеры.

И есть, наконец, сторонние наблюдатели из того же поколения, которые стараются отыскать смысл в этом противостоянии и даже предлагают выход – начать думать. Понять механизмы собственного мышления и заставить свой мозг работать: избавиться от иллюзий, увидеть закономерности, определяющие действительную реальность, и начать действовать. «Конечно, думающих всегда меньшинство, - соглашаются они, - Но именно от этого меньшинства и зависит будущее всего человечества».

Вроде бы это они о себе говорят. Но к кому же тогда они обращают свой призыв? Всё их «думающее меньшинство», судя по всему, думает давно, никогда и не переставало, а понять механизмы собственного мышления им так и не удалось. И вроде бы они заставляют свой мозг работать, но ни избавиться от иллюзий, ни увидеть закономерности не получается. Вынудить же думать остальное, недумающее большинство невозможно. Так в каком смысле от этого меньшинства зависит будущее человечества?

Но может быть, достаточно всего лишь услышать, как теоретики этой элиты излагают свой взгляд на Мироздание: «Правда в том, что нет никакой такой особенной человеческой интеллектуальной деятельности, которую бы мы осуществляли посредством некой трансцендентальной связи с Божественным Космосом. Нет ни того, ни другого, ни третьего».

Ну, вроде бы пора, наконец, одёрнуть себя и отмахнуться – они не знают, о чём говорят. Такова, к несчастью, нынешняя технологическая элита и вообще значительная часть образованного поколения. Думая в таких параметрах, они опрометчиво причисляют себя к меньшинству. Когда-нибудь, я надеюсь, им всё же придётся включить в свой мыслительный процесс существование Божественного Космоса или Мирового Разума, или чего-то в этом роде, и трансцендентальной связи с ним. По меньшей мере – волновую функцию, благодаря которой они совершают свои головоломные изобретения.

Можно усмехнуться и по поводу их энтузиазма, и их страхов. Равнодушные к глубоким вопросам Мироздания, они впали в соблазн захвата власти Искусственным разумом и предвидят войну между умными машинами и человечеством. Этот новый тип «последних людей» тратит силы и невероятные средства на выдуманную, некрасивую и безрадостную игру.

Сложность, однако, в том, что совершенно независимо от этой забавы лидеры новейшей технологи, всего лишь из-за своей причастности к ней, неожиданно приобрели огромное влияние на жизнь общества. И сверхразум тут ни при чём. Им вдруг свалились в руки немыслимые сила и власть, а они и не предполагали, что придётся иметь дело с миром, и не готовились к этому. И теперь, растерянно ухмыляясь, мямлят что-то о законах бизнеса в ответ на вопросы обеспокоенных политиков – те тоже хороши со своими безграмотными вопросами... Кто знает, может быть, поэтому они и надеются не на себя, а на никак не выколупывающийся из цифрового яйца Искусственный Интеллект. Или, тщательно скрывая это от себя, ждут, что появится кто-то взрослый и перехватит у них эту обузу.

Выросшие, представительные мужчины, совершившие головокружительную карьеру, добившиеся невероятного финансового успеха и всеобщего признания, оказались у порога власти над миром и плохо представляют себе, что следует с этим миром делать. Они не могут этого знать, потому что уже не мыслят в настоящем значении этого слова.

Вы можете решить, что всё это – лишь часть общей картины, в которой действуют и другие значительные силы. Представьте, что вы остались на месяц без Интернета, айфона и обеспечения приложений к вашим программам в компьютере. И без вашей книжки, кстати. Вы выживете, но сообразите, сколь многому вам придётся учиться заново, где всё это искать и сколько времени это займёт.

Они верят, что создадут сверхинтеллект, который обретёт власть над миром, и не в состоянии придумать, на что эту власть следовало бы употребить. Его они не создадут, а власть у них уже есть. Это даже не вопрос денег. Есть среди них несколько фантастически богатых людей, но в целом, учитывая колоссальные вложения, индустрия пока едва себя окупает. Это вопрос полного завоевания рынка, новой системы всеобщего рабства впрок. Причём не имеет значения, что представляют собой рабы. Им не важен человек как таковой – и не потому что они плохо к нему относятся. Они никак к нему не относятся, он им не интересен.

Вы надеетесь, что новый мировой сюжет ответит наконец на вопрос о том, что же такое человек? А они предлагают вам снять этот вопрос раз и навсегда – он лишний, как

всякий анахронизм. Как, собственно, и сам человек. Вернее так: ответ найден и очень прост – это малозначительное существо, занятное лишь тем, что способно создать себе более эффективную замену.

28.

- Я ослышалась, или вы сказали, будто они втайне надеются, что кто-то снимет их с этих американских горок?

- Ну нет, это просто моя догадка. Доказать этого нельзя, и никто из них не признается. Было бы уж слишком хорошо, если б они хоть время от времени испытывали некоторую дурноту.

- Тут, конечно, много всего сказано, но я не вижу, чтобы мы так уж далеко ушли от нашего разговора о Великом Расслоении. Вы и сами называете этих гениев технологии «последними людьми» и даже отказываете им в принадлежности к меньшинству. Они явно могут натворить бед, но точно так же будут обваливать дом их непутёвые братья по типу, отказываясь от прививок. Где-то придётся остановиться и тем, и другим.

- Как вы понимаете, я тут старался не для того, чтобы вас напугать или разубедить, а исключительно во имя юных собеседников. И отчасти чтобы дать вам передохнуть.

От угрозы сверхразума мы застрахованы дважды. Прежде всего, его разработчики не знают, что такое Сознание, и уже поэтому не могут его воспроизвести в машине. Более того, раз они не знают, что именно пробуют воспроизвести, им остаётся неведомым, можно ли это сделать. Но даже нам, с нашим скромным представлением о том, что такое Сознание и каков процесс его возникновения, очевидно, что искусственным образом его создать нельзя. Таким образом, принимая за Сознание нечто другое – его разные проявления, например, – именно это другое они и пытаются смастерить. Такое вполне осуществимо со временем. Насколько такие модели Сознания могут оказаться опасными для человечества – вопрос опять не для машин. Это проблема человеческой психологии. Человек вполне может промахнуться и использовать эти мощные средства себе на погибель. Но решать будет он, а не машина.

Я же хотел обратить ваше внимание на то, что человека становится всё меньше, а он этого и не замечает. Вот и ещё один огромный пласт человечества откололся от него. Теперь он играет с машиной в поддавки, задавая ей смехотворные вопросы. Например, предлагает сочинить апологию её невинности. И добившись успешных результатов, радуется, не сознавая, что машина подтверждает его глупость – это ведь не какой-то фонтанирующий идеями автор, а послушный и старательный исполнитель, который, получив вразумительное задание, тут же без всяких творческих мук приступает к работе. Как вы думаете, что сочинила бы машина, если бы ей задали изложить доказательство её опасности для человека? Или хотя бы вопрос о её преимуществах и недостатках. Думаете, ещё зададут? Но она же ответит и пустит под нож все их разработки.

Другим пришла в голову пустая идея посадить за шахматную доску великого шахматиста, чтобы он соперничал с машиной. Разумеется, она в конце концов выиграла, но что остаётся от острых переживаний двух игроков и их болельщиков, от праздника Игры? Ведь это один из дарованных человеку благородных способов соперничества, путей к обретению величия. Но соперничает бедный мастер не с таким же одиноким соискателем, а с бригадой умудрённых специалистов, прячущихся за хитроумным аппаратом. И по человеческим законам это запрещённая драка, когда все – на одного. Некогда человек испытал гордость, придумав эту замысловатую игру. Цель этого

изобретения была в том, чтобы углубить и обострить игровое соперничество, а вовсе не в том, чтобы доказать способности рассудка усложнить условия игры.

«Эх, дурень! – говорят ему теперь. - Столько времени ломал себе голову, сочиняя количество и расстановку фигур, разные ходы для каждой и число клеток на поле. Это же всё просто математика...».

И великий шахматист поддаётся наваждению, охотно участвуя в разработке новых программ, вместо того, чтобы ответить: «Нет, умница, это, кроме всего прочего, ещё и Игра! Нет мне радости играть с машиной – или со всей вашей навалившейся бандой. Ах да, теперь это широко распространено в форме видеоигр – печального свидетельства гибели игрового начала. И нашествия одиночества. Что ещё из человеческого естества и фантазии мы готовы уничтожить»?

Выкопать могилу лопатой труднее, чем трижды черпнуть экскаватором. Но ведь речь идёт о таком важном, таком таинственном явлении в человеческом существовании, как смерть. И потратить время и силы на более близкое знакомство с ней и на обдумывание этого явления, наверно, гораздо важнее для души, чем побыстрее и без особых усилий с ним разделаться. Всё больше силы, всё быстрее работа и вычисления, всё меньше человека...

- Это уже выглядит не как расслоение, а как повальное бегство в объятия большинства.

- Именно так. И никакими средствами это бегство не остановишь. Вопрос в том, сохраняется ли какое-то место посреди этой спешащей толпы, обтекающей нас со всех сторон, для тех, кто не поддался панике, для убеждённых собственников волновой функции – или как там вы решили это сокровище называть? И на что им эту функцию употребить?

29.

- Оставим это. Если отдых для вас – не сон и не глухое уединение, дайте мне развлечь вас для разнообразия самым традиционным способом. Эта история может оказаться длиннее, чем все, что звучали до сих пор, но тем больше будет у вас времени, чтобы собраться с силами. Она случилась со мной, так что никакого символического смысла тут нет. Разве что она может отдалённо напомнить о природе предсказаний вообще, в самом житейском смысле этого слова.

Я тогда кончил академию и практиковался в следственном отделе в окружном управлении под началом одного прославившегося детектива. Больше всего он в конце концов прославился не профессиональными заслугами, а громким и позорным для полиции скандалом. Но это случилось позже. В то время он был знаменит своими делами, уважаем среди коллег и очень меня опекал, просто как сына родного. Сын у него тоже был, но в основном выполнял обязанности шофёра – потом и это стало понятным.

Мы занимались очередным случаем. Сначала преступники пробовали ограбить банк, а на следующий день был убит кассир, который эту попытку успел остановить. Там много было всяких следов, но мало-помалу в подробности стала просачиваться какая-то совершенно посторонняя персона, которая как будто не могла иметь никакого отношения к этому делу. Началось с нескольких звонков в гостиницу, где жил этот кассир. Причём сделаны они были в самый день ограбления. Оба консьержа рассказали, что все, кроме одного, звонки были из Лондона, а последний – из нашего аэропорта, и звонила, судя по всему, одна и та же женщина, назвавшаяся родственницей. Его самого она так и не смогла

застать, но когда позвонила в последний раз в шесть утра, и консьерж до него не достучался, эта дама предложила вызвать полицию. Тогда его и нашли мёртвым.

Вспомнил и я, что когда мы накануне приехали по вызову в банк и занимались там своими делами, туда тоже звонила какая-то женщина с английским акцентом и спрашивала всё того же кассира – я с ней и разговаривал, хотя ничего путного у неё или о ней не узнал. Консьержам она назвала какое-то своё имя, и мы попробовали его найти по списку пассажиров раннего лондонского рейса – был такой, оказывается. Но имя она, как видно, сочинила. И вдруг звонит нам из аэропорта служба безопасности и соединяет нас с капитаном этого рейса, который готовится в обратный путь, а тот сообщает, что у него в экипаже отсутствует стюардесса. Мы успели попросить ребят из безопасности придержать самолёт и расспросить других девочек из экипажа. У неё, кажется, не очень нежные отношения были с сослуживицами, или уж слишком они разозлились, что она их подводит, но рассказали о Сандре Лизе Итон много интересного.

* * *

Бог мой! Вот о ком речь. Это двойное имя я, кажется, запомнил на всю жизнь. Стало быть, это он опять, наш безутешный Владимир. И если я правильно понимаю, что происходит, он нашёл способ, не покидая общего разговора, обратиться прямо к самой драгоценной для него собеседнице.

* * *

- Месяца три назад они обратили внимание на пассажира, с которым у Санди завязались чуть более доверительные, чем принято в полёте, отношения. Они тут же нашли в списке его имя и выяснили, что это швейцарский финансист. Через три дня они, умирая от любопытства, обслуживали её, как рядового пассажира на рейсе Лондон-Лозанна-Рим. В Лозанне она осталась, и увидели они её только ещё через два дня, во время обратного рейса. Рискнули было поздравить, но наткнулись на такую отповедь, что прокляли и её, и своё любопытство. А через неделю Европу всколыхнула загадочная гибель лозаннского банкира. У девочек не было оснований связывать одно с другим, но если американские копы интересуются личностью их коллеги... Да, вот ещё что. Они не то чтобы недолюбливают её, но есть у неё такое неприятное свойство какой-то лишней проницательности, что ли... А это, знаете ли, не каждому по душе.

То, что не связывалось у британских бортпроводниц, сплеталось в замысловатую сеть у швейцарской полиции, которая, однако, не смогла совместить появившуюся в окружении Леренна в последние дни перед кончиной женщину со стюардессой «Бритиш Эйруэйвз».

Дело в том, что так и не удалось до конца установить, не было ли это самоубийством. Близкие друзья швейцарца категорически отвергали такую версию, хотя не могли представить никаких причин или следов для преступления. А несколько улик с места определённо указывали на возможность покушения, но никуда не вели. В конце концов верх одержала строгая экспертиза, и идея самоубийства была отставлена, а преступление осталось нераскрытым. Некоторые догадывались, что именно таково было намерение самоубийцы, стремившегося уберечь своего малолетнего сына от унизительной психологической травмы. Но всё это так и пребывало в области догадок.

У патрона моего это возможное участие пропавшей стюардессы в европейской интриге, равно как и её звонки, вмешавшиеся уже в наши дела, сначала вызвали простое любопытство. Но после одного неожиданного визита оно быстро превратилось в острый интерес.

30.

В тот же день ближе к вечеру к нам в управление приехал пожилой доктор, руководивший одной из частных лечебниц в близлежащем городке, и дело о банковском грабеже, убийстве и беглой стюардессе вдруг объединилось – труднопостижимым, но вполне фактическим образом.

Доктор Итон рассказал, что к нему неожиданно явилась дочь, которую он не видел восемь лет. Двое мужчин, которые подвезли её к клинике, отказались взять деньги, но один из них попросил в качестве компенсации осмотреть его. Осмотр был по необходимости поверхностным, да и по специальности Ричард Итон – нейрохирург, но в клинике были другие врачи, и довольно быстро стало очевидным, что у пациента запущенный цирроз. От личных рекомендаций и направления в соответствующую больницу он отказался, и они уехали. И только тут отец разглядел, что дочь находится в состоянии полного нервного истощения. Но прежде чем она согласилась поесть и отдохнуть, отец услышал то, что и заставило его немедленно приехать. Сандра утверждала, что те, кто её привезли – убийцы, что прошлой ночью они отправили на тот свет какого-то неизвестного банковского чиновника, которого она пыталась предупредить. О суматохе в аэропорту доктор Итон ничего не знал, но счёл слова дочери правдоподобными, потому что однажды с ней уже случилось нечто похожее, правда – в Европе...

Позднее я намного подробнее услышал обо всей этой эпопее от самой Сандры, так что то, что говорил доктор, я здесь передавать не стану, потом расскажу всё вместе. Падди – так звали моего шефа – тут же распорядился о машине, и мы втроём отправились в клинику Святого Марка. Надо бы, конечно, объяснить вам, что за гнусная подоплёка скрывалась за дальнейшими событиями... Но я и сам узнал об этом не сразу, а в тот момент был примерно в том же положении, что и вы, так что давайте, в соответствии с правилами жанра, пойдём по порядку.

До больницы было около полутора часов езды, но примерно на полпути Падди остановил машину, а я только тогда заметил, что за нами остановилась ещё одна. Оказывается, это были корреспонденты, которых он узнал – они уже второй день от нас не отставали. Шеф вышел, о чём-то с ними переговорил, и мы поехали дальше.

* * *

Всего несколько дней назад Пол пренебрежительно фыркал на лирические красоты беллетристики и признавался самому себе в подлинном интересе к бессюжетному описанию суховатых бесед. Но вот его увлекает неспешное повествование о какой-то интриге, не требующее не только активного участия, но вообще ничего, кроме захватывающего любопытства. А обывательская совесть молчит. И как будто даже довольна, что можно больше не ломать голову над происходящим ни здесь, ни там, снаружи. Да ведь и никто не вмешивается. Терпят они или развлекаются? То ли это и в самом деле какая-то вселенская усталость, которая не доведёт их всех до добра...

* * *

- Палаты в этой лечебнице были в нескольких коттеджах, но доктор сначала оставил нас всех в небольшом административном корпусе и пошёл предупредить дочь. Пока его не было, комиссар напомнил журналистам, что это частная клиника особого профиля, что только по его ходатайству им вообще разрешили здесь находиться, что никаких вопросов задавать не разрешается, и что он сам им подробно ответит, когда визит завершится. Камеры тоже были оставлены позади.

Наконец доктор Итон позвонил, и сестра повела нас к коттеджу.

Падди взял довольно шустрый темп, так что сестра не сразу к нему приноровилась, а у самого входа он вдруг шагнул в сторону и жестом направил нас всех вперёд. Да, я забыл... Перед самым отъездом из управления он успел переодеться. Форму и награды он надевал только в торжественных случаях, и сейчас это выглядело настолько необъяснимым, что я и не пытался как-то это оценить. Потом оказалось, что и это не случайно, как и журналистский антураж.

И я увидел её в первый раз.

Ей тогда было двадцать пять. Она сидела, забравшись с ногами на диван, закутавшись в плед, и выглядела очень бледной. Но ни цвет лица, ни какие-то страшноватые серые тени под глазами не могли скрыть её миловидности. Как следует разглядеть её я тогда не успел, потому что дальше всё пошло очень быстро.

Падди решительно вошёл в комнату, захватив у двери стул, сел в самой середине прямо напротив неё и представился. Она не ответила, как-то закачалась и тут же попыталась встать, но запуталась в пледе и упала на пол. Я шагнул было ей помочь – шеф вздёрнул руку и меня удержал. Девушка сама попробовала встать, на этот раз её качнуло к стене и она опять упала. Тут уж отец поспешил её поднять, а она продолжала вырываться у него из рук и кричала какие-то нелепые слова, вроде «Нет!...Нет!» и ещё – «Палач! Мясник!»...

Жуткая была сцена. Комиссар быстро поднялся, вышел, и за ним вышли, конечно, мы все. К коттеджу уже бежали сёстры. Через несколько минут к нам присоединился и доктор Итон. Падди извинялся перед ним, объяснял, что не предполагал, что дела могут быть так плохи и что, конечно, не настаивал бы на встрече, если бы знал. А доктор сокрушённо кивал, но отвечал, что всё успокоилось, и пока она в безопасности.

Надо вам сказать, что я к тому времени уже успел навидаться всяких сцен, и сама по себе ситуация, может, и не так уж была страшна, но что-то в этой девушке меня поразило. А главное – всё вместе вдруг приобрело оттенок какого-то представления, и я никак не мог сбросить ощущение... не то чтобы неловкости, а даже вины, что ли. Не похоже это было на обыкновенную истерику.

Пресса покуривала в сторонке, дожидаясь объяснений. А за углом коттеджа маячила ещё какая-то фигура. Падди спросил. Итон сказал, что это его сын, и позвал его. Это уж было последней каплей, потому что сразу ясно стало, что парень нездоров, неконтактный, а при этом под глазом у него свежий фонарь и губа разбита. На вид ему было лет двадцать. Комиссар попробовал с ним заговорить, но тот только улыбался и бубнил, как немой, показывал, что, мол, упал.

Больше тут делать было нечего, мы отправились обратно. Уже у машины Падди приказал мне задержаться, побывать в городке и выяснить, не появлялись ли там те двое, что привезли дочку Итона в клинику. А мне только этого и надо было.

Уж не знаю почему, но я решил, что с парнем этим можно всё-таки как-то договориться. Мы с ним в конце концов остались там, у ворот, вдвоём, и он всё не уходил. Может, потому мне и показалось, что он чего-то у меня спрашивает – так он на меня смотрел. Других связей у меня здесь не было, и я с ним заговорил, как с нормальным человеком. Спросил, не проводит ли он меня в город. Он без слов взял меня под руку, и мы пошли, но он всё заглядывал мне в глаза, и я вдруг понял, что он хочет знать, что там, в коттедже, произошло – это ведь сестра его была.

Что-то тут меня вдохновило, и я рассказал ему медицинский анекдот про парализованную женщину, которую не могли вылечить, пока не нашлось одно знаменитое светило. Он пообещал её через неделю осмотреть, но потребовал, чтобы перед визитом её всячески накачивали слухами о том, какой он великий и всемогущий. Перед самым его приходом устраивают в больнице почётный караул по всем коридорам, так что она издали может слышать, как он приближается. Он ещё и запоздал нарочно минут на десять. Она чуть не в обмороке. И вот он идёт – двери хлопают, персонал здоровается по пути – она уже чуть не летит навстречу. Дверь распахивается, входит тщедушный такой докторишка и как рявкнет: «Вставайте»!

Она и встала.

Что-то он понял. Во всяком случае, любопытство его я удовлетворил, и он проникся ко мне таким расположением, что остаток дня мы провели вместе. Там, в городке, я много нового узнал о нашем банковском деле, но это долго рассказывать, а самое важное во всей этой истории – не уголовщина.

Короче говоря, уже поздно вечером с помощью этого славного парнишки, который был сильно привязан к сестре, я вернулся в лечебницу и встретился с их отцом наедине. Мне очень важно было убедить его, что я не по должности своей к нему пришёл, а как частное лицо, и что меня очень тронула вся эта ситуация с его дочерью, которую я хотел бы как-то распутать и облегчить. А главное – мне позарез нужно было увидеть её ещё хотя бы раз.

Отчасти мне удалось. Ему тоже было не по себе. Дело в том, что ещё там, в Управлении, Падди успел его припугнуть, намекнув, что и в швейцарском деле не всё прозрачно. А доктор Итон на днях получил крупную сумму в качестве пожертвований от родственников Кристофера Леренна – того самого самоубийцы, и теперь не знал, следует ли ему деньги принимать. Они с дочерью не общались с тех пор, как восемь лет назад он уехал из Лондона, а она вопреки его уговорам, осталась. Ему неизвестно было, не попала ли она за это время в какой-нибудь переплёт. И он не знал точно, убедился ли шеф, что она не в себе. Сам-то он, я думаю, так не считал, но мне показалось, что у них с Падди состоялся какой-то негласный договор.

У меня же только укреплялось абсолютное доверие к Сандре, а в отношении своего шефа, наоборот, росло необъяснимое пока подозрение. Так что я мог пообещать доктору Итону, что разузнаю всё, что возможно. Он, со своей стороны, не возражал против моего посещения дочери, как только она будет в состоянии меня принять.

31.

- Я стал навещать Сандру, как только у меня выдавалось время, и мы быстро нашли общий язык. Я оказался единственным, с кем она могла без всяких оговорок обсуждать особенности своего несчастного дара. Даже тем самым помощником, которого она ожидала найти в лице полицейского следователя и в ком так чудовищно обманулась.

Ей не с кем было советоваться. Она и отцу-то выложила свои догадки сгоряча, только потому, что была в отчаянии и чувствовала себя загнанной в угол. А эти внезапно настигавшие её ощущения опасности настолько захватывали безусловной реальностью, что не оставалось сил просто дожидаться развязки. Она делала то единственное, что было в её распоряжении – пыталась предупредить очередную жертву. И ничего у неё не получалось. Вот это всё она теперь и рассказывала мне по ходу наших свиданий.

Я тоже оказался в трудном положении. Как я уже сказал, с самого начала что-то заставило меня безоговорочно поверить её словам. Но то, что она говорила о моём наставнике, знакомило меня с совершенно другим лицом – полной противоположностью и моим личным представлениям о нём, и его роли главы полицейского управления. Моё служебное положение, да в общем-то и сама жизнь оказывались под угрозой, и надо было вести себя осторожно. Так что получалось, что нам с ней никак было друг без друга не обойтись.

И как если бы всего этого было мало, на меня свалились дополнительные сведения, недоступные уже ни Падди, ни даже самой Сандре Лизе Итон. Там же, в лечебнице, я познакомился с пастором Лереном, братом убитого швейцарца, который от его имени привёз Итону ценные бумаги. То, что он мне поведал, вообще не поддавалось никакому пониманию, но это была исповедь священника, и приходилось ему верить.

Версия Санди была такой. Случайное знакомство с банкиром развития не предполагало. Хотя он и пригласил её в гости, поездка вряд ли состоялась бы, даже несмотря на впечатление, которое произвёл на девушку Леренн. Но внезапно её посетило предчувствие его гибели. Это случилось с ней впервые, и ощущение было настолько живым, что она поспешила воспользоваться приглашением. По мере её приближения к встрече предчувствие становилось всё подробнее, вплоть до того, что она могла бы узнать в лицо убийцу.

Её тепло приняли на вилле, куда собрались несколько близких друзей Леренна. Атмосфера была дружеской, открытой, не предполагавшей никакой двусмысленности. На следующий день они вдвоём отправились на верховую прогулку, где она не слишком складно, но всё же передала ему свои опасения. Леренну, однако, быстро удалось их развеять, да и ей самой в какой-то момент они показались нелепыми. После такого промаха ей неловко было оставаться, а он и не удерживал её, предлагая продолжать встречи, когда ей заблагорассудится. На Санди повеяло холодком, и она немедленно вернулась в Лондон. Через несколько дней стало известно о смерти Леренна. Девушка была совершенно раздавлена.

А спустя полтора месяца ситуация повторилась. Теперь речь шла о незнакомом человеке за тысячи километров от её дома. Сандре стоило большого труда по некоторым приметам установить город, в котором он живёт. Она презирала себя за прежнюю нерешительность, энергия удвоилась, и её хватило, чтобы так конкретно восстановить обстоятельства, что она смогла предупредить этого человека телеграммой, звонить ему из Лондона, уломать диспетчеров и попасть на нужный рейс, прилететь в Филадельфию и, наконец, заранее вызвать полицию. В данном случае её предчувствие включало дату

убийства. Но и в этот раз все её усилия пропали даром. Она успела увидеть только толпу и полицейские машины у здания гостиницы.

Единственным утешительным обстоятельством было, что неподалёку находилась клиника отца. Перестав понимать, что с ней происходит, она бросилась к нему, чувствуя, что вступила в конфликт с какой-то силой, стремящейся уничтожить её таким страшным способом. Она ждала спасения. Надеялась, что в человеческих силах защитить её от того, что её гонит. Но увидела не только свою и людскую немощь, а всё ту же неумолимую, нечеловеческую силу. И у неё ещё хватило духу восстать против неё, попытаться её назвать, заклеймить...

О чём мы с ней говорили? Прежде всего о природе предвидения, разумеется. О том, что это случается сплошь и рядом, гораздо чаще, чем мы склонны это признать. Обычно мы быстро забываем эти проблески, не придавая им особого значения, считая их случайностью. Иногда мы с неприязнью отталкиваем их, как проявление какого-то чуждого враждебного влияния, особенно, если они обещают нам неприятности.

А вот она в какой-то момент поняла, что не должна сопротивляться своим видениям. И даже не особенно задумывалась об их источнике. Пока не обнаружила дважды подряд, что ни сами по себе эти предчувствия, ни попытки вмешаться в ход событий ничего не меняют. У меня тогда были ещё более мрачные предположения – я знал больше, чем она. Но мне не хотелось усиливать её отчаяние. Для неё эта способность уже начинала выглядеть не как дар, а как сущее проклятье.

Мы перекопали массу сведений – оказалось, что существует обширная информация о похожих явлениях. Больше всего это касалось авиакатастроф и стихийных бедствий. Но мало кто пробовал предпринять какие-то активные шаги. Чаще всего дело ограничивалось интуитивными поступками, спасавшими самих провидцев. А тем, кто всё же пытался кого-нибудь предупредить, это никогда не удавалось.

То, что я скрыл тогда от Сандры, свидетельствовало о пагубном влиянии её благих намерений на развитие событий. Оба раза она своими действиями ускорила развязку. Но в любом случае то, чему суждено было случиться, всё равно случилось бы, так что это только добавило бы горечи её положению, и так незавидному.

Но как же ей следовало поступать? Над этим вопросом мы и бились, стараясь отыскать приемлемый ответ, который не выбрасывал бы всех нас за пределы человеческого существования.

32.

Немножко помог нам тот швейцарский пастор, о котором я уже упомянул. С ним у меня тоже была долгая беседа перед тем, как Сандра согласилась, наконец, с ним встретиться.

Я спрашивал его о том же: какие возможности остаются человеку, попавшему в положение, из которого как будто нет выхода. И он отвечал, что ей следует любить свой дар, ту силу, которая ей этот дар внушила, а я должен любить её – и Господь просветит нас обоих. Он, оказывается, тоже старался понять, как можно жить человеку, наделённому светом, подобным тому, который озаряет душу этой девушки. И не нашёл ответа.

А потом он вдруг сказал: «Я не берусь судить о её правоте, может быть, именно так и должно было ей поступать. Но знаете ли вы, что тут есть одна загадка, разрешить которую мне не удаётся. Может быть, вам она откроется. Все мы, близкие Крису люди, давно видели, что он очень плох, что недавняя гибель жены сломила его, и догадывались,

какие мысли он может вынашивать. Но когда нет уверенности, трудно подобрать ключи к человеческому сердцу, да ещё в таком тонком, таком конечном вопросе. И как непонятно было, чего он ждёт, так ещё более непонятным стало, отчего он решился. Но вот явилась Сандра и принесла ему весть об опасности. Я допускаю, что у него могло возникнуть ощущение, что он опаздывает, что событие уже пустило корни в мире, уже является до некоторой степени фактом – как же иначе может человек со стороны знать об этом. Крис по природе своей совсем не был мечтателем. А способ, который он, быть может, обдумывал – это вполне вероятно – оказывается, уже работает. Значит, придумано неплохо. Понимаете, что тогда выходит? Что её искренний, благородный и самоотверженный порыв становится в то же время толчком к окончательному решению. Я не утверждаю, что это так, но это возможно. Во всяком случае, если это правда хотя бы отчасти, не хотелось бы мне, чтобы она догадалась. Но может быть, это должно сыграть какую-то роль в вашем решении».

Он не знал подробностей её второго несчастья, но предполагал, что и тут могло быть нечто сходное. И был прав. Её предвидение совпадало с планом убийц, и она могла бы их опередить. Но неожиданную роль сыграла её телеграмма – она изменила их план, поторопила их. Они следили за этим служащим и наблюдали за его гостиницей. А почтальон навёл их на идею раздобыть униформу и доставить ему ночную телеграмму.

«По моему знанию нашего человеческого несовершенства, - говорил он, - это так похоже на правду. Мы можем обладать сверхъестественной силой и при этом не знать, как ею распорядиться. У нас пока есть только один пример, когда Сын Человеческий знал, как ему поступить со своей великой властью. И мы знаем, что эта власть включала страдания и смертную муку. Но он и не искал совета у людей…».

Вот так мы добрались до самого Иисуса Христа.

А у неё были свои соображения. Она считала, что неправильно себя ведёт. Что всё должно оставаться как есть, и не следует ворошить обломки. И молила Бога только о том, чтобы это больше не повторилось. «Не знаю, за что мне это наказание, - так она говорила, - Но может быть, кто-то сжалится надо мной и перестанет меня испытывать. Этого мне было бы достаточно. Я вот думаю, если лежать так, не шевелясь, не говорить ни о чем, может, меня оставят в покое? С этим и буду жить. Или не буду...».

И мне временами казалось, что это разумный путь. Она ведь ещё и так описывала свои чувства: «Лежу, - говорит, - с самого утра и смотрю в окно. И хочется молчать. И вспоминать молча. Меня как будто отпустило. Я могу теперь вспоминать легко, без всяких судорог, даже без тревоги... Вот вы назвали имя Лерена, и меня что-то толкнуло, но совсем не так, как прежде. Просто ещё один шарик занял своё место в лунке... Сколько вам ещё предстоит услышать! Мне ведь некому больше рассказать...».

Но доктор Итон смотрел на это иначе.

Он полагал, что это какая-то форма депрессии, только без привычных симптомов. То есть, в психике никаких отклонений нет, если не считать отклонением абсолютный, неправдоподобный эмоциональный покой, блаженный кошмар. Её мозг чем-то занят, прокручивает какой-то фильм, который явно доставляет ей наслаждение. И он боялся даже подумать, что произойдёт, когда кончится эта плёнка. Ломал себе голову, чем её отвлечь. Думал даже, что, может, это клиника так на неё действует, что надо увезти её куда-нибудь.

Я к тому времени был уже безнадёжно влюблён и захвачен единственной целью уберечь её от новых наваждений. С её отцом мы тоже пытались разобраться в технике

этого провидческого механизма, и однажды он высказал предположение, что тут действует какое-то синтетическое восприятие, комплекс данных, не связанных друг с другом. А навела его на эти мысли специфика работы Сандры – большое количество людей, ежедневно проходивших перед её газами. Если признать за её вниманием исключительные избирательные способности, можно считать, что она располагала колоссальной информацией. При этом совсем не обязательно, чтобы это накопление оставалось на уровне сознания.

Так оно было или нет – оставалось только испытать. Никакой уверенности в том, что опять вдруг не накатит какое-то видение, не было, но в любом случае выход виделся только один – поменьше впечатлений.

Я увёз её к своим родителям в Вирджинию. Уволился со службы, а она – со своей, но продолжила учиться. И больше мы не расставались. Я помогал ей погрузиться в учёбу – оба мы увлеклись психологией – а она спасала меня от угрызений совести по поводу моего отказа довести бывшего своего шефа до суда. Постепенно напряжение рассеялось. Никаких новых предупреждений не поступало, и вопрос о редких дарах и неспособности человека ими распорядиться отошёл в область отвлечённых размышлений. И ещё я льстил себя надеждой, что моё присутствие в её жизни каким-то образом избавило её от новых мучений. Может быть, вообще конечной целью всех этих её испытаний была наша трудно вообразимая встреча.

Ринни, её брат, с нами ехать отказался и остался с отцом. Его намерения разгадывать было трудно. Мне показалось, он уверился в том, что сестре больше ничего не грозит. И каким-то шестым чувством всё-таки надеялся больше на отца. Мы их время от времени навещали.

Вот, пожалуй, и всё, что я хотел вам рассказать.

- А какова судьба вашего бывшего шефа?

- Этот сюжет будет лишним здесь. Впрочем, если хотите, я как-нибудь передам вам все подробности, а вы напишете новую книгу, обычную, где вам не нужно будет рассчитывать на чью-либо помощь. Это будет ещё одна впечатляющая повесть о людской низости. Кому-то она, наверно, доставит удовольствие. Но я и свою историю предложил вам для развлечения. Как я предупреждал, она ничем не связана с вашими поисками и не требует комментариев. Надеюсь, вы отдохнули, и мы можем вернуться к мировым сюжетам.

Часть V. Боль и нетерпение

33.

Пол уговаривал себя, что не стоит хвататься за голову, в очередной раз изумляясь людской тупости. Но что же делать, если это начинает регулярно повторяться каждый месяц? Только что удалось снизить в городе уровень заражений. По-настоящему эффективного лечения ещё нет, но уже появилась вакцина, которую можно будет начать использовать месяца через три. Хотя они по-прежнему вынуждены ежедневно спасать людей – или наблюдать, как они умирают, но это всё же не кошмарная волна первых месяцев, когда беспомощность сводила с ума. И впереди в определённые сроки можно разглядеть постепенный выход из эпидемии. Но надвигается праздничный сезон – и никакая сила не удержит народ от путешествий к семьям, застолий и новой волны распространения вируса. Отшумел один праздник – кривая заболеваний вновь вздымается вверх. Казалось бы, можно связать одно с другим без всякого ясновидения. Но человек не

желает. Через месяц наступит новый великий праздник – и люди вновь понесут по стране заразу. Даже мужественный губернатор меняется в лице: его строгое и уверенное выражение приобретает металлические черты.

Да, речь идёт не обо всех. Но ровно половина населения отказывается думать и обрекает на мучение остальных, вопреки всем стараниям другой половины. Может быть, они – просто слабая духом половина. Может быть, у них нет будущего. Но о нём они и не помышляют, как будто оно им не нужно. А есть ли оно у остальных?

Ничего на ум не приходило, кроме терпения. Кажется, и Экклезиаст не поднимался до таких поэтических высот. Ближе всего он прозревал наши дела, пропев: «Время молчать, и время говорить». На современном прозаическом языке это звучало бы так: «Время терпеть, и время терять терпение...».

Но потеряв терпение, мы, подобно героине только что выслушанной истории, садимся обратно в ту же лужу. Итак, время терпеть.

* * *

- Может быть, мы льстим себе, называясь человечеством? Это ведь скорее цель, скрывающаяся за всеми разветвлёнными путями цивилизации – более идея, а не скопление homo sapience, и она не может осуществиться без превращения каждой особи в полноценную человеческую личность.

Вот этот нынешний феномен, который представляется как взрыв невежества... Возможно, следует посмотреть на него иначе. Что если это наблюдаемое обострение активности у косной части человечества – не какое-то новое явление, а результат внезапно прояснившегося взгляда другой его половины? Пришедшее наконец понимание того, чем надлежит стать человеку и что именно отличает его от несовершенного состояния, предшествующего взрослению.

Пока человек совершал этот труд урывками и определял понятие личности с помощью второстепенных свойств, сравнивая себя с современником, у которого больше или меньше прав и возможностей в связи с его происхождением, влиянием, расой, богатством или талантом. Явные преимущества казались достаточным основанием и предельной степенью совершенства. Но загадочным образом эта высшая ступень никак не даёт человеку успокоиться и видеть себя единственным и показательным представителем вида. Всегда остаётся ощущение, что должно быть что-то ещё, чтобы завершить восхождение.

И вот сейчас появилась отчётливая возможность увидеть во вздорном и невежественном соседе не противостоящий тебе, отталкивающий образ недоросля, а часть единого, совокупного общества, к которому принадлежишь и ты сам. В этой динамике рождающегося человечества нет строгого разделения на опережающих и отстающих, и даже самым просвещённым не достичь совершенства, пока к нему не приблизятся все. Нет очередного «восстания масс», повергающего умудрённую душу в уныние. То, что представляется сейчас взрывом обскурантизма, можно считать последним препятствием, явным заблуждением, приобретающим всё более отчётливые черты и обречённым рассеяться под давлением самих жизненных обстоятельств.

И нельзя требовать у ближнего, чтобы тот немедленно разделил ваши взгляды. Всякий движется своим путём, даже если это путь лишений, даже если он не близок и не прям. Даже когда в извивах его встречается опасность, грозящая вам обоим. Но это –

единый путь, по которому ты идёшь вместе со всеми – так, как подсказывает совесть, стараясь уберечься от угроз, создаваемых спутниками по их неведению, и поддерживая тех, кто попал в беду.

Риск? А как же! Пока человечество не повзрослело, каждый его шаг будет сопряжён с риском. Если до сих пор, пока мы находились в состоянии раскола, риск оказывался поправимым и в большой мере себя оправдывал, тем больше у нас оснований не страшиться его теперь, когда замаячило ощущение единства – неловкого и насторожённого, но обещающего новые возможности.

- Вы мне напомнили случай из моего раннего детства. Десятилетним бойскаутом я проводил лето в лагере, где помимо других развлечений были и занятия спортом. В тот раз мы занимались метанием гранаты. Инструктор объяснил нам, как это делается – надо было совершить короткий замах из-за плеча. Но я, насмотревшись военных фильмов, где солдаты швыряли гранату из окопа, широко размахнувшись с правой стороны, конечно же, лучше знал, как добиться выдающегося результата, чем этот пожилой, краснолицый, может быть, попивавший ветеран. О чём и заявил. Он пробовал меня урезонить, но в конце концов смирился и предоставил мне возможность доказать свою правоту. И тогда настал момент истины.

Он стоял слева от нас в некотором отдалении. Я совершил добротную солдатскую замашку, но полетела граната не туда, куда ей было положено, а как раз в сторону инструктора. Он едва успел пригнуться, чтобы этот, не такой уж тяжёлый, но всё же весомый снаряд не закатал ему в лоб.

Ощущение стыда за свою наглость не оставляет меня по сей день. Я не думаю, что он сознательно решил преподать мне урок позорной самоуверенности. Скорее всего, ему лень было спорить с молокососом. Но он мог бы заставить меня слушаться, и тогда я надолго затаил бы в себе ощущение собственного превосходства. Возможно, когда-нибудь оно принесло бы мне много бед. А это была простая демонстрация чванства, обречённого на саморазрушение – не спорь с дураком. Дай ему возможность исполнить свой каприз, только будь настороже, чтобы случайно не стать жертвой его глупости. И ты поможешь ему больше, чем могли бы это сделать любые увещевания.

* * *

Иногда приходилось разгадывать, кто вступает в разговор, и было даже весело от этого маскарада, где на всех – одна маска, общее отсутствие лиц и даже голосов.

Это какой-то новый карнавал, далёкий от намерения скрыть имя за причудливым нарядом, чтобы позволить себе вольность, в обычной жизни не поощряемую. Никто из них не намерен был прятаться и не был обуян влечением к шалостям. Многие, кажется, открывали себя гораздо больше, чем это им удавалось в миру. То, что при этом они оставались безымянными, оказывалось своеобразным игровым свойством этого читательского праздника, где каждый укрыт одной единственной маской анонимного участия в беседе.

Конечно, это напоминало и отношения читателей с автором обычной книги, для которого все они остаются неизвестными. Как и друг для друга. Но здесь постепенно появлялось ощущение, что все исподволь влекомы друг к другу какой-то силой и постепенно сближаются. Немудрено, что иногда дело оборачивалось настоящим знакомством.

Возьмётся ли кто-то описать это своеобразное сообщество, объединённое не столько целью, сколько отсутствием взаимной враждебности? Как же изменился мир, если этого изымающего свойства достаточно для уверенного единства. При этом оно остаётся открытым и, по-видимому, привлекательным для любого, кто устал от разливающейся вовне вражды.

34.

- Ваш ободряющий взгляд на расслоение, как я понимаю, самого расслоения не отменяет. Давайте ещё на минуту задержимся на нём. Вы, конечно, представляете себе, какому внушительному числу бойскаутов, включая энтузиастов искусственного разума, предстоит испытать полезное разочарование в своей самонадеянности. И эта многомиллиардная цифра невольно рождает мысль о терпении – не самом распространённом свойстве человека. Вы уверены, что мы к нему готовы?

- Это ведь вопрос не самого по себе терпения, а времени. Время – вот, я думаю, наш двусмысленный противник, который, в зависимости от того, как мы к нему относимся, побуждает нас испытывать нетерпение и наносить раны себе и друг другу, и оно же лечит эти раны одной лишь протяжённостью выжидания. Но что замечательнее всего – мы воочию наблюдаем, насколько оно непостоянно, как произвольно меняет свой темп в зависимости от нашего состояния. Но не от нашей воли. Наше нетерпение заставляет его тянуться медленнее, чем нам хотелось бы, а желание его усмирить, чтобы удержать то, чего нам удалось добиться, ускоряет его бег и вынуждает нас встречать всё новые и новые препятствия. Даже маятник, мерно отсчитывающий минуты, нам не указ, потому что на самом деле он не связан со временем – это всего лишь удобная механическая игрушка, помогающая нам не промахнуться в некоторых сугубо практических делах. Стоит лишь перевести взгляд на его природное подобие – на смену дня и ночи, на звёздные часы и чередование сезонов – и мы вновь впадём в соблазн нетерпения или пропущенных возможностей.

У человека рождается дерзкое желание научиться управлять временем. И не было бы ничего легче, если бы только он не видел время как самостоятельную внешнюю данность, к которой надо найти подход. Но такой данности нет. Время – это продукт его собственной жизни и деятельности. Человек растёт и стареет не потому, что проходит время, а потому что природа предусмотрела его рост и старение. Он же счёл полезным измерять эти процессы годами, назвал их временем и затем обвинил своё изобретение во враждебности к себе.

- Может быть, и так. Но помогите мне оценить своё положение. Допустим, никакого самостоятельного времени нет. Мне только придётся на минутку воспользоваться его мерами – вы уж извините. Всего двадцать лет назад в нашем городе был совершён террористический акт неслыханного масштаба, унёсший в один день жизнь трёх тысяч человек. Это выглядело, как национальная катастрофа, породившая всеобщую скорбь, долгую память и величественные монументы. Сегодня в стране от пандемии умирает ровно такое же число людей – каждый день. И нация безмолвствует. Вы считаете это естественным ходом вещей? То есть, предлагаете мне не связываться со временем и, поскольку это, в отличие от теракта, более или менее природный процесс, предоставить ему идти своим чередом? Или всё-таки это сопоставление единовременного события и его постоянного повторения день за днём должно пробудить во мне нужду вспомнить о времени и такое его течение остановить?

- Но в этом случае речь идёт совсем не о времени и уж конечно не о терпении. Мало будет даже простого сочувствия. Тут необходима способность образного, мифического чувствования, чтобы сердце постигало значимость происходящего и находило в себе силы отозваться с равноценным, эпическим размахом. Мы же, увы, легкомысленно относимся даже к самому простому средству, развивающему в нас такую способность – к искусству. Или это оно медлит обеспечить нас своей помощью... Терпеть – не значит, свернувшись в клубок, пережидать, когда пронесётся буря. Это означает отпустить время, но потратить его с пользой, восстанавливая утраченные способности и прежде всего – способность к образному, чувственному восприятию действительности. Иначе мы не видим, что происходит, и не знаем, как следует себя вести.

- Постойте! Вы обращаетесь ко мне? К тем, кто по-прежнему носит, не снимая и не считая часов, ворох защитной одёжи и, погружая в кому, подключает к аппарату искусственного дыхания мать-одиночку, коллегу-врача, неопрятного алкоголика, тюремного заключённого, богатую знаменитость... и через несколько дней кого-то из них упаковывает в похоронный мешок?

- Да, и ко всем вам. Не стоит горячиться. Ваш скорбный труд – не результат непостижимой небесной кары. Вас вынудили к нему чьи-то порочные шаги и несовершенство медицины. Но ведь вы успеваете ещё и почитать книгу... Соедините всё вместе – это и будет нелёгкой, но вовсе не бессмысленной реальностью.

35.

«Благодарю вас, Пол.

Вы заставили меня подумать о вещах, которые, казалось, не имеют отношения к моей жизни. Не скажу, что пришла ясность, но я больше не блуждаю в потёмках. Если такой поворот соответствует вашим ожиданиям и условиям, которые вы мне совершенно справедливо поставили, буду рад продолжить общение с вами на очередных чтениях или любым другим способом. Не сомневайтесь, что я полон осторожности и терпеливо жду дальнейшего развития событий».

Ваш Владимир Кортни.

* * *

- Нам надо остановиться. Мы слишком уступаем действительности. Даже наш достопочтенный автор, которому мы обязаны своим присутствием здесь, кажется, не устоял против такого соблазна. Видимо, этим влиянием следует объяснять и признание в некоторой утомлённости. Я призываю вас вернуться к первым страницам. К тому удивлению и смятению, которое мы почувствовали, услышав о существовании мировых сюжетов. Это – из тех ощущений, которые каждый может испытать, может быть, раз в жизни – если ему повезёт. И я настаиваю на важности именно такого, обобщающего дискурса, не опускающегося до уровня отдельных явлений бытия. Последние вполне способны нас запутать, замучать и обессилить.

Видимость Великого Расслоения, совместный путь невежества и просвещённости, неразрывная связь терпения и времени или нужда в возвращении образного восприятия мира – всё это предметы значительные, вероятно достойные отдельных исследований, но они не достигают высоты Мирового Сюжета.

Каждый студент, приступающий к изучению квантовой механики – пока он ещё не полноценный физик, то есть, не погружён целиком в свою профессию – начинает с оторопи: «Как это может быть»? Затем, осваивая математические выражения этой теории, он убеждается в их невероятных практических возможностях. Это ощущение могущества вытесняет первоначальное изумление, и он забывает свою растерянность. Ему уже не столь важно, «как это может быть» – важно, что это можно использовать.

Но изумление – важнейшая часть человеческого опыта. Пренебрегать им, ограничиваться решением уравнений, значит пропускать значительную часть опыта – оставаться «неопытным», не ведающим его общего значения. Об этом предупреждали сами создатели квантовой теории. Бор говорил, что если квантовая физика вас не испугала, значит, вы ничего в ней не поняли. А Эйнштейн утверждал, что использование математического аппарата квантовой физики позволяет предсказывать «будущее» с потрясающей – но не абсолютной – точностью, то есть не даёт увидеть его всеобъемлющего значения. Как раз потому, что упущен первый, критический момент.

И не следует ждать помощи от науки. Она совершила немыслимое, установив, что Вселенная обладает сознанием. Большего она сделать не в состоянии. Можно считать, что она легко отделалась, поскольку область интересов её относительно узка, и в этих пределах она выполнила свой долг. Но сам установленный ею факт взывает к объяснению, и наука передала эту обязанность нам. А мы, я думаю, совершаем ошибку, пытаясь в своих изысканиях пользоваться отчасти научными средствами. Тимос – замечательная идея. Но как признавался ещё один гений квантовой революции, уже само наименование – «идеи» – показывает, что их уразумение человеком представляет собой скорее художественное созерцание, полуосознанное предвосхищение, нежели рассудочное познание. И в этом смысле, скажем, волновая функция человека – это привычная попытка приложить полунаучные понятия к явлению, которое требует самостоятельных средств постижения. К ним я и призываю вас обратиться.

* * *

В этой книге не было внешних описаний, и она не воспроизводила воодушевлённой и одобрительной реакции на неожиданно страстное выступление очередного читателя. Но казалось, что именно такой она была и выражалась не в восклицаниях, а в долгих овациях. Немалую роль в такой реакции наверняка сыграла юная часть аудитории. Не помещалась здесь и значительная пауза в речах, вызванная этой дружной демонстрацией поддержки.

* * *

- Мне кажется, я понимаю, к чему вы клоните, но хотелось бы чуть более внятного примера подобных средств.

- Пожалуйста. Хотя я и вынужден буду обратиться за поддержкой к нашему Музыканту. Из-за беспокойства, связанного с неразрешенностью звука, человеческое ухо воспринимает диссонанс как помеху, неудобство, консонанс же, гармонический покой – как нечто прекрасное. Учёный удовлетворяется выводом, что математическое отношение звуковых частот становится источником прекрасного. Но разве это всё, что нам доступно в постижении гармонии?

- Хм! Это очень трогательно, что вы обратились ко мне. Вряд ли я способен в мыслях своих подняться до какой-то общечеловеческой ясности, но готов охотно поделиться личным опытом.

- Да ведь, похоже, именно таков единственно возможный способ. Я готов утверждать, что у нас просто выбора нет.

36.

- Влечение к музыке – неодолимое, не нуждавшееся в объяснениях – я начал испытывать в самом раннем детстве. Осваивать её тонкости и практические навыки мне было легко и радостно. Но только по прошествии многих лет я стал различать её свойства, которыми не могло наградить ученичество. Её творцы – или это была она сама – заговорили со мной.

Одно дело, когда слушаешь хорошо знакомое произведение, которое ты сам смог бы воспроизвести, начав с любой ноты. Здесь это всего лишь вопрос музыкального слуха и памяти. Но совсем другое – когда в неизвестном тебе концерте или симфонии ты опережаешь музыкальное развитие, предугадываешь его. Как будто сам становишься автором, и вы вместе прокладываете мелодический и гармонический путь. Должен вам сказать, что это ни с чем не сравнимое чувство. В эти минуты, а иногда часы – только подумайте, какое сложное сплетение сил вы ощущаете одновременно! Это и душа композитора, увлечённая записью наплывающих на неё звучаний и разделяющая своё вдохновение с вами, и сама стихия музыки, овладевающая вами обоими, и согласное волнение исполнителей, инструменты которых воспринимает ваше ухо, и что-то ещё, всеобъемлющее, касающееся уже не одной музыки, а самого Мироздания, способного родить этот созидательный восторг... Всё время вспоминаю о Бетховене. Это ведь он сказал однажды «Если бы люди услышали мою музыку, они стали бы счастливы»...

Остаётся ли от этого впечатления нечто ощутимое, что можно было бы выразить в формулах, чтобы использовать для каких-либо других целей? Нет. Но с каждым разом в душе укрепляется уверенность в собственной принадлежности к миру, в том, что если кому-то дана возможность так на нас воздействовать, то это под силу и тебе. Мне кажется, такое мироощущение должно тогда исподволь выражаться и в любых других наших деяниях.

Не знаю, должен ли человек искать большего и существует ли для него в этом мире более обширная власть. При этом доступ к ней открыт всегда. Я упомянул только музыку, но ведь благодаря тем, кто однажды могли быть нашими современниками, эти, условно говоря, партитуры могущества в самых разных формах творчества остаются с нами и нуждаются лишь в нашем внимании, чтобы предоставить свои услуги.

Может быть, стоит ещё заметить, что переживание, о котором я рассказываю, совсем не связано со словом. И я думаю, его бесполезно пытаться оформить каким-либо из известных нам способов описания. Но я склонен считать эту его особенность преимуществом, потому что знакомые средства, как мы убеждаемся, окончательного удовлетворения не приносят.

- Вам, однако, удалось всё-таки свои впечатления описать.

- Ну, что же такого особенного я описал? Это всего лишь частный опыт одного музыканта. Я уверен, что любой, его переживший, предложил бы вам своё описание. Это только свидетельство. Сам опыт вам ещё предстоит испытать. Говорит, гностики владели особой, магической речью, чтобы передавать такого рода знания. Но вот у меня есть

приятель, он больше в ладу с другой областью художества. И он как-то поделился со мной своим особым словом о том же впечатлении:

Вот перестанет музыка играть,
и мир опустится в бездонный чёрный хаос.
Когда б мы знали, как все начиналось,
нас было б хаосом не испугать.
Но мы не знаем. Светлые умы,
внушая трепет дерзостью порыва,
дошли до самого Большого Взрыва
(опять о взрывах!), но затем, увы,
проверив чистоту эксперимента,
нам подтвердили, что с того момента
нельзя проникнуть ни на йоту вспять.
А если все же силишься понять,
прибавь преобладанье пустоты
во всей тугой и неприступной тверди,
явь и небытие мелодий Верди
и как недолговечны я и ты...

* * *

Хейди позвонила сама.

Несколько минут они обсуждали её планы совмещать работу в больнице с сотрудничеством в отделе генетики Национальных Институтов здоровья. Поскольку и у него окончательно сложилось представление о будущем профессиональном интересе, она обещала свою помощь. Но с этим Пол предпочитал подождать до конца пандемии. А затем она попросила адрес Кортни.

- Хэйди, вы меня пугаете.

- Я сама себя пугаю. Но на что же вы надеялись? Что я пережду в сторонке и даже взглянуть не захочу на многоумного и красноречивого Ромео, пережившего свою Джульетту?

- Я просто думал, что это должно произойти как-то по-особому. И я очень расстроюсь, если дело кончится односторонним, а то и взаимным разочарованием.

- Так кем вы меня всё-таки воображаете? Женщиной необычайных дарований или простой любопытной клушкой?

- Нет, нет, простите меня. Вам, конечно, виднее.

- Кому-то нужно его поддержать. Мне кажется, что я бы справилась.

- Ну что ж, от всей души желаю удачи.

- В данном случае уместнее было бы пожелание ни пуха ни пера.

- Получайте и его. Но вообще-то он славный парень, так что особенно не запугивайте себя. Ни вас, ни себя он в обиду не даст.

- Я так и поняла.

* * *

Два человека, встретившиеся этим тёплым днём бабьего лета на аллее центрального столичного бульвара, подобно всем окружающим, носили маски. Но особые обстоятельства встречи заставили их рассмеяться ещё до первых слов.

- Я и забыл, что это будет Знакомство, полное защитных мер, - сказал он.

- Да, повезло...

- Просто на всякий случай – я в глубоком карантине, ни с кем не вижусь, так что, надеюсь, опасность не слишком велика.

- Очень хорошо. И всё же придётся потерпеть.

Они сели на скамью – не в двух положенных метрах, но и не рядом, так что им удобно было разглядывать друг друга, не смущая собеседника неоправданной близостью.

- Не помню, чтобы когда-нибудь испытывала такой страх. Пока не устыдилась. Сообразила, что веду себя, как будто готовлюсь к смотринам. Я пробовала понять, о чём вы грезите, и в конце концов сдалась – это за пределами моих возможностей. Так что тут я вам не партнёр и даже не собеседник. Но одно мне показалось более или менее понятным. Может быть, вы попали в положение героини своей детективной истории в самый трудный момент её жизни. И как ей повезло с вами, вам тоже может повезти со слушателем. Если хотите, можно попробовать.

- Спасибо. И вы совершенно правы – бояться нечего. Я за это время вот о чём подумал. Мы все подучились тут чуть более независимому поведению и можем разговаривать, не пугаясь всяких ловушек. Как будто речь идёт о нас и не о нас одновременно. Так, мне кажется, легко отодвинуть на безопасное расстояние все автоматически приходящие в голову тривиальные возможности. Их, скорее всего, просто нет. Стоит ли волноваться по этому поводу? Нуждаюсь ли я в слушателе? Не знаю. Иногда мне кажется, что это до такой степени разлаженный, распавшийся на куски случай, что он не отражает ни одной из важных сторон существования. И значение, которое я ему придаю, говорит в основном о каком-то чрезмерно преувеличенном представлении о его уникальности. Говорят же – если вы не дадите своему прошлому умереть, оно не даст вам жить...

- Это, кажется, не слишком точно сказано. Наверно, не прошлому, а случившемуся. Есть в прошлом события завершившиеся, а есть продолжающиеся, по крайней мере, пока жив хранящий память о них. И – не дать умереть, а согласиться. Не пытаться однажды случившееся переиграть заново.

- Вот-вот, и беда в том, что я никак не могу поставить точку. Мне всё кажется, что это произошло не так, как следовало бы. И я продолжаю прикидывать, что должно было бы случиться, чтобы исчезло это чувство незавершённости. Но дело в том, что, сколько я ни перебираю вариантов, ни один из них не становится полноценным.

Есть, например, самый простой случай, спасающий её от болезни. Всё продолжается, как прежде, и мы мирно завершаем существование судьбой Филемона и Бавкиды. Прорастаем на глазах друг у друга листвой, успеваем попрощаться и становимся деревьями. Такая судьба снимает чувство утраты, зияния, которое уже стало частью её образа и без которого мне не пришлось бы узнать, как необъятно её участие в моей жизни. Можно решить, что я не так уж много потерял бы в сравнении с её продолжающимся присутствием. Но тогда её образ остаётся как будто не до конца исполнившимся.

Другие варианты связаны с разнообразной платой за другой исход. Скажем, моя ранняя смерть, которая спасла бы меня от боли, но при этом передала бы её ей. И, уже зная, чего это стоит, я отказываюсь награждать её таким бременем. Это выглядит, как

бегство. Что ещё я готов был бы потерять во имя того, чтобы она осталась жива? Казалось бы – что угодно. Но на поверку оказывается, что все мои предложения учитывают только моё благополучие, а не то, каким обернулось бы это сохранённое существование для неё. И возвращаешься к единственной безусловной правде – к тому, что случилось с нами обоими одновременно. Это тот самый вариант, который жизнь предложила и исполнила. В конце концов, он представляется самым окончательным, за исключением того, что смысла в нём по-прежнему нет. Ясно, что жизнь не всегда и не ко всем справедлива. Можно было бы даже примириться с этим. Но и в печали по этому поводу хотелось бы уловить хоть какую-то истину.

- А как, по-вашему, могла бы выглядеть справедливость?

- Я всё же думаю, что оба мы не так уж непоправимо много потеряли бы, если б продолжали жить вместе.

- Надеюсь, вы говорите не о предпочтении. То есть, не о том, когда вместо вас это случается с кем-то другим. Но тогда вы восстаёте против самой природы. Это ведь нелепо: она о вас ничего не знает. Она демонстрирует некоторые свои свойства, которые могут оказаться неблагоприятными для вас. Как, скажем, встреча с голодным и сильным хищником. Он ничего против вас не имеет и рассматривает вас только как пищу. При этом есть много средств от него защититься. Точно так же вы уже нашли много способов избежать смертельных заболеваний, но не всех. Так что речь идёт всего лишь о недостаточности ваших усилий. И получается, что вы восстаёте против самого себя, против своей немощи, а рассматриваете её как вселенскую несправедливость.

- Да, вероятно это так. Говорят ещё, что есть способ претворить боль в радость. Хотел бы я знать секрет этой алхимии. Пока ни одно из средств не работает. Или те, кому удаётся этот фокус, не умеют его объяснить.

- Может быть, секрет в том, что нельзя искать избавления от боли в той же чаше, где разместилась боль. Радость не соседствует с болью, она совсем другой породы...

- Можете описать, как это делается?

- А вы у неё не спрашивали?

- Не догадался. Не думал, что понадобится. Теперь она, наверно, уже и не знает. Наши переживания ей больше не важны. Мне помнится только, что, кажется, этим одним она и занималась в своём земном естестве...

- Я понимаю. Может быть, это по силам только ясновидящим. Или искусству. Хотя и его методы доступны немногим. Плоды его прекрасны. И мне кажется, если в полной мере испытывая радость от красоты, сумеешь различить в ней крошечное зернышко боли, можно, наверно, уловить, каким причудливым способом художественное творчество преображает её в радость. Вы вот продолжаете читать – разве это не доставляет вам удовольствия?

- Кстати, а что вы думаете об этом чтении?

- Я мало о нём думаю. Просто проживаю. Немножко опасаюсь, что рано или поздно оно прервётся, и, наверно, останется какая-то пустота, чуть-чуть напоминающая вашу. Но ведь это как раз из тех событий, которые с нами случаются. А вместе с тем в них всегда есть и то, что продолжает существовать. Разве нет?

- Даже более того. На этот раз, возможно, продолжит существовать наше знакомство. Отношения с Полом. Вообще, все эти люди... Представляете, насколько проще было бы, если бы мы с вами сейчас находились в их компании, а не в этом опасном уединении?

- Да, пожалуй. Но это, как вы сказали, ещё и школа независимости. Вообще, это, конечно, диковинное что-то. Не представляю, как такое оказалось возможным и откуда на нас свалилось. Мальчик этот, между прочим, тоже немало меня удивил. Но это, пожалуй, преждевременная тема.

- Не хотите говорить?

- Давайте подождём. Я ещё не уверена, что тут есть что обсуждать. Если вы не против, я бы послушала, чем вы занимаетесь.

- Я расказывал, что Сандра изучала психологию и я тогда к ней присоединился. Это, собственно, интересовало меня с самого начала. Моя первая служба была своего рода практикой, я не собирался всю жизнь работать в полиции. Вот это и стало моей профессией. Хотя часто приходится консультировать бывших коллег. А вы?

- Я – врач.

- Ах вот как вы с Полом нашли друг друга.

- Да. И всё равно случайность. А дети у вас есть?

- Двое.. Маленькие ещё – шесть и восемь. Сейчас ими в основном моя мать занимается. Вот ведь, видите, какая глупость получается. Как будто они потеряли и мать, и отца. Этот провал означал гибель того существа, которым мы с ней стали соединившись, и нам следовало уйти вместе. Того меня, который некогда существовал до встречи с ней, давно уже не было в живых. Для того чтобы родиться ещё раз в каком-то неведомом третьем качестве, не может быть повода, равнозначного нашей встрече. И никто не сумеет мне объяснить, какой смысл в продолжении моего существования. Первое, что приходит на ум, это забота о дочерях. Я и забочусь, хотя предпочёл бы, чтобы у них был отец, а не человеческий механизм, обеспечивающий им житьё. Разумеется, это потеря для всех троих, но их утрата – другого рода, вины моей тут нет, исправить я ничего не могу, а им, возможно, ещё предстоит встреча, подобная моей...

- Вы опять что-то слишком озабочены собой. Я уверена, что в ваших силах предоставить девочкам возможность в полной мере пережить все эти ощущения.

- Я постараюсь.

- Хотите меня с ними познакомить?

- А вы разве согласились бы?

- Почему же нет? Или вам снова мерещится воссоединение семьи?

- Ну что вы, что вы! Я просто думаю, что вам ни с какого боку не пристало ни с того ни с сего обзаводиться знакомством с чужими детьми.

- Такое впечатление, что все знают обо мне больше, чем я сама – что вы, что Пол...

- Нет, это было бы чудесно.

- Вы не обижайтесь на меня, но давайте я вас прямо спрошу. Вот мы с вами разговариваем, и что – вам кажется, что она как-то здесь присутствует?

- Нет.

- Ну, слава Богу. Я беспокоилась о вас. Мне было бы жаль, если бы вы оставались в заблуждении. Того, что вы пробовали описать в своём письме, нет. Не бывает. А бывает другое – то, что вы всем нам рассказывали. То, с чего я начала. Ей в нужный момент встретились вы. Вам тоже может кто-то встретиться. Может быть, это буду я, но ничего нельзя повторить или продолжить. И если что-то случается, то совсем иначе. Никаких следов из прошлого сюда протянуть нельзя. Существует ли для вас возможность каких-то новых отношений... Вообще-то, это, наверно, бывает. Вы же не старик... Но с вашей прежней жизнью тут никакой связи быть не может.

- Да. В этом всё дело. Вы совершенно правы. Ни о каких новых отношениях я и не думаю: это была бы дикость какая-то. Но откуда вы всё это знаете? Вы встречались с чем-то подобным?

- Нет, ничего похожего. Обычная ошибка, не стоит даже упоминания. Но чему вы удивляетесь? Это же такая естественная вещь. Вы просто сбились с толку, хотя и причины у вас были не как у всех нас. А о девочках своих не забывайте – моё предложение остаётся в силе.

- Чего бы я хотел больше всего, это чтобы вам повезло так же, как мне.

- Посмотрим. Может, ещё повезёт. Вы будете первым, кто об этом узнает.

Они продолжали разговор, уже не отягощённый никакими посторонними, лишними предметами, пока она не извинилась, объяснив, что её ждут в больнице, и не попрощалась с ним, попросив не провожать её к машине.

Он смотрел, как она уходит вдоль аллеи, минуя других, шедших навстречу, и обгоняя тех, кто двигался медленнее, и в душе его занималось ещё необъяснимое волнение. Осталось что-то невысказанное в этой встрече, находившееся за пределами всего, что они так хорошо сумели друг другу объяснить. Что-то, касающееся его одного, чего ей не нужно было знать.

Он любовался ею. Вот что возвращалось к нему – единственное из всего утраченного, что, оказывается, могло продолжить существование.

Он никогда не переставал любоваться своей возлюбленной. Это не было связано с чувством владения или преимуществом перед другими – у них была ровно такая же возможность. В эти мгновения счастье состояло лишь в том, что она живёт на свете. Даже не видя её, он не терял этого чувства, потому что глаза не давали обмануться и надёжно возвращали её облик при каждой встрече. Теперь они растерянно искали её и не могли больше найти. Он знал, почему.

Отнято было всё. И всё оставалось, может быть, ещё острее переживаемое, кроме одного – того, что не способны были увидеть глаза. Но как прежнее восхищение было беззаветным, и он чувствовал себя не собственником этой красоты, а лишь благодарным созерцателем, так и теперь эта чужая женщина беззаветно дарила ему право собой любоваться.

Это и было тем новым, что с ним случилось. Никак не касаясь прошлого, оно восстанавливало с ним прочную связь, которую теперь уже ничто не могло разорвать.

Только глаза. Не руки, заключавшие в объятья, не её голова у него на плече, не губы, встретившиеся в поцелуе – всего этого было у него с избытком, и ему хватило бы сил перенести такую потерю. Непереносимым было безвозвратное исчезновение услады глаз. Попросту говоря – само присутствие её в этом мире.

Но вот в поле зрения возник новый образ, вернувший позабытую способность любования. Могла ли в этом облике предстать какая-то другая женщина? Может быть, и могла, но это уже касалось необъяснимого выбора, который однажды привёл его к той, ставшей и остававшейся единственной.

Он вспомнил удивительный финальный кадр из фильма «Кордебалет», когда после мучительной истории отношений режиссёра и талантливой актрисы она упрашивает его дать ей работу в пустяковой роли одной из танцовщиц в массовке. И вот мы видим её, выполняющей рутинные синхронные движения среди нескольких десятков неотличимых друг от друга лиц. Камера медленно отъезжает, и глазам предстаёт расширяющаяся панорама одинаково одетых фигур, всё увеличивающихся в количестве, образующих

единообразную танцевальную пантомиму... И внезапно ловишь себя на том, что не можешь оторвать глаз от этой единственной фигурки, уже влившейся в общую массу, ставшей крошечной и ничем не выделяющейся, но продолжающей светиться той особой прелестью, которой одарило тебя знание её судьбы. Она делает точь-в-точь то же самое, что и танцующие справа и слева от неё, а они так же хороши собой, как она, но какое-то неуловимое чувство не оставляет сомнений в том, что все они просто способные профессионалы, а она обладает редким даром.

Чувство, предшествующее влюбленности и независимое от неё. Оно остаётся навсегда, и самое глубокое родство и близость не отменяют этого первого изумления, которое возвращается вновь и вновь, как запечатлевшееся легчайшее воспоминание о вечно странствующем образе любви, ещё не разводящей по отдельным союзам, а иногда и не требующей уединения.

Как будто возвращалось потерянное, без чего он не находил себе места. И это возвращённое принадлежало ему одному. Теперь, даже не встречаясь с ней, только зная, что она где-то продолжает свою жизнь, он мог вновь время от времени испытать радость, просто оттого, что есть на свете существо, дающее возможность собой любоваться.

И всё же для этого нужно было сначала хоть однажды её увидеть.

Часть VI. Другие пределы.

37.

- Одному из читателей достало мужества нас одёрнуть и пристыдить. И поделом. Есть, правда, объяснение нашей слабости. О действительности мы, по естеству своему, знаем больше, чем о ещё не ведомом, даже когда оно уже витает над нами. А пробуя его вообразить, вынуждены пользоваться знакомыми приметами.

Но ведь это не означает, что нам следует ими удовлетвориться. Вот и музыка утверждает, что у нас в запасе есть много других средств, и вялость наша становится подозрительной. Если собрать внимание, каждый сумеет и в опыте своём не только обнаружить предметы, выходящие за пределы уже знакомого, но и назвать их.

- Уж не заговорили ли вы об ощущении напряжённо живущей Вселенной, без которого мы обходимся? Она не напоминает о своём существовании ни глазам, ни ушам... А хорошо было бы не забывать о её постоянном присутствии. Это – дружественное присутствие, бескорыстное, готовое прийти на помощь, терпеливо ждущее распоряжений. Только наш убогий мозг и растленная воля удерживают эти силы от того, чтобы развернуться во всю свою созидательную мощь. Может быть, и мировые сюжеты берут своё начало в этой напряжённой потенции.

Вы намекнули на личный опыт... У меня на столе всегда под рукой лежат два небольших магнитных столбика. Когда накатывает уныние, и жалкие обрывки веры в существование непостижимых высших сил уносит ледяной ветер суеты, я беру в две руки эти кусочки твёрдого вещества и осторожно подношу их друг к другу, повернув одинаковыми полюсами. Именно так – разные полюса быстро и решительно заставят их сомкнуться, но силу отталкивания одинаковых полюсов можно при некоторой ловкости продолжать ощущать некоторое время, удерживая магниты в относительной близости. И если несколько секунд собственными руками ощущать сильнейшее воздействие этой взаимоотталкивающей, абсолютно невидимой и неизвестно где существующей энергии, вера твоя начинает постепенно возвращаться, а уныние рассеивается...

Всё, на что мы оказались способны до сих пор – это робко потревожить эти силы,

чтобы обзавестись бомбой, которую никто не собирается больше использовать, и обеспечить себе расширенный обмен информацией. И тут же начали заполнять все открывшиеся каналы абсолютным мусором.

Вместо того чтобы просто глазеть на разворачивающуюся перед нами действительность, вяло реагируя на неё своими умозаключениями, надо бы присмотреться к ней, уже зная, что она содержит в себе гораздо больше, чем встречает твой ленивый взгляд. Она может одарить множеством новых, неведомых впечатлений и, возможно, откроет другой ландшафт.

- Хотите ещё один пример? Есть образ, очень отчётливый. Напоминающий даже то, что здесь с нами происходит. Я его увидел и услышал однажды, задолго до книги.

В некоторых профессиях бывают особые мучительные сновидения. Актёры, например, мне рассказывали, что им снится иногда тревожное состояние перед самым выходом на сцену, когда они ясно сознают, что не помнят ни слова из роли, которую вот сию секунду надлежит начать. Мне тоже знакома похожая пытка – это из моей бывшей службы на радио. Станция была международная, многие материалы сначала переводились на язык страны, на которую велось вещание.

И вот вообразите: ночь, в огромном, шестиэтажном здании, которое растянулось на целый квартал, продолжается работа. Станция вещает на все временные пояса, так что действует круглые сутки. Но сейчас её просторные, освещённые ярким светом коридоры пустынны – ночная смена немногочисленна. В одной из студий начинается часовая передача прямого эфира, её открывает десятиминутный выпуск новостей, за которым последует заранее записанная программа. В связи с экономией средств передачу ведут всего двое: чтец у микрофона и радиооператор за стеклянным экраном. Сама программа являет собой простейшую форму радиовещания, но в этот раз с первых же минут начинаются непреодолимые трудности. Вместо стопки стандартных листов с чисто отпечатанными новостями перед чтецом лежит ворох разрозненных клочков с заметками, написанными от руки разным, но равно неразборчивым почерком, без начала и конца, и газетные вырезки без заголовков, частью устаревшие, которые, прежде чем читать вслух, надо ещё перевести. А в эфире уже звучат позывные радиостанции и короткое музыкальное вступление. Ведущий представляется, объявляет название передачи в целом и десятиминутный выпуск новостей – что не составляет труда, это почти автоматические действия. Затем он пытается прочесть в микрофон один из рукописных листков, вынужден раз-другой запнуться и, наконец, останавливается. Время неудержимо движется вперёд. В эфире – пустота. Радиооператор в данном случае ничем помочь не может.

Можно запустить ещё одну музыкальную заставку, вновь повторить – какую радиостанцию и передачу люди слушают, назвать своё имя и сказать, что выпуск новостей продолжается, и за эти считанные секунды попробовать найти клочок, в котором удастся хоть что-то разобрать, или актуальную вырезку, поддающуюся плавному переводу с листа, и сделать новую попытку. Но она неизбежно завершается беспомощным тревожным молчанием.

Ничто не продолжается, кроме длящегося времени, наполненного едва слышным гудением аппаратуры, шорохом перебираемых листков и постепенно обретающим голос неземным, воющим бессилием передатчиков и множества ретрансляционных станций за тысячи километров отсюда произвести нечто, напоминающее речь, мысль...

Весь дом и его обитатели перемещаются в какое-то особое пространство, небытие, ибо существование их, государственно организованное, высоко оплаченное и глубоко

укоренённое в вещественной реальности, лишается всякого содержания.

Окончательный, леденящий ужас всему этому придаёт то обстоятельство, что после краткой растерянности никого из участвующих в этом процессе бессмысленность его особенно не тревожит. Даже сам ведущий, попав в крайне неловкое, постыдное положение и всеми силами пытаясь выйти из него, в конце концов смиряется. Не его вина, что он в этом положении оказался – он не готовит новости, его задача сводится только к их чтению. Он твёрдо решает тщательно своими руками проверить все материалы к следующему выпуску...

А тем временем открытый эфир воет на весь мир своим безмолвием, яростно требуя у присутствующих чем-нибудь его заполнить; открыты все каналы у терпеливо дожидающегося конца смены радиооператора; ведущий судорожно пытается извлечь хоть крупицу связной информации из вороха никчёмных клочков бумаги, а время выпуска едва перевалило за половину...

Вполне возможно, что никто не сидит у радиоприёмника в этот час. Но если вообразить тех, кто всё же ищет сведений о происходящем в мире, можно представить, как на седьмой-восьмой минуте молчания, разразившегося после оборванной на полуслове фразы, но сохраняющего случайные звуки студии, уловленные открытым микрофоном, и потусторонний гул бешеных немых радиоволн, как у слушателя начинают шевелиться волосы на голове. Он слышит Вселенную, негодующую по поводу легкомыслия и небрежности человека.

Мне показалось, что затеянная нами антреприза – в тех промежутках, что не заполнены словами – чем-то напоминает это непрерывное требование Мироздания принять в нём участие.

* * *

- Да. Вот, хочу доложить. Поправился я. И теперь решил, как только пускать начнут, съездить в Бразилию – вот в то место, о котором тут говорили. И книжечку с собой заберу, но вообще хотелось бы на всех вас посмотреть. Вы теперь для меня все такие особые, как на картинке «Тайная вечеря». Там, правда, женщин, кажется, не было. И был один предатель. Среди вас-то предателей нет, я уверен. Так что вот. Если решите живьём собраться, не забудьте оповестить, и можете на меня полностью положиться – тут же прискачу.

* * *

Горстка уединившихся душ. Хотя – нет, откуда он знает, как велика эта горстка. Обнаружилась же вдруг несчитанная компания юных, жадных до знаний, но ещё не готовых делиться собственными. И все они чего-то ждут.

А ведь если попробовать определить, чем люди занимаются всю свою жизнь, придётся признать, что всё, что они делают, связано с ожиданием. Даже когда ставишь себе какую-то цель и совершаешь некоторые действия чтобы её достичь, обстоятельства, которые приходится в связи с этим преодолевать, всё ещё не дают ощутить уверенность в результате, и большую часть времени мы всё-таки ждём, чем это противостояние окончится.

Когда отдашь себе ясный отчёт, на что уходит львиная доля твоего драгоценного, такого короткого времени на земле, и вспомнишь, что в твоём распоряжении находится необъятная кладовая, собранная человечеством, может быть, и сообразишь, что в самый раз воспользоваться этим бесплодным ожиданием для развития познавательных способностей. Одни одарены талантом пополнять эту кладовую, другим дарована свобода пользоваться её сокровищами. Дела – делами, а судьба – судьбой. И даже не завершив всех дел, но и не растратив свободных минут, можно покидать этот мир в светлом ощущении, что не израсходовал свою жизнь впустую.

38.

- Вы обратили внимание, как бойко мы стали пользоваться понятием «человечество», притом что оно незаметно приобрело новое содержание? Совсем недавно при упоминании о человечестве в воображении возникало лишь наше непосредственное окружение, а семь-восемь миллиардов остальных существовали где-то в документах, но настоящего образа не имели. Даже сравнительно недавно возникшая лёгкость перемещений по миру могла на время добавить к этому окружению ещё пару сотен лиц, но человечество как таковое оставалось совершенно абстрактным числом.

И если как следует подумать, можно понять, что это внезапно родившееся представление о реально существующем многомиллиардном человечестве было вызвано не практикой повсеместных и быстрых коммуникаций, а самой идеей этой сети, охватившей мир и легкомысленно названной «паутиной» – идеей, в сущности, отвлечённой и эфемерной, плохо поддающейся зримому восприятию. Вот вам ещё пример, что идеи могут работать сами по себе, без всякого прикладного математического аппарата.

- Слушайте, можно я вас отвлеку на минутку? Я что-то забеспокоился. Всё время продолжает звучать эта строчка: «Вот перестанет музыка играть...». Вся эта электронно-вездесущая паутина – такая хрупкая, ненадёжная вещь! То и дело что-то выходит из строя, теряется, пропадает по ошибке или небрежности – не ты ведь, в конце концов, всем этим управляешь. Как же быть, если однажды, открыв планшет, обнаружишь, что нет никакой книги? И даже того, что уже успел прочитать, явно случившегося – тоже больше нет? Надо хотя бы это скопировать и сохранить на бумаге, так будет надёжнее.

- Это уже сделано. Я слишком вами дорожу, чтобы не сохранить подробности наших встреч в надёжном месте. Может быть, они и в самом деле составят когда-нибудь обыкновенный печатный том, где все вы будете перечислены в качестве соавторов.

- А хотелось бы всё же узнать, в чьём персональном владении находится это наше совместное существование. Мы живём как ни в чём не бывало, не чувствуем никакой угрозы, а нашими встречами, такими вольными и ничем не ограниченными, владеет какой-то цифровой могул. На всё, о чём мы толкуем, ему наплевать, и по какой-то посторонней причине он может в момент наши бдения оборвать.

- Да, в этом случае обложка захлопнется. И нам придётся удовлетвориться тем, что уже наболтали. Вот только где мне тогда всех вас искать, чтобы внести в список авторов? Может быть, среди тех, кто по-прежнему ходит в книжные магазины и покупает бумажные издания? Просто постояв у стенда с новинками и понаблюдав за интересующимися. Так и видится мне, что всех нас туда рано или поздно затянет.

- А мы ещё клянём искусственный разум – что бы мы без него делали? Но особенно не волнуйтесь. Вы – в надёжных руках. Пока, насколько мне известно, никто не посягал на ваши права и свободу.

- Откуда известно? Уж не вы ли тот самый хитроумный оператор, который владеет всей этой системой? И не вам ли мы обязаны её существованием?

- До некоторой степени. Но даже если что-то случится со мной, есть у вас и другие доброжелатели, которые не дадут вам пропасть.

- Как же вы ухитрились...

- Неважно. Слишком много технических подробностей. Они заняли бы много времени, а вам вряд ли бы что прояснили. Мне показалось, что я угадал намерения автора, и захотелось его поддержать. Только и всего. И прошу – не возлагайте на меня каких-то особых привилегий или полномочий. Если не я, нашёлся бы кто-то другой. Кроме прочего, главное из того, что здесь происходит, располагается за пределами моей компетенции, я могу обеспечить только продолжающийся обмен новыми главами. Но до самих ваших бесед не смогут дотянуться ни одни руки, так что вам и тут ничего не грозит.

- А вы, бесстрашный автор, всё-таки мечтаете со всеми нами познакомиться?

- Раз завелась такая мыслишка, теперь от неё не избавиться. Но кажется, это не просто мечта. Наверно, нужно было такое предвидеть. Вы уже почти обращаетесь друг к другу, норовите выскочить из пространства книги.

- Я пока никуда не собираюсь. И вы так легко от меня не отделаетесь.

* * *

Обычный день. Открыв книгу, Пол видит пустую страницу, и им овладевает паника, мгновенное ощущение необратимой утраты. Он инстинктивно возвращается на предыдущую страницу...

«...- Я пока никуда не собираюсь. И вы так легко от меня не отделаетесь...».

Легко ей было это сказать!

Оказывается, отделаться можно разом от всех.

Только сейчас становится ясным, до какой степени книга стала необходимой частью существования. И это чувство наверняка испытывают сегодня все до одного участники проекта. Но они так и не успели узнать друг друга, и теперь не у кого выяснить, что стряслось.

Пустая страница кричит, как смертельно раненый зверь. Но странно – именно этот крик, как и само явление всё ещё присутствующей, хотя и замолчавшей книги, оставляет слабую надежду, что это ещё не конец.

Причиной провала могло быть только необъяснимое отсутствие автора. Ни у кого больше не было возможности создавать этот текст для всех или вписывать в книгу свои монологи, каким бы загадочным образом они ни рождались. Значит, что-то случилось с одним этим человеком, о котором они не знают ничего, кроме оставленной им в наследство мысли о новом Мировом Сюжете.

Пол тоскливо перебирает тех, за кого можно ещё удержаться. Одинокий Владимир Кортни... Впечатляющая Хэйди... Это драгоценные связи, но разве можно их сравнить с магией ежеминутно обновляющегося чтения? И разве в их силах эту магию восстановить?

Он вспоминает, что с каждым новым отрывком прибавлялась уверенность, что это непонятное место, где, собственно, и протекает беседа, на самом деле существует. Уже не

так важно было определить его буквальное расположение. И всё равно было, когда очередной кусок беседы случился – он знал, что, вновь открыв книгу, наверняка найдет его описание. Но как же теперь в это место попасть? И куда делось неожиданное чувство свободы, которое он испытал перед встречей с доктором Джи?

Пока больше ничего не остаётся, кроме как взять себя в руки и посмотреть, не принесёт ли облегчения завтрашний день.

39.

«Дорогой Владимир.

Теперь я вынужден обратиться за помощью к вам.

Вы знаете, конечно, что случилось. Но, кажется, не всё потеряно.

Мне была доставлена анонимная посылка с некоторыми материалами и следующим посланием:

«Обстоятельства, о которых мне не хотелось бы говорить, заставляют меня позаботиться о передаче дела своих рук. Вы единственный из компании, чей адрес я смог отыскать в связи с вашим давним интервью. По счастливому совпадению вы оказались первым, кто рискнул принять участие в этом приключении – стало быть, вам и карты в руки.

Надеюсь, вы не только разберётесь в том, что я вам посылаю, но и отыщете в себе силы и способности продолжать книгу. Есть у меня и подозрение, что кого-то из участников наших бесед привели вы, и значит, у вас будет к кому обратиться, если сами не справитесь.

Благодарю вас всех за отраду, которая была доставлена мне вашим горячим участием в этой странной авантюре, и желаю благополучного дальнейшего путешествия».

Вы понимаете, о чём тут идёт речь и насколько всё это важно.

К несчастью, я сознаю, что, при всём желании, с моей стороны было бы опрометчиво взять на себя эту задачу. Я не уверен, что обладаю особой проницательностью автора, и уж наверняка не сумею уделить этому делу необходимое для него время. При этом что-то внушает мне, что вы – более подходящая для него персона, и что вам, может быть, больше, чем кому бы то ни было, оно придётся по душе.

Если я не ошибаюсь, давайте встретимся, и я передам вам всё, что получил, из рук в руки. Я не могу позволить себе доверить это наследство почте.

Пол».

* * *

- Я спешу успокоить уважаемое сообщество, хотя это сообщение ещё нельзя считать буквальным продолжением книги. Несколько беспокойных дней были свидетельством нашей общей утраты – нашего автора больше с нами нет. Он успел, однако, позаботиться, чтобы мы не остались без книги. Мне выпала честь занять его место, но боюсь, что понадобится ещё некоторое время, чтобы правильно понять намерения автора и не обмануть его ожиданий. Так что подождите ещё немного, и я обещаю вам, что в считанные дни чтение продолжится.

- Какая печаль! Я предлагаю сначала отдать необходимые почести бедному автору. Неужели нам так и не суждено узнать, кто этот человек?

- Увы, у нас не осталось никаких его следов. Но и ему ничего не было известно о нас, и здесь кроется какая-то загадка. Возможно, ей нам и следует посвятить оставшееся время, но я не хотел бы делать поспешных выводов, пока не познакомлюсь целиком с посланием, которое он оставил одному из нас. Моё поспешное сообщение продиктовано лишь необходимостью не оставлять вас в неведении.

И ещё одно. В своей прощальной записке Автор благодарит нас всех за горячее участие в этой авантюре и желает благополучного дальнейшего путешествия.

* * *

- Мне нужен ваш совет, - сказал Владимир Кортни.

Большинство деловых встреч в городе всё ещё проходили в помещениях офисов, хотя они и предусматривали определённые средства защиты. Но два врача и их приятель предпочитали свежий воздух. Во дворе ли больницы, в близлежащем ли парке, на аллеях ли центрального столичного сквера или как сейчас – на просторной и пустынной территории мемориального Сада царя Давида с широко разбросанными по пологим холмам могилами, их слова не отражались от закрытых стен, не сталкивались друг с другом и свободно уплывали в пространство. Как низкие, трубные голоса канадских гусей, стая которых опустилась на поляну неподалёку, или взгляды, которыми обменивалась группа оленей, переходя автомобильную дорогу, пересекавшую кладбище.

- Я чувствую себя не то шпионом, не то заговорщиком, - сказала Хэйди, - Вы не считаете, что нам троим пора открыть, что мы знаем друг друга? А вам – объявить себя новым автором?

- Не вижу, как это могло бы усовершенствовать чтение, - отвечал Владимир Кортни, - А двусмысленность нашего положения как раз соответствует пока общей неопределённости. Вдруг ей предназначено сыграть в будущем какую-то неведомую роль? Подождём. Рад вас видеть, Хэйди. Надеюсь, у вас всё благополучно.

- Всё хорошо, спасибо.

- Сначала вам нужно прочесть вот это письмо, которое получил Пол вместе с остальным, прежде чем всё передал мне.

Это заняло меньше минуты.

- Вы помните, был момент, когда речь зашла об усталости? – сказала Хэйди, - И именно он первым об этом заговорил. Наверно, это был первый сигнал о каком-то неблагополучии. Но мы не услышали.

- При этом он всё время намекал на возможность встречи – не настойчиво и даже не слишком одобряя эту идею. Как будто ждал, чтобы мы сами проявили инициативу. А мы сопротивлялись. Вы-то, Хэйди, просто прямо отказывались.

- Мне казалось тогда, что это лишнее.

- Пол, вы подробно рассмотрели всё, что было в пакете?

- Нет. Я начал с письма, а потом, когда понял, что мне не справиться с поручением, уже не стал копаться в остальном. Вы нашли что-то важное?

- Нашёл. И это совершенно сбило меня с толку. Сначала мне казалось, что можно просто продолжать встречи, начав с последней темы, на которой повествование оборвалось. Что-то о напряжённо живущей Вселенной и о её требовании к нам принять в этой жизни участие. А попутно – о новом, более реальном понятии человечества. Но кроме письма и книжной матрицы там оказалась отдельная небольшая новелла. О ней не

упоминается в письме, и каковы были намерения автора в её отношении, остаётся непонятным. У него была возможность самому этот текст обнародовать – либо как часть наших дискуссий, либо отдельно. Но по какой-то причине он этого не сделал. Следует ли это сделать нам и этим продолжить чтение? А может быть, этот текст предназначен быть последней, завершающей главой?

- Ну, я же говорю – заговорщики. Почему мы должны это решать? Расскажите об этом всем, они и решат.

- Пол, вы тоже так считаете?

- А что за текст?

- Это составляет вторую, ещё более сложную проблему. Вы, может быть, помните, что в последней нашей беседе упоминались гностики и тайны древнего магического повествования. Заглянув в этот новый текст, я был поражён тем, насколько необычен стиль изложения, и у меня возникла догадка, что, может быть, всё с самого начала было уловкой. Что вовсе не Мировой Сюжет был целью нашего автора. И хотя почти все предметы обсуждения вызывали интерес и казались важными – я бы даже сказал, что они рождали немалое воодушевление, особенно у тех, кому они лично близки – всё, о чём мы говорили, не имеет никакого значения. Пустая страница должна были сделать это для всех нас совершенно очевидным. Неужели вы не испытали в эти дни растерянности? Вас не поразило, как вдруг накренился мир? Как будто в жизни остановился какой-то важный процесс, и она стала неполноценной. Но что, по-вашему, оказалось пропавшим?

- Я бы сказал, что жаль стало именно воодушевления, о котором вы упомянули. И своеобразного родства. Сам предмет бесед действительно был не так уж важен, но тот неуловимый механизм, который способен был вызвать такое воодушевление, меня, по крайней мере, снабжал расширенным ощущением собственной силы и значения. Удивительное, почти неземное ощущение.

- Знаете, что всё это мне напоминает? Науку завораживающих речений, которой владели и которую проповедовали гностики. А можно вернуться ещё дальше, к древним грекам, когда наука ещё не отделилась от поэзии, особые формы которой и были единственным и самым прямым способом передать истину.

- Но такое обращение к прошлому как будто выглядит прямо противоположным намерению нашего предводителя.

- Мы ведь не знаем, каковы были его намерения? Может быть, именно сюда он и намеревался обратить наше внимание. И воспользовался лукавым приёмом, как раз в манере древних провидцев. Надо сказать, что он весьма преуспел, заморочив нам голову проблемами современности – не без нашей активной помощи, конечно. Внезапно грянувшая пауза должна была раскрыть нам глаза на второстепенность предмета нашего внимания. А эта упомянутая новелла, может быть, как раз и намекает на его истинные намерения.

- И каков же, по вашему мнению, настоящий предмет?

- Я толком не знаю. С первых слов это похоже на начало вещи художественной, но требующей особой сосредоточенности. Её нельзя читать на ночь или для отдыха.

- Вы всё ещё в плену своих потусторонних видений? Поэтому вы заманили нас в это печальное место?

- Что же здесь печального, Хэйди? Посмотрите вокруг. Это вы – в плену надписей и надгробий. А на самом деле, если вы оставите внешние признаки их прикладной сфере,

увидите, что здесь царит покой и Вечность. Но – да, позвал я вас сюда не случайно. Первое имя, на котором я споткнулся в его тексте – Персефона. Вы знаете, о ком речь?

- Ну, более или менее. Царица подземного царства? Царства мёртвых? Женщина, однако...

- И, как я понял, мы ничего о ней не знаем. И все эти темы, которыми, как мне казалось, можно было бы продолжать чтения, показались мне вдруг такими никчёмными. Он сумел изъять нас из назойливой действительности и отвести в сторонку. Создал для нас уединение под видом интенсивного обмена мнениями. Сама возможность такого невозможного сообщества взывает к двойному видению. Обычно всё, что мы слышим или читаем, предназначено развлекать, доставлять удовольствие, информировать или воодушевлять. Мы всегда рассчитываем, что это что-то нам даст. И всё оказывается недостаточным. Берём в руки книгу, назавтра откладываем её и идём дальше. Эта книга не предлагает ничего подобного. Информация, заключённая в ней, важна и вполне достоверна. Но все подробности в ней представляют собой уловку. То, что она предлагает – это убежище, где вы сможете устроить себе гнездо, ощутить себя дома. Отсюда можно взглянуть на реальность гораздо более проникающим взглядом. А с другой стороны – посмотрите, это ведь уже почти явление нового Мирового Сюжета.

Пол неожиданно почувствовал, как растворяется стеснённость, выпуская то неожиданное ощущение свободы, которое на время перекрыла пустая страница.

- Не о чем тут больше думать. Надо рискнуть. В самом деле – сколько можно теребить несчастное человечество и несчастную Вселенную! Начинайте с новеллы. И если ей предназначено стать завершающей главой, это обнаружится само собой. Так тому и быть

- Откровенно говоря, я тоже так считаю. Но без вас не хотел решать окончательно. Хэйди?

- Дивлюсь вашей смелости. От всей души надеюсь, что вы не промахнётесь.

* * *

- Должен предупредить, что наши чтения на время приобретут новый характер. Я надеюсь, что это не такой уж сюрприз для всех вас – надо было ожидать чего-то в этом роде после вынужденного перерыва. Нам предстоит воздержаться от дискуссий и посвятить время знакомству с последним посланием, которое оставил покинувший нас автор. Все мы с самого начала принимали друг друга без всяких оговорок. Я думаю, и тут никаких объяснений больше не требуется. Другого способа сохранить наше единство и доверие к человеку, которому удалось нас собрать, вероятно, просто нет.

Часть VII. Подземное царство.

40.

Издалека ко мне приближались две статные красавицы.

Может быть, это я шёл к ним – здесь не очень понятно было, что куда движется. А роскошный фаэтон, на котором меня сюда доставили, незаметно исчез.

Но зачем же их было две, если и от одной можно было сойти с ума? Или она была одна? Нет, всё-таки две.

Я даже слышал как будто, что они говорят. И должно быть – обо мне.

- Решился, наконец. Ты подумай, какой отчаянный!

- Есть ещё среди них такие храбрецы. Но только потому, что не знают толком, куда их влечёт. Придётся его поощрить.

И всё-таки она была одна.

- А солнце-то, какое солнце!

- Ах, как глуп! Ну до чего же глуп!

- Вот, например, Кэтрин. Не может быть у женщины, с которой ты готов разделить жизнь, имени Кэтрин.

- У женщины, с которой... у неё вообще нет имени. Как нет его и у самой жизни. И это ты прекрасно знаешь сам, когда, обращаясь к ней, называешь её «душа моя» или «сердце моё».

С такого препирательства начиналась наша встреча. Но это казалось и уместным, и естественным.

Как же я всё-таки сюда попал? Я вспомнил дорогу. Не всё на ней шло гладко. Но не было никаких приготовлений – стимулирующих средств, медитаций, дыхательных упражнений. Я задумался. Глубоко задумался, глубже, чем обычно. И явились весёлые, лукавые девы – числом шесть. Так и хотелось назвать их дочерьми солнца. Мы уселись в нарядный экипаж и прикатили к воротам. Там хозяйничала уже не дева. И не была она ни лукава, ни весела. Сразу стало ясным, что от неё зависит всё дальнейшее, и что мало кто сможет её уломать. Немудрено – границу, которую эти ворота обозначали, никому в здравом уме не пришло бы в голову пересекать. Но спутницы мои как-то легко её растормошили. Тяжёлый засов отодвинулся, и скрип его звучал, как Ода к радости на улице Веймара, распеваемая случайно собравшимися хористами.

Мы плавно катили по необъятному лугу с алыми маками. Теперь я слышал, что и оси колесницы скрипят музыкально. И вот я стоял посреди маков один, солнечные девицы покинули меня со своей каретой, а издали приближались две величественные фигуры. Или это я шёл им навстречу. А подошла ко мне уже только одна и взяла меня за правую руку. И я понёс чепуху, не в силах удержаться от волнения. Но её это, кажется, не смутило и не доставило нам обоим неудобства или разочарования.

Знаете, на что это было похоже? Когда-то меня посетила догадка, которую я в конце концов счёл поэтической гиперболой. Представилось мне, что жизнь наша насквозь пронизана стержнем, который можно сравнить с невидимым проводом, несущим напряжение в квинтиллионы вольт и создающим поле, ощущаемое до самых воображаемых пределов вселенной. Только благодаря энергии этого поля и существует мироздание, которое мы воспринимаем нашими органами чувств. И я продолжал погонять своё воображение, представляя прямое соприкосновение с этой основой одной из земных форм и рисуя картину мгновенного уничтожения любой формы. Как если бы дотронуться рукой до ничем не примечательного и как будто не несущего никакой угрозы «третьего рельса» в метро.

Предположил я тогда, что есть среди нас и такие, кто не обманывается видимой безобидностью этой страшной первоосновы. И что то, насколько интенсивно они чувствуют присутствие этой силы, определяет роль таких людей в нашем мире, результаты их деятельности и их влияние на нас. Что мера их приближённости или удалённости от этого источника некоторым образом зависит от них самих. Ощутив однажды его воздействие, они вольны приблизиться к нему, чтобы это воздействие усилить, либо отодвинуться, устрашившись возможностью гибели.

Казалось понятным, что такая связь ничего ещё не говорит о содержании их опыта, лишь сообщает ему крайнюю степень ясности, яркости и чувство внутренней правоты. Я ещё подумал тогда, что это может оказаться судьбой самых разных людей, но всегда становится судьбой художника. Помню, я даже начал что-то такое кропать, возбуждённый новым образом.

...и каждый
почувствует рядом с собой хоть однажды
погибельный, голый, убойно-вольтажный,
в пределах касанья натянутый провод,
но вряд ли найдет хоть какой-нибудь повод
рукой потянуться в безумии. Но вот
отчаянья мука, души ли смятенье,
порыв ли – накроют сознание тенью,
и ты обнаружишь, что в мертвом сплетеньи
всей кистью сжимаешь убийственный кабель.
Так мог бы бесстрашный орудовать Абель
и кроткий, коварства не ведавший Авель...
Но медлит, хотя неминуема, гибель
и в свете ином представляется, ибо
лишь сил прибавляет...

В те времена мне не дано было не только хвататься, но и приближаться к нему. На этот лапидарный образ только и достало моего воображения. И вот явилась женщина неописуемой красоты. Она сама бережно, но твёрдо взяла меня за руку. Это ободряло, потому что, куда меня могло занести, я примерно представлял. Но видно, рука моя всё же чуть дрожала. И тогда она спросила:

- Ты чувствуешь себя мёртвым?

- Как мне знать, что они чувствуют? – отвечал я.

- Это верно. Но тут и знать нечего, они ничего не чувствуют.

Нет, я чувствовал. И не мог забыть о той, второй. Это было самым сильным переживанием – понимая, что по таким лугам не обычные красавицы гуляют, я всё равно чувствовал сильное влечение и не мог решить, кому из двух отдать сердце. Я знал, что такой шанс может представиться только раз в жизни. И столь мучительного разлада я никогда не испытывал. Объяснением могло быть только то, что обе они, судя по всему – какие-то божества.

- Не отчаивайся раньше времени, - продолжала она, не отпуская мою руку, пока мы шли среди ярких маков, - Ничего не потеряно. Тут вообще нельзя ничего потерять. Если ты в конце концов сохранишь свой любовный восторг, мы что-нибудь придумаем. Но сначала скажи мне, знаешь ли, куда ты добрался?

Естественным казалось, что она ко мне на «ты» обращается. А я никак не мог сообразить, как же мне-то быть. И старался как-нибудь уклониться.

- Я думаю, что попал в Царство мёртвых, в подземный мир, хотя он так не выглядит. И говорю я, видимо, со здешней правительницей...

- Ну, ну... смелее.

- С Персефоной.

- А кто это – мёртвые? Те, кого ты больше там, у себя, не встречаешь?

- Да, кто на моих глазах перестал жить. И чьи тела пришлось закопать в землю или сжечь.

- И по этим приметам ты отказался считать их живыми?

- Ну, есть, конечно, разные сказки...

- Ещё бы. Ты даже начал мне рассказывать одну – про Персефону.

- Прошу прощения. Меня спросили, и я счёл невежливым не ответить.

- Извиняться не за что – всё, что вам удаётся создать своим воображением, существует. И то, что вы сочли несуществующим, из-за одного этого тоже ещё никуда не девается.

Я понимал, что она лукавит, но влечение оставалось столь сильным, что я готов был слушать дальше.

- А почему тебе захотелось сюда попасть?

- Я подумал, что здесь мне смогут объяснить, как всё устроено.

- Что ж, возможно так оно и есть. Тем более что именно тут как раз всё и устраивается. Но ничего этого мы делать не будем. А раз уж ты из всех впечатлений выбрал влечение, с него и начнём.

И тут же она обращается к простейшим вещам.

- А ведь я, по твоей версии, замужем должна быть. И не за кем-нибудь... Как же это ты осмеливаешься мне куры строить?

Я не смог удержаться и засмеялся. И она засмеялась. И я понял вдруг, что мне не нужно больше выбирать, как к ней обращаться.

- Но как же у вас тут, у истоков бытия, вопрос справедливости решается? Тебя ведь похитили. И имя у тебя до этого было другое.

- Это, конечно, не самый лучший способ вступать в отношения, хотя всё зависит от величия участвующих в событии. Иногда можно узнать друг друга довольно быстро. Ну, посуди: что ему оставалось делать? Жить ему суждено здесь; там, на поверхности он может появляться лишь на мгновенья, а выбрал он меня не по прихоти своей, а в предвидении глубокого чувства. И никакого пути узнать друг друга у нас не было. Похищение, кстати, оставалось единственным насилием. Никаких иных посягательств с его стороны я не испытывала, пока довольно быстро не поняла, что о лучшей встрече невозможно было и мечтать. Он – удивительный. Жаль, что вам не приходит в голову повнимательнее всмотреться в образ Аида. Скованные вожделением и порабощённые женской красотой, вы бредёте вдоль мелкой речки по колено в бурлящем потоке и не вспоминаете о том, что где-то вдали он становится глубоким океаном с могучими волнами и необъятным простором... Кроме любви, которую я узнала, мне открылось и новое моё предназначение, о котором он догадывался и для которого всего лишь удерживал порядок в так называемом Царстве Мёртвых до моего появления. И только тогда всё стало на свои места.

Ясно было, что она намеренно пользовалась моим языком, и что рассказывала мне о чём-то гораздо более важном, чем романтическая история властителя подземного царства, вынырнувшего из недр, чтобы похитить невинную деву Кору, дочь Деметры, собиравшую цветы на лугу – вот на таком же лугу, по которому мы с ней теперь гуляли. А узнать, что кроется за этим рассказом, я мог, только продолжая слушать и не принимая слишком всерьёз так красиво излагаемые подробности. Но какой выспренней, отталкивающей выдумкой была разделённая и возвышающая любовь между божествами!

Что могли они, неземные, знать о влюблённости, вожделении, пустоте его удовлетворения и долгом, трудном пути к соединению душ?

- Ничего, - отвечала она, слушая мои мысли. – Кроме того, что это единственный существующий способ рождения всего на свете. Об этом могла бы тебе рассказать та, которую ты заметил рядом со мной. Ты всё ещё не в состоянии выбрать между нами свою суженую?

Опять она вгоняла меня в краску. Я вспоминал прелестные черты той, другой, и догадывался, что она, скорее всего, должна быть Афродитой. Обе они бесподобны, и невозможность такой встречи и такого выбора там, на поверхности, ещё раз доказывала, что я провалился туда, куда человеку попадать непривычно и опасно. Но минуя это место, он рискует так никогда ничего и не узнать.

- Мне не нужно пользоваться божественным внушением. Если твоего воображения хватило, чтобы сюда попасть, мы обойдёмся простым пересказом. Но сначала тебе всё же придётся предпочесть одну из нас.

Она улыбается, и я понимаю, что выбрал уже давно. Что та, ослепившая меня прелестью, и эта, воплощающая собою что-то ещё помимо женственности, вызывают во мне одно и то же влечение. Что, может быть, их и не двое, а само это место открывает глаза на великую двойственность. Остаётся совладать с последней неловкостью – её кисть по-прежнему сжимает моё запястье. И это поддерживает уверенность в том, что рядом со мной живое существо – какой бы божественный ореол его ни окружал. Но для полноты ощущения мне хотелось бы самому дотронуться до её руки. По крайней мере – руки.

- Да. Желанное. - продолжает она уже без улыбки, - Оно становится столь нестерпимо драгоценным, что хочется коснуться, заключить в объятия и удержать. Удержать, владеть, присвоить. И остаются лишь объятия, а желанное улетучивается. Потому что это две правящие миром, но не соприкасающиеся реальности. Такими их нужно увидеть и сохранить в сознании вопреки своим тактильным порывам. Сумеешь с этим справиться - и тогда желанное и выстраданное прикосновение станет преображающим для вас обоих. Вы начнёте творить мир – не только свой личный, семейный - но настоящий, тот, в котором живут люди и звери, растут деревья и цветы, текут реки, шуршит песок в пустынях, кипит животворящим жаром солнце, совершают свои вращения планеты и наблюдают друг за другом все отдалённые звёзды. Но самое удивительное – то, что казалось тебе прежде желанным, станет ещё желаннее и никакое объятие не сможет больше это желание ослабить или погасить.

- Ты говоришь о непонятном чувстве. Но мне хотелось бы его испытать.

- Каждая душа прекрасна. Каждая излучает себя. И нуждается только в том, чтобы другая душа уловила это излучение. Бывает, что эти излучения и уловления взаимны. Их чувствуют безошибочно, хотя назвать не умеют. А под ними непрерывно кипит влечение пола. Оно всем знакомо, понятно, не вызывает вопросов, и все знают, чем его остудить. Там, на поверхности, не слишком ценят одно и в самых странных целях используют другое. Мальчики справа, девочки слева. Здесь их неразрывное единство, которое вы назвали неопределённым для вас самих словом любовь, вызывает к жизни весь видимый и ощутимый мир.

- Как же так? Ваше царство расписывают по-разному, но это либо собрание всех мёртвых душ, либо жаркое или ледяное узилище вечных мук...

- Ну, как умеют, так и видят. Я тебе говорю, как оно есть на самом деле.

- И обязательно – тьма.

- От слишком яркого света в глазах бывает темно. Тебе ведь удалось за недолгое путешествие приспособить своё зрение. Ты уже знаешь, что тьму тут можно увидеть только по глупости. Но речь моя не окончена. Или тебе по-прежнему не терпится прижаться щекой к щеке Афродиты?

- Напрасно ты смеёшься надо мной. Сейчас мне, кажется, хватило бы только знать, что вы обе существуете на свете.

41.

- Так творится мир. И теперь ты решил, что не может быть ничего прекраснее. А между тем мы сейчас только на середине дороги к полной истине.

Мы сидели на земле у двойного кипариса, прислонившись спинами к стволам. Персефона – или теперь это была Афродита? – отпустила моё запястье, и меня больше не отвлекало желание самому коснуться её руки. Она не смотрела на меня, а я не мог оторвать взгляда от её лица, и мне казалось, что речь её беззвучна, что говорит со мной само чудесное лицо, смотреть на которое я мог бы до конца жизни.

Я думал о том, что выстраиваемый ею образ любви, непрерывно и буквально творящей мироздание, тревожит каким-то скрытым правдоподобием и всё же не становится уверенностью. Будто недоставало более внятных доказательств. И в то же время я хорошо помнил, что все завершённые и убедительные теории оставляли тот же привкус неудовлетворённости. Она же в своей речи не заботилась о последовательности, не старалась передать мне свои божественные знания, а как будто перебирала знакомые мне картины, изредка намекая на неожиданные связи между ними. Это было похоже на лёгкое постукивание по кристаллу в нужной точке, пока тот не расколется.

- Этот мир кажется вам сильным и прочным, как если бы он существовал всегда. Так же уверенно вы теперь ощущаете и самих себя. Окружённые и зачарованные вещами, вы забываете о том, что они творятся непрерывно и формы их преходящи. Они и сами могли бы научить вас этому, но вы начинаете навязывать себя вещам, которые видите, слышите и трогаете – чтобы менять их к лучшему, вместо того чтобы позволить им проникать в вас и вас изменять. И вместо творимого мира вы поселяетесь в мире выдуманном, созданном вашим воображением. Беда в том, что этот ваш мир тоже начинает существовать и соперничать с подлинным миром. Так рождается война. Я говорю не о ваших грязных войнах, в которых вы неуклюже пытаетесь выразить овладевающий вами дух противоборства.

Нет, это всё-таки была Персефона. Облик её стал строг и мог испугать, царственно воплощая источник и сокрушительную силу борьбы, о которой шла речь. Но в памяти сохранялось тепло её руки, и чувства мои тоже воевали друг с другом.

- Не старайся запомнить то, что я тебе говорю, это не поможет. Продолжай слушать... Смотреть и слушать... Моей войны не надо страшиться – это единственный способ вернуть вам ясное зрение. Иначе вы будете всё глубже утопать в своих иллюзиях. Её крайнее напряжение, острое напоминание о конечности жизни заставляют вас испытывать душевную скорбь. Вот только вы боитесь признать это переживание спасительным. Кажется, что, давая горю себя охватить, ты погружаешься в него целиком, и кроме него, ничего больше не остаётся. Даже если при этом верить, что тобой целиком овладевает божественная сила – это не приносит утешения, потому что не прибавляет никаких возможностей. Что мне с того, что я уравнялся с Богом? Но подобные мысли

говорят только о том, что ты по-прежнему наблюдаешь за собой, а не за горем. Остаёшься по свою сторону и не позволяешь уступить себя горю от страха потеряться, не вернуться. Это и есть пугающая тьма Аида. Сейчас ты видишь, какова эта тьма. Убоявшись её, не следует ждать откровений и от Персефоны, и ничто тобой не овладевает. Иными словами, мир – это не совсем то, как вы его себе представляете. А ещё точнее, он именно то, как вы его представляете – но только потому, что вы так о нём думаете. И то, чем он, по вашему представлению, не является – это тоже он.

Но тебе пора возвращаться.

- Смогу ли я ещё раз сюда попасть?

- Да ведь ты уже знаешь, как это делается. Но теперь ты будешь жить так, будто и не уходил отсюда. Ты разве не догадался, что нет никакого там и здесь? Просто одно ты умел видеть и ощущать, а другое – нет.

- И ты... Я так и не успел взять тебя за руку.

- Тебе предстоит ещё овладеть искусством прикосновения. И прежде всего избавиться от вздорной уверенности, что ты держишь в руках весь глобус и стараешься вылепить из этого неодушевлённого шара что-то красивое и осмысленное. Всё, что вам удаётся делать – это мять и пощипывать окостеневшими пальцами эту живую, мудрую плоть, с адским терпением выносящую ваши оскорбительные щипки. Это не только слабость ума, но и неумелость рук. Вам предстоит усовершенствовать чуткость и гибкость пальцев упражнениями со струнами и клавишами, кистью и пером и только затем, вооружившись внесловесной мудростью художественного откровения, приступить к тончайшей работе по преображению красивой Земли в прекрасный мир. Чтобы глядя на него, вы обнаружили, что не только вы воспринимаете реальность, но реальность воспринимает себя через вас. А всего не рассказать. Да и не нужно. Того, что сказано, уже слишком много. Есть один знаменательный жест – утопить губы в раскрытой ладони. Из всех возможных – самый скромный и невинный поцелуй, который закрывает, запечатывает рот и смиряет язык, чтобы они не смогли более ничего поведать. Я дарю тебе этот поцелуй.

Теперь они удалялись. Их снова было две, и я слышал, как они продолжают свой разговор.

- Тебе показалось, что он способен что-нибудь понять?

- Поймёт со временем. По крайней мере, у него теперь есть такой шанс.

Было отрадно знать, что кто-то любовно озабочен моим существованием. Но ведь это я сам удалялся, а обе женщины плавно махали мне вслед руками. Да и это было обманом. Никакого движения тут не существовало. Их лукавая мудрость была столь мгновенна в действии, так стремительна в живом отношении к мгновенью, что любое движение выглядело покоем... Иначе мне пришлось бы сказать, что навстречу мне опять спешат дочери Солнца со своей весёлой колесницей.

И в этот момент я увидел вдалеке ещё одну фигурку. Она выглядела посторонней здесь и в то же время принадлежала тому же пейзажу. Озадаченный тем, что ни одна из моих собеседниц не упомянула о её присутствии, я ещё раз к ним обернулся. Но они уже не глядели на меня.

Явление третьей женщины рождало чувство незавершённости. И, видимо, достаточно было одного моего любопытства, чтобы мы начали приближаться друг к другу. Оказалось, что это был конец, граница цветочного луга, за которой начиналась

каменистая равнина. И у самого края её сидела девушка в невзрачном платье цвета светлой матовой сливы. Она смотрела в сторону пустыни и не повернула головы, когда я подошёл.

42.

- Как обе они прекрасны, правда?

- Но почему ты не с ними?

- О, если бы я могла! – отвечала она с едва заметной улыбкой.

- Что же тебе мешает?

Девушка повернула голову, и я встретил внимательный взгляд синих, как предвечернее небо, глаз.

- Ступай своей дорогой, незнакомец. Мне нечего прибавить к мудрости и восторгу, которыми тебя наделили божества.

Вопреки уверениям Персефоны, я сомневался, что так уж легко будет ещё раз сюда попасть, и пока находился здесь, хотел узнать обо всём, что удалось увидеть. Девушка не выглядела грустной или обездоленной. Её льняные волосы даже украшал венок из пёстрых полевых цветов, которые были густо рассеяны между маками.

- Прости, что я потревожил тебя. Я здесь впервые и не знаю, придётся ли мне оказаться здесь вновь.

- Ах, можешь не сомневаться. Раньше или позже ты сюда вернёшься. И любопытство твоё будет, наконец, полностью удовлетворено.

- Но раз я уже здесь, и кроме двух божеств мне посчастливилось встретить тебя, не будешь ли ты так добра ответить, известно ли тебе что-то ещё, о чём не соизволили мне сообщить богини? Может быть, ты связана запретом и потому проводишь время на краю событий и в одиночестве?

Она подобрала ноги, согнув в коленях, обхватила их руками и едва заметно покачала головой.

- Милый незнакомец, тебе не нужно было бы меня замечать. Как оно и бывало со всеми, кто приходил до сих пор. Моего имени нет в сонме богов. Лишь редкие из живописцев решались изобразить меня в привычном вашим глазам женском облике. Самое большее, что я заслужила – это прозвище болезни, которую вы так и не умеете лечить. Как ты заметил, меня не принимают всерьёз ни богиня Любви, ни правительница Царства Мёртвых. Можно только удивляться, что я ещё где-то существую. Не довольно ли тебе всего этого, чтобы отказаться от знакомства со мной?

Но было поздно. Я уже знал её имя.

Немота сковала мой язык. Привиделось, что какая-то тень угрожает мудрости, которую я уносил с собой, и счастливой уверенности, что мне удалось успешно совершить это немыслимое и опасное путешествие. Только тут я окончательно понял, что не знать всего означает ничего не знать. И равнодушный, отстранённый облик девы Меланхолии стал мне вдруг не менее желанным, чем обольстительные образы богинь.

- Я счастлив буду разделить с тобой столько времени, сколько ты согласишься мне отдать.

- А разве ты уже не счастлив? Ты теперь знаешь, чем достигается совершенство.

- Твоё присутствие говорит о том, что, кроме совершенства, есть что-то ещё. И мне не найти покоя, пока я не узнаю, что же это.

- Нет больше ничего. Как нет и самого совершенства. А теперь и покоя тебе больше не будет.

- Всё равно. Расскажи мне о том, чего нет.

- С другой стороны, если ты, в отличие от остальных, меня углядел, значит, прячется и в тебе какой-то изъян. Я вижу счастливых деятелей, но они и не помышляют о высшем, им хватает неисчислимых богатств бренного мира. Об этих не стоит и говорить. Я вижу счастливых святых в их блаженстве слияния с Творцом. Они возвращаются к истокам, так и не объяснив, зачем понадобилось их краткое земное воплощение. Вижу потерянных художников, слышащих неведомый зов, умеющих претворить его в красоту и заворожить ею других, вселяя в них неутолимое беспокойство. Они и счастливы, и несчастны. Дар приносит им несравненный восторг, а в жизни они вынуждены испытывать больше бедствий, чем все остальные.

Но ты? Ты разве не видишь, что всего этого мало, чтобы заводить речь о совершенстве? Даже сам Создатель обещает впереди нечто большее, как только миром полностью овладеет любовь – так это звучит из его неземных уст. И что же случится тогда? Что такое это будущее окончательное совершенство? Иногда мне мнится, что Он сам не знает, но хотел бы узнать и надеется, что ты сможешь Ему помочь. Но ты не особенно надёжный партнёр. И готов положиться на мудрость божественных красавиц с их очаровательным лукавством. Лукавством любви, лукавством войны... Есть, однако, последнее опустошающее лукавство – безответный обман самого Творения.

Они ведь научили тебя, как достичь гармонии, не так ли? Но их гармония – это всё та же полнота и всецелостность Творца. Что же это за высшее состояние, которое не даёт Ему в нём покоиться? Зачем Ему понадобился ваш мир? До сих пор Он прибавил себе только возможность с помощью ваших сердец испытывать чувства, Ему в его нематериальности недоступные. За это Его преимущество вам приходится платить страданиями и жизнью. Допустим даже, что это приемлемая цена. Но кажется, что этот воплощённый мир так ничем и не расширил Его знания. Он больше похож на изобретение, чем на открытие. Надеюсь, Он и сам это сознаёт.

Но может быть, ничего больше и нет. Я не знаю. Только предел этот переполняет меня печалью. Я больше не хочу участвовать в этом круговороте, нет у меня и божественного статуса и власти. И, как видишь, я продолжаю существование. Оно длится здесь, в стороне от Мироздания, у порога Небытия, но, к моему несчастью, я остаюсь бессмертной. Счастлив ли тот, кто овладел всем, чему можно было научиться, достиг всего, чего надо было достичь, и понял, что больше делать нечего?

В отверженной деве, торопливо наделённой дурной славой, сходились все нити бытия и, протекая сквозь эту беспомощную, ничем о себе не заявлявшую плоть, простирались дальше, в неведомую и желанную даль, о которой человечество ещё не удосужилось даже помыслить.

Я подошёл ближе, наклонился и взял её на руки. Смущавшее во время встречи с богинями двусмысленное тёмное волнение оставило меня. Голова её легла мне на плечо, и я вдохнул свежий запах цветов из её венка, вспомнив, что это первое из простейших ощущений, не испытываемых мной с тех пор, как я оказался в этом неправдоподобном месте. И я двинулся вдоль кромки цветущего луга, не задумываясь о том, куда она может привести, оставляя позади ожидавших меня дочерей Солнца с их роскошной повозкой. Мной овладела незнакомая прежде бережная забота и спокойное ожидание – нет, не

прибытия в обетованную землю, но тайны совершенства, которая нам, вместе с моей бесценной ношей, будет постепенно открываться в пути.

43.

...смотрит, объят покоем,
в то «никуда», задержаться в коем
мысли можно, зрачку – нельзя.
Там, за нигде, за его пределом
– черным, бесцветным, возможно, белым
– есть какая-то вещь, предмет.
Может быть, тело...
И. Бродский «Лагуна»

Последовавшая тишина действовала сильнее, чем пустая страница. Но не было и пустой страницы, которая ранее прозвучала, как предупреждение об опасности. Книга замерла на последних словах, и было легко представить, что это её последняя страница. Однако не было и беспокойства. А страх потери сменился чувством приобретения, которому ничто больше не угрожало. И не было нужды искать совета или подтверждения этого чувства у друзей. Надо было всего лишь подождать, не найдёт ли книга сама способ двигаться дальше, если таково было её предназначение.

Шли дни, полные обычных дел. Они возвращали всех вовлечённых в чтение к трезвой связи с миром, в котором они жили, со всем его разнообразием и несуразностями, которые они так заинтересованно обсуждали совсем недавно. Эти дискуссии теперь было уже не возобновить – они заняли своё прочное место в прошлом. Но все по-прежнему дорожили своим сообществом, а умы их всё настойчивее занимала персона автора. Вопреки анонимности, она, казалось, взывала к обретению живых черт. К восстановлению этого портрета, возможно, призвано было обратиться дальнейшее повествование. Таким образом, книга менялась местами со своим создателем, принимая из его рук заботу о той первоначальной тени какого-то нового образования, им выношенной и никак не желающей остаться не выраженной в слове.

* * *

- Нет ли у вас ощущения, что книга приближается к концу – если уже не завершилась?

- Во всяком случае, обсуждать нам, пожалуй, и в самом деле больше нечего. Но если мы всё ещё здесь, может быть, от нас требуется составить нечто вроде послесловия? Попробовать, например, воссоздать облик человека, который, хотите вы этого или нет, остаётся настоящим автором книги. Ни возраст его, ни рост и голос, уж не говоря о чертах лица, никак не возникают в воображении. Но и забыть его я не могу. И мне всё кажется, я чувствую его присутствие здесь, среди нас. Как будто он улыбается и ждёт: что же мы всё-таки предпримем.

- А! Вам тоже так показалось? Тогда я поделюсь одной своей догадкой. Я думаю, что мысль о новом Мировом Сюжете, с которой началось повествование и которая быстро расцвела целым букетом разнообразных идей, была благожелательным обманом, уловкой. И что о настоящей цели книги не было сказано ещё ни слова. Но и обманутыми у нас нет

основания себя чувствовать, потому что наша готовность этой хитрости поддаться и наши частные усилия привели к рождению редкой общности – нематериальной, анонимной и при этом уже неспособной распасться. А тем временем и новый Мировой Сюжет, кажется, уже вступил в силу, и нет больше нужды строить о нём догадки – надо в нём жить. Тогда можно подумать, что настоящая книга ещё и не начиналась. И автор, я думаю, был бы разочарован, если бы мы не рискнули прибавить наши чувства и мысли к тому впечатлению, которое производит его последнее обращение к нам. Если, конечно, мы найдём что сказать. Но я хочу спросить: неужели ни у кого из вас не рождается в воображении хоть какое-то подобие облика нашего автора? Хотя бы в качестве сравнения с известными нам образами.

- Если бы не был столь отталкивающим зрительный образ двухголового Януса, он был бы первым из тех, что могут прийти в голову. Но он слишком противоречит чувству симпатии, которое вызывал этот человек. Он ведь вполне мог быть похожим на одного из нас.

- На одного из вас, вы хотите сказать? Или вы допускаете, что это была женщина, выдававшая себя за мужчину?

- С трудом могу себе такое представить. Но, с другой стороны, и исключить этого нельзя. Мы ведь с самого начала смирились с некоторой долей мистификации во всём этом деле. Я, например, подозреваю, что некоторые из нас хорошо знакомы друг с другом.

- А разве это что-то меняет? Вероятно, такое знакомство рано или поздно предстоит нам всем. Это лишь вопрос времени.

- Или случайности.

- Простите, пожалуйста, не мог бы кто-нибудь из вас объяснить поподробнее идею обмана, якобы скрытого во Вселенной. Я чувствую, что это какая-то важная правда, но очень трудно удержать её в памяти. Многим из нас, наверно, не хватает каких-то дополнительных знаний, чтобы как следует это понять.

* * *

Вот уже во второй раз повествованию предстояло продолжиться благодаря любопытству младших братьев. Их прямодушное нетерпение располагало к себе, напоминало, что не стоит долго рассиживаться на взаимных любезностях.

Пол вспомнил, что, зачитавшись, тоже принял этот образ упорствующего в своей лжи Творения как нечто само собой разумеющееся. И теперь был благодарен юному – а может быть, юной – читательнице за прямо поставленный вопрос.

* * *

- Я уж было смирился с тем, что мой вклад в это произведение исчерпан. И вполне удовлетворился бы этим. Но вот молодых наших друзей никак нельзя оставлять без опеки. Так что я всё-таки попробую свои силы ещё раз.

Речь, должно быть, идёт о некотором синтезе двух поздних догадок о сотворении мира. То есть, об одном из ответов на вопрос: почему вообще существует что-то, а не просто пустота, что приводит к её заполнению. Я надеюсь, что не оскорблю ничьих религиозных чувств, если попытаюсь изложить эти гипотезы. В конце концов, они – одни из многих, хотя до нынешнего дня эти две пока ещё не встретили достойного возражения.

Начать нужно с того, что вне и до всего есть сфера безусловно существующих возможностей. Если сложить два и два – не два яблока, а просто два – выйдет четыре. И это ещё не математика, а просто непреложная данность, пребывающая неизвестно где, но неоспоримая. И среди этих возможностей обнаруживаются возможности сравнительные. Образ сотворённого мира, переполненного страданиями, взывает к необходимости отвергнуть такую возможность, даже если остаётся одна пустота. Но возможностью является и мир, полный счастья и красоты. И она способна побудить к действию. Это можно назвать этическим требованием, которое тоже существует само по себе, в той же сфере вместе со всеми мыслимыми возможностями.

Вопрос о том, что именно «сравнивает» и «действует», пока остаётся открытым, но приходится признать, что нечто в этом роде может совершаться. Другие варианты возникновения Вселенной выглядят слабее, потому что нуждаются в дополнительных объяснениях, в которых, в конце концов, окончательно запутываются.

Но созданную Вселенную, где нам приходится жить, только с большой натяжкой можно назвать миром, полным счастья и красоты. Как же вышло, что этическое требование таким досадным образом промахнулось? И тут нам придётся использовать вторую гипотезу. Она не отменяет вышеизложенную, но помогает ослабить нажим на этическое требование. Для этого следует в роли «мыслящего» и «действующего» вообразить некую сущность – назовём её Высшим Сознанием, чтобы не сползать к знакомым, поддающимся представлению образам. Это не чьё-то сознание, а сознание как таковое. Оно наделено знанием всего, что заслуживает знания, включая все возможности и абсолютное этическое требование.

Природа этой сущности столь необъятна, что не может позволить себе даже намёка на саморефлексию, которая неизбежно нарушила бы её гармоническое равновесие. При этом её мыслительный процесс продолжается непрерывно, и сложные ассоциации формируют наконец образ мира, привлекательные черты которого в сравнении с пустотой пробуждают нравственное требование этот образ воплотить. Особо драгоценной частью этого мира становится существо, способное не только к чувственному восприятию, но и к рефлективному мышлению – взгляду со стороны на собственные мысли. А это свойство как раз и необходимо Высшему Сознанию, чтобы раскрепощать его безграничные знания, о которых само оно может и не знать – как раз из-за отсутствия в его практике рефлективных процессов.

Вы легко сможете представить себе, о чём идёт речь, если однажды сообразите, что вы – не ядовитый краб, ползающий по Венере. Разумеется, вы знали об этом всегда, но такое знание само по себе не сформулировалось бы у вас без соответствующего вопроса. Можно, конечно, им и пренебречь как совершенно бесполезным. Но один из таких неожиданных вопросов, может пробудить скрытое знание, которое окажется весьма продуктивным.

Таким образом, создав Вселенную и её высшую форму – человеческое сознание, эта абсолютная творческая потенция обеспечила и себе, и своему творению дополнительный стимул. Но для его успешной работы необходимо активное участие человека, не устающего задавать Высшему Сознанию всё новые и новые вопросы, пробуждая в нём скрытые знания и возвращающие их человеку в виде прозрений. В этом случае этическое требование не терпит никакого ущерба. Относительное несовершенство созданного мира – это всего лишь начало пути для его осуществления.

Если мне удалось более или менее внятно описать вам общую картину, мы можем теперь перейти к злополучному вопросу о пределах совершенства.

44.

- Они, конечно, никому не известны. А то, что мы не устаём ставить себе цели, говорит о естественной нужде человека знать, зачем он живёт. Поскольку он обнаруживает себя в этом мире не по своей воле, ему хотелось бы, по крайней мере, быть уверенным, что в его существовании есть смысл. Но ничто в его жизни не указывает на этот смысл, и он вынужден создавать его сам – в меру своих возможностей.

Неблагополучие, процветающее вокруг, первым делом наводит на мысль, что можно, вероятно, усовершенствовать свою жизнь до какой-то высшей степени, избавившись от всех её недостатков, среди которых сразу бросаются в глаза болезни, неумелость в обращении с природными силами или социальная несправедливость. А как обстоятельства, затрудняющие устранение этих бед, становятся очевидными дурные качества самого человека – жестокость, жадность, себялюбие или невежество. И целью становится осуществление этического требования в приложении к человеческому сообществу – его благополучие, всего лишь редуцированный вариант абсолютного этического требования.

Но даже этой цели достичь оказывается нелегко. Она отодвигается всё дальше и дальше в будущее и незаметно становится последним идеалом совершенства – обеспечить человечеству здоровое, свободное и безопасное существование. Представляется, что это и было идеей Творца, источником и движущей силой Творения – земной рай.

Человеческий разум, однако, достаточно пытлив, чтобы в воображении поставить себя в условия этого рая и неожиданно испытать разочарование. В чём, например, смысл всё ещё неизбежной конечности отдельной человеческой жизни? Можно счесть это необходимым условием именно так организованной Вселенной – допустим, иначе вообще ничего бы не вышло. Тогда благополучие неразрывно связано со смертью, с ограниченным сроком для каждой личности его испытать. Или это бесконечное благополучие безличного человечества. Если же снабдить райское блаженство физическим бессмертием, придётся отказаться от воспроизводства, то есть отменить различие полов и всю связанную с ним феерию чувств и возможностей. Да и в целом этот образ предельного житейского благополучия приобретает оттенок некоторого омертвения. И никак не покидает смутное ощущение сиротства, пренебрежения человеком, кем-то установленных норм для него, жёсткого ограничения его удивительных потенций. Ему позволили узнать, как необъятны его возможности, и одновременно сократили срок для их реализации.

Это недоразумение открывается сначала наиболее остро чувствующим представителям нашего рода, но подспудно такая тревога присутствует в каждом. И за пошатнувшимся оправданием Творения наступает черёд печальной девы в венке из полевых цветов.

Но разочарование это стало следствием того, что человек сам поспешил ответить на вопрос о пределе совершенства, определив его как собственное благополучие. То есть вообразил себя конечной целью Творения, тогда как он является его сотворцом и движущей силой. Удовлетворившись собственным ответом, он перестал задавать вопросы Высшему Сознанию и тем самым задерживает поступательное движение Мироздания.

Можно представить это себе как вселенскую паузу, относительное и неустойчивое равновесие. Высшее Сознание не в силах помочь человеку, потому что не получает от него вопросов для дальнейшего раскрытия своих знаний, а человек предпочёл отложить свои сомнения и попытаться всё же создать этот земной Рай и только потом посмотреть, что ещё можно будет предпринять. Слишком далеко заглядывать в будущее он счёл преждевременным и необязательным, неоправданной тратой времени и сил.

Началось это очень давно. Даже в мифе об Иове величайшим достижением своим Творец всё ещё называет грандиозный сотворённый мир и ни словом не упоминает о несравнимо более ценной, созидательной особенности этого мира – о рефлексирующем сознании человека. Приняв свою близорукость за догадку о фундаментальном изъяне в сотворенной Вселенной, человек оказался перед лицом хаоса и паники и инстинктивно предохранил себя от безумия, назвав Меланхолию простой болезнью. Вероятно, такая предупредительная защита была необходимой, поскольку к тому времени люди ещё не развили свой мозг в достаточной степени, чтобы справиться с подобной догадкой более основательным способом. Не знаю, пришло ли это время ещё и сейчас.

Но дело в том, что и подозрительно затягивающееся достижение частного, земного совершенства, вероятно, тоже порождено отсутствием нужных вопросов и, соответственно, новых прозрений. Теша своё любопытство, мы ищем ответы, сопоставляя свои впечатления о действительности, и не замечаем, как, начав со сравнения двух и трёх, постепенно сместились в сторону абсурда, пытаясь обнаружить истину в сопоставлении четырёх и красного, желтого и быстрого, светлого и острого, мягкого и солёного, гладкого и громкого – то есть спрашиваем о том, к чему Высшее Сознание остаётся глухим. Наша самоуверенность и амбиции таковы, что очевидная нелепость нас не только не смущает, но подогревает энтузиазм и заставляет всё-таки расходовать силы на совершенно бесполезное дело. Человек удовлетворился весьма туманным обещанием. И теперь, приняв за чистую монету уверение, что будет лучше, чем прежде, он на наивный вопрос: *чем* же будет лучше? – глумливо отвечает: *чем* прежде.

Кстати, у этой как бы интеллектуальной скромности – а в сущности, равнодушия к собственной судьбе – есть и бытовая, очень распространённая форма. Соломонов опыт. «И это тоже пройдет». Сентиментальная мудрость. Если кроме принятия обстоятельств или сопротивления им, человек ничем больше не озабочен, она может казаться самой полезной жизненной философией, высшим достижением разума. Но это философия бездельника, ленивца или глубоко уставшего и разочаровавшегося человек – каким, судя по всему, и был Соломон.

Чередование обстоятельств – это только среда, в которой человек осуществляет какую-то свою миссию, в соответствии со своими потребностями, талантами, рождающимися в нём идеями. Стоики в своё время пробовали намекнуть на другую возможность: «Мы как собака, привязанная к движущейся телеге, - говорили они. - У нас есть два варианта. Мы можем бороться и упираться, пытаясь контролировать ситуацию, но лишь стирая себе в кровь лапы и страдая с каждым шагом. Или мы можем отправиться на прогулку, насладиться ею и постараться освободиться, когда настанет подходящий для этого момент».

Выдающаяся оговорка!

Собака стоиков – и тем более человек – всё же имеет в виду что-то ещё, кроме вынужденной прогулки, для чего ему нужно в конце концов освободиться.

Но и рекомендуемое наслаждение в условиях вынужденного подчинения обстоятельствам тоже теряет свою естественную остроту. И те, кто объясняет свою пассивность тем, что у них всё ещё есть возможность любоваться природой и наслаждаться самой жизнью, уже плохо понимают, о чём говорят, потому что в них погасло настоящее восхищение и восторг. Это не мудрое выжидательное смирение, а сдача, предательство, отказ от своего человеческого естества. Это, в конце концов, жалкий необъявленный бунт против Творца и Его замысла – обратная, невзрачная сторона гневного бунта Иова или Ивана Карамазова. До такого унижения не опускаются и животные, хотя трудно удержаться от того, чтобы не назвать такое состояние скотским. Для Создателя такой бунт не заслуживает и внимания.

Ну как, молодые люди, находите вы какой-то смысл во всё этом? Проясняется ли для вас загадка обмана, скрытого во Вселенной? Или скорее – причины, по которым человек может воспринимать это, как обман?

- Если я скажу, что отыскать самое главное разрешение сами мы не сможем, но может быть, один из вопросов, которые мы по ходу дела задаём Высшему Сознанию, пробудит нужное знание в Нём, и тогда кое-что начнёт разрешатся – будет ли это правильным?

- Именно так. А теперь, раз вам удаётся легко схватить самую суть дела, может быть, кто-то из вас сумеет объяснить мне, что же всё это значит? Как можно о чём бы то ни было спрашивать у Высшего Сознания, не присутствующего в нашей жизни никаким ощутимым образом? Вы ведь не собираетесь адресовать свой вопрошающий глас бездонным небесам? Или вас соблазнило путешествие в Царство Мёртвых?

45.

Раны зарастают, и новая ткань, их покрывающая – кожа шрама – оказывается менее чувствительной, чем та, что прежде понесла урон.

Всё ещё жива угроза заражения вирусом, но цифры сокращаются. Вот уже началась вакцинация, и связанные с нею надежды ослабляют общее напряжение, тогда как сложившийся за год обиход стал привычным. Люди пока сильно разобщены, многие страны закрыты для посетителей, но осталось ещё немного подождать, и эти ограничения тоже будут отменены. Мир вернётся к условиям, предшествовавшим катастрофе. Но сам он – подвинулся ли куда-то за этот тревожный год?

Первым впечатлением от жизни, освобождаемой от уз изоляции, неожиданно становится скука. Широко доступные вновь развлечения, кажется, потеряли былую привлекательность. Оказывается, нужно было сразу и многого лишиться, чтобы, получив всё обратно, увидеть, как в сущности скудны эти прославленные приобретения. Может быть, вот эта избавленная от лишней чувствительности трезвость и есть самое важное, что принесла миру смертельная пандемия.

Книга, тем временем, вновь набирала силу, углубляясь во всё более сложные материи. Пол продолжал читать, но уже не видел себя активным собеседником. С другой стороны, те, кто до сих пор оставались лишь читателями, кажется, обретали уверенность и, вероятно, обладали достаточными знаниями, чтобы вести диалог дальше. Возможно, такая смена состава была одной из тех неожиданностей, на которые ему намекал Автор в их первой, воображаемой, беседе.

Ему казалось, что он как-то повзрослел. В этом читательском деле он ощущал себя ветераном, почётным членом компании, который может себе позволить ограничиться внимательным присутствием, наблюдая, как будут дальше развиваться события, но уже не создавая их. В конце концов, на его счету оказалось больше реальных событий, связанных с книгой, чем он мог ожидать, и у них было собственное будущее, независимое от книги.

Этому спокойному осознанию сопутствовало чувство печали. Он как будто расставался с какой-то частью самого себя, и происходило это помимо его воли – жизнь настойчиво заявляла о своём неодолимом движении, с безразличием оставляя позади самые значительные события и самые сильные переживания. Ничто не являло собой более яркого напоминания об этом, чем цифры смертности в самый тяжёлый период эпидемии. Умирал один, и можно было заворожённо следить за секундной стрелкой, зная, что всего через коротких тридцать секунд уйдёт из мира ещё одна душа, со всем её богатством переживаний и событий. И никому не дано было это остановить.

Разве что книге с её необъяснимой жизнеспособностью было по силам кое-что удерживать в сохранности – она как будто и не помышляла о каком бы то ни было конце. В некотором отношении она напоминала о той скрытой от взора жизни, которая продолжалась вопреки всем частным потерям, а вместе с тем была вполне материальна, создавалась усилиями отдельных людей, но не зависела даже от судьбы своего зачинателя.

Удивляя самого себя, Пол всё чаще возвращался к началу, к первой главе, отсылавшей читателя ко временам Страстей Господних не впрямую, а с помощью более поздних, художественных истолкований, просветлявших жестокую гибель. Название главы по-новому впечатляло, удерживало внимание, хотя какой-то последний смысл его ускользал и лишь медленно, неощутимо пробирался в сознание. Как и скрытое за парафразом настоящее название произведения – «Стояла мать скорбящая...».

Не проживёшь полную земную жизнь, если не испытаешь ту душевную боль, которая сильнее любой телесной. Только она даст тебе пройти сквозь этот плотный и шумный мир и преодолеть его. Вспомнить том, что она существует, и ощутить её преображающую силу людям удаётся, даже всего лишь наблюдая эту боль воочию. И тогда рождается страстная просьба: позволь мне плакать с тобой. Увы, это крайний предел приобщения, порыв, в котором скрывается настоящее слово мольбы: «Позволь мне плакать твоими слезами». Но каждому дарованы одни свои слёзы, и настоящим чудом становится возможность хотя бы смешать их со слезами той, кто была испытана последней, высочайшей на земле болью. Так получилось, что это удел женщины.

Мужчине предназначено выносить любые пытки вплоть до смертных. Их боль может казаться невыносимой, но это боль плоти, ещё не последняя боль, и смерть её прекращает. Женщине суждено присутствовать при этих пытках и испытывать боль души, сильнее которой просто не может быть. Величие, способное выносить такую боль, несопоставимо с мужскими достоинствами подобного рода. Впрочем, бывают редчайшие случаи, когда они меняются местами. И перуджиец сочиняет свою поэму. Стояла мать скорбящая.

* * *

- Я хочу увидеть девочек. Не сомневаюсь в ваших способностях их вырастить, особенно теперь, когда вы так уверенно взялись за роль автора книги. Но надеюсь, что и я

могла бы им чем-то помочь. А наше странное знакомство, кажется, как-то облегчает встречу с ними.

Внезапная просьба о свидании обрадовала Владимира Кортни, но заметное волнение, никак не вязавшееся с обликом врача, его насторожило.

- Что с вами?

- Не знаю. Такого беспорядка в себе я что-то и не припомню.

- Слушайте, Хэйди, - заговорил он, взяв её руку в обе свои ладони, - нам совершенно некуда спешить. Конечно, я приведу к вам девочек, и я уверен, что вы понравитесь друг другу. Должен вас предупредить: обе они довольно причудливые создания. Вам придётся собрать всю свою волю, чтобы они не ухитрились вовлечь вас в свои фантазии. А может быть, как раз это и необходимо вам сейчас... Мне только не нравится, что вы так разволновались. Вас тревожит что-то ещё?

- Ваша жена. Я отказалась от всяких сопоставлений и от предложенной вами мистики. А теперь как-то помимо воли чувствую, что не вы, а именно она меня в неё вовлекает. Она снится вам?

Это был непрошеный и запретный поворот в событиях. Он никак не хотел её обидеть, но и не мог поддержать такой разговор. И не нашёл ничего лучшего, чем ответить коротким и как можно более нейтральным «нет». Она как будто и не услышала его недоумения.

- Я не могу сказать, что она снится мне. Хотя после вашей детективной истории можно было вообразить её довольно живо. Но я слышу какое-то внушение. Она очень сильно хочет вам добра... И её невнятная мольба так совпадает с моими желаниями, что я в большой растерянности.

- Хэйди? Что вы пытаетесь мне сказать?

- Если бы я сама знала. Надеюсь, это не звучит, как признание в чувствах, - Она осторожно высвободила руку. – Эта чёртова книга перепутала всё на свете.

- Хотите – я её брошу? В конце концов, нам с вами и Полу она больше не нужна.

- Ха-ха. Очень смешно.

- Пожалуйста. Прошу вас. Вы слишком дороги мне, и наблюдать, как вас трясёт – чистая пытка. Ну в самом деле. Нам же не по пятнадцать лет. Нет ничего в мире, что заслуживало бы права до такой степени тревожить ваш покой. А если это нужная тревога, мы быстро справимся с ней самым благополучным образом.

- Скажите пожалуйста! Как быстро вы из жертвы превратились в утешителя.

-У меня был сильный наставник.

- Почему вы сказали, что приведёте девочек? Вы не хотите, чтобы я попала в ваш дом?

- Вовсе нет. Это было бы самым удобным. Я просто подумал, что на первое время лучше избавить нас всех от дополнительных впечатлений.

* * *

Вскоре дети были представлены Хэйди на короткой общей прогулке. А через неделю она забрала шестилетнюю Элизабет – её сестра с отцом была у врача – увезла её подальше от людских жилищ, и последние четверть часа они ходили по лесу, собирая самые крупные сосновые шишки и соревнуясь в сочинении для них причудливых имён.

Наступил май. Лес был пока голым, но уже можно было различить лёгкий весенний запах смолы.

- Папа сказал, что вы врач.

- Да.

- Я хочу быть врачом.

- Вот и хорошо. Расти скорее, и нам с тобой много о чём будет поговорить.

- Ой, мне всегда есть много о чём...

- Смотри-ка, какая нора между корнями. Там ведь, наверно, кто-то живёт.

- Я знаю – кто. Там маленькая старушка такая живёт, Бурбоносица.

- А что она делает?

- Как что – бурбу разносит.

- Кому?

- Ну, кому нужно. Не у всех же бурба есть.

- А зачем она нужна?

- Вот тебе раз... Чтобы бурбури́ть, конечно.

- И что тогда будет?

- Ну как, если много всего набурбури́ть – вот и будет хорошо.

- Тебе или всем?

- Нет, всем, всем! Всем будет хорошо и весело.

- А ты видела её когда-нибудь? Знаешь, как бурба выглядит?

- Нет, пока никогда не видела. Но я знаю, что она такая пестрая и блестящая.

- Большая?

- Нет, не очень большая. Как зонтик, только складной. И нужно её разложить. Тогда можно сразу начинать бурбурячить. А она будет гудеть, как шмель.

- Ты слыхала, как шмели гудят?

- Ну как же! Только шмель может укусить. Он грозно гудит. А бурба – весело, она не кусается.

- Ну хорошо. Теперь скажи, откуда старушка их берёт?

- Нигде не берёт. Она сама их высвистывает. Вот так подол расправит и фюить, фюить – и они в подол сыплются, три-четыре штуки зараз. Она их под кровать складывает. И опять – фюить, фюить... Когда накопится чуть-чуть, у неё там места-то немного... Вот она наденет чепец и пойдёт раздавать.

- А имя у неё есть?

- Бурбоносица.

- Это – то, что она делает. Так её прозвали. Но, наверно, и имя должно быть, как у тебя или у меня.

- Имя? Имя у неё – Саванна.

- Какое красивое!

- Ну да. Она сама очень красивая была, когда молодая. Но всё равно маленькая, с самого детства.

- Вот ты говоришь – маленькая. А бурба – с целый зонтик. Как же она справляется?

- Ну как? Вот так – возьмёт в охапку и тащит не спеша.

- Жаль, у меня бурбы нет. И у тебя нет. Как же нам быть? Может, попросим твою старушку, чтобы она и нам принесла?

- Нет, просить её нельзя. Она сама знает, кому бурба впору, а кому ещё рано. Тот ещё не сбурбурел.

- И как же нам с тобой сбурбуреть поскорее?

- Сначала будет папина очередь. А потом уж мы.

- А мама готова была?

- Мама была – вот-вот. И не успела. Но ничего, мы за неё побурбурячим.

Хэйди едва удерживалась от слёз. От желания сжать девочку в объятьях и передать ей всю свою нежность, всю силу, оберечь её от любых бед. И понимала, что не может шевельнуть рукой. Ребёнка окружало мягкое, как бархат, и такое плотное облако чьей-то уверенной заботы, что её порыв казался слишком слабым, лишним. Это ей, Хэйди, могла бы пригодиться светлая и спокойная прозорливость девочки, под опеку которой хотелось скользнуть. Вновь она ощутила бессловесное, но ободряющее присутствие её матери. А ведь детей было двое, и ей предстояло ещё поговорить с Ингой, вторым порождением Сандры Лизы Итон и Владимира Кортни.

46.

- Я, к сожалению, поздно к вам присоединился. Но у меня есть предложение. Я издатель и охотно взял бы эту книгу для публикации. Мне кажется, она заслуживает более широкого круга читателей. Но я совершенно не понимаю, к кому следует обратиться с таким предложением.

- Очень мило, что вы проявили интерес. Однако, придётся подождать. Книга не окончена, и у нас нет никакого представления о том, когда она может быть завершена. Кроме того, вы должно быть заметили, что это не совсем или не только книга. Если текст себя исчерпает, мы, безусловно, позаботимся о том, чтобы он стал доступен всем. А пока – почему бы вам не остаться с нами? На правах читателя?

- В прошлый раз вы задали нам каверзный вопрос о том, как можно о чём бы то ни было вопрошать Высшее Сознание, когда обращаться, в общем-то не к кому. Вы извините нашу медлительность с ответом – нам ещё непривычно лукавство, которое вы предлагаете взамен привычных учебных программ. Сейчас я ответила бы так: спрашивая нас, вы ведь и обращаетесь по существу к Высшему Сознанию... Может быть, хотите спросить что-нибудь ещё?

* * *

Уже две недели Пол работал в обычном режиме и после двенадцатичасовой смены день проводил дома. Образовался досуг, но время подводить итоги событиям прошедшего года, наверно, ещё не пришло – слишком близко за спиной они помещались.

Может быть, дела обстояли не так уж плохо. Вслед за молчаливым, но любознательным поколением молодых читателей поднималась совсем юная поросль, которая как будто знала то, чему ещё и не начинала учиться. Их и новым историям обучать не надо – только отпусти, и они всё покроют яблоневым цветом. Нескоро возьмут они в свои бережные руки поврежденную родителями землю, но, как полновластные действующие лица нового Мирового Сюжета, будут, в отличие от тех, знать, как её бурбурячить.

Правда, их уж никак не назовёшь невзрачными, незаметными тружениками прогресса. Разнообразие обличий и способностей человека безгранично, многие из них ещё и явлены не были, и лучше не привыкать к тем, которые становятся знакомыми и удобными. Они чаще всего обманывают ожидания. Придётся человечеству набраться

смелости и остаться наедине с самим собой. Самая трудная часть пути позади, великая борьба закончена.

Когда Пол вспоминал об Авторе, ему казалось, что тот остался бы доволен. Он не представлял его себе иначе как улыбающимся.